"The ABC of Social Science."—Modern Western Civilisation. Greek and Roman Civilisation: The Middle Ages; The Renaissance

By N. Flerovsky.

Выпускъ 10-ый Цѣна 1 т. 3 п. (1 фр. 60 сант.; 30 цент.).

АЗБУКА СОЦІАЛЬНЫХЪ НАУКЪ.

СОВРЕМЕННАЯ

ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ

Греко-Римская Цивилизація; Средніе Вѣка; Возрожденіе Наукъ.

Н. Флеровскаго

Автора «Положеніе Рабочаго Класса въ Россіи», «Свобода Рѣчи и пр.» «Философія Безсознательнаго» и пр., и пр.

1894.

Published by «The Fund of the Russian Free Press.» — London.

(*All rights reserved.*)

3-ья Тысяча.

ИЗДАНІЯ «ФОНДА ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕСС ЛОНДОНЪ» а равно и другія запрещенныя для ввоза въ книги, поименованныя въ каталогахъ **Фонда**, можно получати и по почтѣ въ книжныхъ складахъ послѣдняго: 1) W. Vc 15, Augustus Road, Hammersmith, W., London. (9 — 1 ежедневно); 2) L. Goldenberg, 51, Tribune Building, New- 3) A. Evalenko, 20, Jefferson Street, New-York.

Изданія Фонда находятся также на коммиссіи у слѣдую книгопродавцевъ и частныхъ лицъ:

ENGLAND.

London. — 1) Messrs. Asher & Co., 13, Bedford Street, (Garden; 2) D. Nutt, 270, Strand; 3) A. Siegle, 30, Lime St.
Leeds.—Mr. Rothstein, 87, Byron Street.
Cardiff.—W. Lewis, Bookseller, Duke Street.

N. AMERICA

New-York. — Abramovich Bross, 72, News Stand, Corner Allen Str.
Chicago (Ill.). — Mr. Bernstein, 549, South Canal Str

BELGIQUE.

Bruxelles. — Messageries de la Presse, 16, rue du Percil.
Liège. — Librairie Bellence, 8, rue Régence.
Anvers — Librairie Ackerman, 29, Place Verte.

БЪЛГАРИЯ.

Варна. — Книжарница на **В. Божиловъ.**
Казанликъ. - Книжарница на **Ненковъ.**
София. — Книжарница на **Т. Чишевъ.**
Търново. — Въ редакцията на в. «Работникъ»

DEUTSCHLAND.

Berlin.— 1) Behr's Buchhandlung; — 2) Stuhr's Buchhand
Leipzig. — 1) Kasprovicz, Buchhandlung; 2) «Literarisc stalt» August Schulze; 3) Slavische Buchhandlung (Roskosc
Wiesbaden. — Birlenbach Buchhandlung.
Danzig. — Dr. B. Lehman'sche Buchhandlung.
Karlsruhe. — Buchhandlung Billifeld.

(см. 3-ью стр. обложки

"The ABC of Social Science."—Modern Western Civilisation.
Greek and Roman Civilisation; The Middle Ages; The Renaissance
By N. Flerovsky.

Выпускъ 10-ый Цѣна 1 m. 3 п. (1 фр. 60 сант.; 30 цент.).

АЗБУКА СОЦІАЛЬНЫХЪ НАУКЪ.

СОВРЕМЕННАЯ

ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ

Греко Римская Цивилизація; Средніе Вѣка; Возрожденіе Наукъ.

И. Флеровскаго

Автора «Положеніе Рабочаго Класса въ Россіи», «Свобода Рѣчи и пр.» «Философія Безсознательнаго» и пр., и пр.

1894.

Published by «The Fund of the Russian Free Press.» — London.

(*All rights reserved.*)

3-ья Тысяча.

ОР в.р.п.
А
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Социалистических наук
Академии наук СССР
2150
53

ЛОНДОНСКІЙ ФОНДЪ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ основанъ нижеподписавшимися лѣтомъ 1891 года при помощи взносовъ, сдѣланныхъ нѣсколькими русскими, имѣющими легальное положеніе въ Россіи. Цѣль его удовлетвореніе ощущаемой въ настоящую минуту въ Россіи потребности въ свободномъ печатномъ словѣ. Изданія фонда будутъ выходить отдѣльными брошюрами не періодически, касаясь какъ злобы дня, такъ и общихъ вопросовъ. Считая будущее русскаго народа результатомъ всѣхъ существующихъ попутныхъ теченій и мнѣній въ Россіи, издатели не намѣрены ограничиваться опубликованіемъ только своихъ личныхъ воззрѣній, но приглашаютъ и другихъ авторовъ, не вполнѣ согласныхъ съ ними, но могущихъ доставить рукописи, цѣнныя по своему фактическому содержанію, или въ какомъ нибудь другомъ отношеніи, принять участіе въ изданіяхъ фонда за своей собственной или псевдонимной подписью. Ко всѣмъ-же тѣмъ, кто живо чувствуетъ въ Россіи униженіе невольнаго молчанія и сознаетъ свой нравственный долгъ по отношенію къ массѣ трудящагося народа, населяющаго русскую территорію, мы обращаемся за посильной помощью средствами и литературнымъ матерьяломъ. Мы охотно беремъ на себя всѣ хлопоты по опубликованію всѣхъ присылаемыхъ намъ цѣнныхъ рукописей и аккуратной доставкѣ въ Россію отпечатаннаго.

Тѣ, кто не имѣютъ съ нами связей черезъ нашихъ друзей въ Россіи, могутъ обращаться къ намъ лично или письменно изъ-за границы. Деньги можно пересылать или переводами черезъ одинъ изъ лондонскихъ либо парижскихъ банковъ, или почтовыми переводами (mandats, postal orders) или ассигнаціями любой страны, въ заказныхъ письмахъ.

КОМИТЕТЪ ФОНДА:

Ф. Волховскій (*F. Volkhovsky, 4, Stamford Brook Road, Hammersmith, London, W.*).

В. Войничъ (*W. Voynich-Kelchevsky, 15, Augustus Road, Hammersmith, London, W.*).

С. Степнякъ (*S. Stepniak, 31, Blandford Road, Bedford Park, London, W.*).

Н. Чайковскій (*N. Tchaykovsky, Harrow, England*).

Л. Шишко (*L. Shishko,* — адресъ лондонскаго склада).

ИЗДАНІЯ ФОНДА:

—o—

1-ый выпускъ. — «Чего Намъ Нужно и Начало Конца». **С. Степняка.** Два изданія, 8000 экз. Цѣна 2 пен. (25 сант. 10 центовъ).

2-ой выпускъ. — «Заграничная Агитація». **С. Степняка.** 5000 экземпляровъ. Цѣна 2 пен. (25 сант.; 10 центовъ).

3-ій выпускъ. — «Еврей къ Евреямъ». **Е. Хасина.** 5000 экз. Цѣна 4 пен. (40 сант.; 20 центовъ).

4-ый выпускъ. — «П. К. Домбровскій, Членъ 'Пролетаріата'» (Революціонеръ-Самоучка). Біогр. очеркъ. 5000 экз. Цѣна 2 пен. (25 сант.; 10 центовъ).

5-ый выпускъ. — «Чудная.» Очеркъ. **В. Короленко.** 5000 экз. Цѣна 1 п. (10 сант.; 5 центовъ).

6-ой выпускъ. — «Подпольная Россія». **С. Степняка.** 4000 экз. Цѣна 2 ш. (2,50 фр.).

Тоже. Съ портретами и въ переплетѣ. 1000 экз. Цѣна 3 ш. 3 п. (4 фр.; 75 центовъ).

7-ой выпускъ. — «Конституція графа Лорисъ-Меликова». 5000 экз. Цѣна 3 п. (30 сант.; 6 центовъ).

8-ой выпускъ. — «Чему учитъ 'Конституція графа Лорисъ-Меликова'». **Ф. Волховскаго.** 5000 экз. Цѣна 4 п. (40 сант.; 6 центовъ).

9-ый выпускъ. — «Кто чѣмъ живетъ». **С. Дикштейна.** Народное изданіе съ портретомъ автора. 5000 экз. Цѣна 3 п. (30 сант.; 6 центовъ).

10-ый выпускъ. — «Азбука соціальныхъ наукъ». Греко-римская цивилизація, средніе вѣка, возрожденіе наукъ. **Н. Флеровскаго.** 5000 экз. Цѣна 1 ш. 3 п. (1 фр. 60 сант.; 30 центовъ).

11-ый выпускъ. — «Азбука соціальныхъ наукъ» XVII и XVIII вѣка современной западно-европейской цивилизаціи **Н. Флеровскаго.** 5000 экз. Цѣна 1 ш. (1 фр. 25 сант.; 25 цент.).

12-ый выпускъ. — «Азбука соціальныхъ наукъ». XIX вѣкъ современной западно-европейской цивилизаціи **Н. Флеровскаго.** 5000 экз. Цѣна 2 ш. (2 фр. 50 сант.; 50 центовъ).

13-ый выпускъ. — «Зарницы». Драматическія сцены. **Н. Старикова.** 5,000 экз. Цѣна 3 п. (30 сант.; 6 центовъ).

Кромѣ того **Фондомъ В. Р. П.** публикуются отъ времени до времени отрывочныя новости, замѣтки и сообщенія на отдѣльныхъ летучихъ листкахъ. Цѣна за каждые 4 экз. 1 пенни (10 сант., 10 пфен. или 2 цента). На пересылку прилагается за каждую дюжину или часть дюжины ½ пенни или 5 сант.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

БОРЬБА АНАРХІИ СЪ ПРИРУЧЕНІЕМЪ.

ОЧЕРКЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

I.

Стремленіе трудящихся скрываться.

НАШИ историки отыскиваютъ возникновеніе крѣпостного права, ловятъ и вносятъ въ свои сочиненія акты, въ которыхъ, будто-бы, внесено это начало въ нашу жизнь. Напрасный трудъ; — борьба между свободой и закрѣпощеніемъ существовала на равнинахъ современнаго русскаго государства и тогда, когда еще не было русской исторіи. Если вы будете проникать вашимъ взоромъ вдаль прошедшаго, вы не найдете той эпохи, когда эта борьба отсутствовала; мало того, — вы видите, что съ самыхъ древнихъ временъ ею опредѣляется ходъ эволюціоннаго движенія общественной жизни; ею онъ видоизмѣняется тамъ, гдѣ внѣшнія обстоятельства существеннѣйшимъ образомъ навязываютъ себя въ качествѣ рѣшительной судьбы народа и стараются сжать въ свой желѣзный кулакъ естественное его развитіе. Въ тѣ древнѣйшія времена, съ которыхъ начинаются извѣстія нашихъ лѣтописей, мы находимъ территорію европейской Россіи пустынною и безлюдною. Жить въ этой странѣ и производить для себя все, что нужно человѣку, было очень трудно. Онъ не только долженъ былъ бороться съ суровымъ климатомъ, съ непроходимыми дебрями и болотами, у которыхъ каждый клочекъ земли отвоевывался съ

большимъ трудомъ, но отвоеванная у природы воздѣланная земля давала самые невѣрные урожаи; посѣвы то уничтожались безчисленными паразитами, то вымокали, то вымерзали. Въ наше время мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго голодовкамъ той эпохи, когда люди умирали массами на виду у всѣхъ. «На торгу трупіе, по улицамъ трупіе, по полю трупіе», восклицаетъ лѣтописецъ о голодѣ въ Новгородѣ. То, что случалось тогда въ центрахъ культуры, можетъ встрѣтиться теперь развѣ только на крайнемъ сѣверѣ Сибири, въ мѣстахъ, недоступныхъ для сообщеній. Другимъ врагомъ человѣка былъ лютый звѣрь, который уничтожалъ его домашнихъ животныхъ, но люто̀йшимъ изъ всѣхъ враговъ трудящагося и преумножающаго свое добро селянина были бродяги и воры, занимавшаяся разбоями и набѣгами сволочь. Стада хищныхъ животныхъ и птицъ не имѣли и десятой доли той способности вредить, какою обладали шайки хищниковъ. Эти-то шайки хищниковъ и заставляли людей скрываться въ непроходимыхъ и недоступныхъ углахъ. Спокойные труженики искали не тѣ благодатныя мѣста, которыя всего обильнѣе вознаграждали приложенный къ нимъ трудъ, а мѣстности, къ которымъ не было ни пути, ни дороги: въ хорошихъ сообщеніяхъ они видѣли не источникъ благосостоянія, а опасность разоренія.

Главную причину страшныхъ голодовокъ того времени составляли дурные пути сообщенія и отсутствіе охоты пользоваться этими путями. Люди стремились не къ тому, чтобы сбывать возможно выгоднѣе на базарахъ свое добро, а къ тому, чтобы и они сами и ихъ мѣсто жительства и ихъ имущество оставались въ неизвѣстности. Пусть лучше богатые урожаи, собранные ими въ своихъ дворахъ поѣдались мышами, скотъ пожирался звѣремъ, но они не выйдутъ изъ своего уединенія, не проложатъ дороги отъ своего жилья къ центру и отъ центра къ своему жилью. Если человѣку нельзя было скрыть своего существованія, онъ скрывалъ мѣсто, гдѣ онъ пахалъ, гдѣ онъ косилъ, гдѣ онъ добывалъ необходимое для жизни. Когда нельзя было оставаться безъ сообщеній, онъ предпочиталъ тропу дорогѣ, зимнюю дорогу лѣтней. Такимъ образомъ онъ охранялъ свою свободу и свободу своего труда отъ всякихъ покушеній сильныхъ міра; отъ тѣхъ, которые въ качествѣ постоянной власти готовы были завладѣть и имъ и его землею, отъ тѣхъ, которые безъ всякаго права, кромѣ права силы, способны были сдѣлать на него набѣгъ и сорвать съ него временную дань, и наконецъ отъ тѣхъ, которые могли ему повредить въ качествѣ бродягъ, воровъ и разбойниковъ. Этотъ родъ борьбы съ закрѣпощеніемъ, такая способность уклоняться

была деведена у славянскаго и финскаго племени, населявшаго территорію современной Россіи, до виртуозности. Пріемы, выработанные ею, практиковались втеченіи многихъ вѣковъ до самаго Петра Великаго, а въ видѣ переживанія и до настоящаго времени. Прежде всего каждый старался уединиться и зарыться въ такую нору, гдѣ трудно было-бы узнать о его существованіи. До самаго конца семнадцатаго вѣка въ описаніи населенныхъ мѣстъ читателя поражаетъ частое упоминаніе о деревняхъ, которыя состоятъ изъ одного или двухъ дворовъ. Новѣйшія поселенія въ такихъ-же глухихъ, лѣсистыхъ и сѣверныхъ мѣстахъ, а именно въ Сибири, когда этотъ пріемъ не могъ уже достигать цѣли и укрывать поселенца отъ всюду слѣдящаго за нимъ взора, отличаются наоборотъ многолюдностью; люди заселяютъ густо извѣстныя пространства, стягиваются такъ, чтобы сдѣлать сообщенія между ними возможно удобными и оставляютъ окресности на огромное разстояніе пустынными. Даже въ самыхъ глухихъ тайгахъ, въ сѣверной половинѣ Енисейской губерніи, на сѣверной Оби, гдѣ воздѣлываніе земли прекращается, вы встрѣчаетесь съ многолюдными, а не съ одинокими поселеніями. Разумѣется само собою, что если люди не имѣютъ причины скрывать своего существованія, то такой образъ дѣйствія для нихъ гораздо выгоднѣе; и эксплуатація силъ природы и борьба со звѣремъ, и взаимный обмѣнъ отъ этого выигрываютъ. Если нельзя было избѣгнуть необходимости строиться на пути сообщенія, старались строиться такъ, чтобы поселеніе не было видно съ этого пути; въ особенности у финскихъ племенъ можно было наблюдать эту привычку даже въ девятнадцатомъ столѣтіи.

Искусство селянина скрываться образно изображается въ былинѣ Вольга Святославича, которому Владиміръ подарилъ города со крестьянами и который, разыскивая ихъ, слышитъ, какъ орутъ въ полѣ ратай, а доѣхать до него никакъ не можетъ. Люди, которые не могли уклониться отъ сношеній, старались, по крайней мѣрѣ, скрыться за чьей нибудь спиной. На пути выставлялась одна деревня и кругомъ ея глухая тайга, ни пути, ни дороги; сколько тамъ было въ лѣсахъ безвѣстныхъ обитателей, оставалось недоступнымъ для глазъ. Этотъ родъ поселеній съ выставкой практикуется и по нынѣ, если населеніе имѣетъ какую нибудь причину опасаться сообщеній съ людьми, напр. у раскольниковъ. Если нужны были сношенія, цѣлое общество выставляло за себя одного человѣка, который скромно умалчивалъ о томъ, сколько за нимъ стоитъ людей. Уже въ древнѣйшія времена являлся этотъ одинъ человѣкъ, староста, и

получалъ за всѣхъ; при этомъ всѣ старосты получали поровну. Никто не возвышалъ голоса и не говорилъ; почему-же поровну, насъ много, а васъ мало. Если нужно было распредѣлить сборъ, опять таки являлся этотъ одинъ и всѣ старосты платили поровну и опять никто не требовалъ уравненія и опять никто не говорилъ; насъ мало, а васъ много. Такое обыкновеніе сохранилось до самаго конца семнадцатаго вѣка. Являлся человѣкъ, который не былъ ни старостой, ни представителемъ, а неизвѣстно кѣмъ и неизвѣстно отъ кого и дѣйствовалъ за всѣхъ, обозначая ихъ какимъ-нибудь общимъ, ничего не опредѣляющимъ, именемъ, напр. братьей, товарищами; предлагалъ строить слободу, велъ тяжбу, платилъ подати, покупалъ или продавалъ землю. При этомъ онъ дѣйствовалъ отъ одного своего имени, онъ строитъ, онъ покупаетъ. Встрѣчались, разумѣется, и самозванцы, и проданная такимъ образомъ земля возвращалась назадъ. Даже въ девятнадцатомъ столѣтіи у финскихъ племенъ привычка скрываться доводилась до того, что и на базаръ ѣздилъ и покупалъ и продавалъ за всѣхъ только одинъ изъ деревни. Такія привычки имѣли для скрывающихся, конечно, свои существенныя неудобства, отвѣчавшій своимъ лицомъ за всѣхъ добывалъ себѣ этимъ путемъ различныя преимущества, получалъ иногда даже отъ высшей власти право покизненнаго начальства надъ общиной, но въ общемъ выгоды отъ пребыванія во мракѣ должны были значительно перевѣшивать; достаточно того, что платежная соха, которая представляла вначалѣ по самому смыслу слова одну соху, одного рабочаго человѣка, въ концѣ оказывалась состоящею изъ сотни и болѣе дворовъ. Ясно, какъ пріятно было скрываться за спиною, быть захребетникомъ, затеряться въ толпѣ оставшихся неизвѣстными по числу сосѣдей, подсусѣдковъ и т. д.

II.

Основы организаціи. Родъ и братство.

ПОСЕЛЕНІЯ большихъ размѣровъ, тѣ, которыя равнялись современнымъ городамъ, менѣе отдѣльныхъ лицъ стремились скрываться за лѣсами и болотами, но для нихъ это было уже гораздо труднѣе. Разбойничья шайка, которая подъ предводительствомъ какого-нибудь искателя приключеній или князя

кинулась-бы сбирать дань и грабить разсыпанныхъ по лѣсамъ земледѣльцевъ, погибла-бы съ голоду въ непроходимыхъ тайгахъ. У отшельника земледѣльца всѣ запасы были скрыты неизвѣстно гдѣ, а онъ самъ съ семьей и скотомъ пропалъ при первомъ ихъ приближеніи въ лѣсу безъ слѣда, оставивъ грабителямъ одно пустое свое жилище, которое они могли сжечь со злости и только. Даже и засѣянныхъ полей имъ невозможно было разыскать. Совсѣмъ иное дѣло многолюдное поселеніе, тутъ всегда можно было расчитывать поживиться, да и путь былъ торный. Значительныя поселенія и были пунктами, куда направлялись охотники до чужого добра. Отсюда вытекала необходимость тѣснаго и возможно многочисленнаго союза для отраженія враговъ, являлась родовая жизнь. Стремленіе имѣть многочисленный и могущественный родъ повсемѣстно приводило къ тому, что родовой союзъ далеко не ограничивался одними родственниками, къ нему примыкало множество постороннихъ лицъ подъ разными предлогами и по разнымъ основаніямъ. Это стремленіе создавать тѣсные союзы породило у племенъ, населявшихъ европейскую Россію, обыкновеніе переносить имена, свойственныя семейному союзу на общественныя единицы. Изслѣдователямъ нашей старины случалось очень вѣрно замѣчать, что родомъ въ древности наши славяне называли семейство, такое-же семейство, какъ и современное крестьянское: отецъ и дѣти, мать и дѣти, братья, оставшіеся жить нераздѣльно, съ ихъ семействами. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ вспомнить слабость древнихъ понятій о наслѣдованіи въ боковыхъ линіяхъ. Только право дѣтей на наслѣдство глубоко укоренилось въ сознаніи народа, а затѣмъ оно легко объявлялось вымочнымъ и переходило напр. къ князю. Семья, мужъ и жена, это родъ. Отъ нея рождаются дѣти, она, для прокормленія этихъ дѣтей, размножаетъ на землѣ плодородіе, обиліе. Начало порождающее обоготворяется, составляетъ языческое божество — Родъ; божество, создающее людей, плоды земные, обиліе.

Наши предки были и покладливы и склонны уживаться, но въ тѣ суровыя времена грабительства и насилій въ нихъ преобладало стремленіе уклоняться отъ всякой лишней близости; вотъ почему даже и въ самыя отдаленныя времена, до которыхъ доходятъ свѣденія объ образѣ ихъ жизни встрѣчаются указанія на значительное число отдѣльно живущихъ семействъ. Между тѣмъ потребность самозащиты на бойкихъ мѣстахъ приводила къ необходимости жить за стѣнами и оградами въ укрѣпленныхъ городахъ и даже внутри городовъ на укрѣпленныхъ дворахъ; вооруженные негодяи жили и внутри городскихъ стѣнъ, и тутъ они готовы были без-

чинствовать и производить всѣ возможныя насилія. Желательно было сдѣлать населеніе этихъ укрѣпленныхъ городовъ какъ можно болѣе значительнымъ и въ особенности привлечь въ него трудящійся элементъ. Рабочій человѣкъ приносилъ съ собою изобиліе, снабжалъ оружіемъ, съѣстными припасами, всѣмъ, что нужно для жизни. Но привлечь его была нелегкая задача въ народѣ, который только и думалъ о томъ, какъ бы уклониться отъ всякой связи съ сильными, отъ всякаго общества съ ними. Этотъ народъ никогда не могъ убѣдиться, что для него возможно составлять общую волю съ сильными и потому никогда не могъ дойти до идеи общественной организаціи въ томъ родѣ, какъ понимали это дѣло въ Римѣ или въ Аѳинахъ. Онъ былъ поклалливъ на вѣчѣ, какъ и вездѣ, легко соглашался, легко подчинялся; легко было достигать на этомъ вѣчѣ единогласія, легко управлять и безъ вѣча; но чтобы возможно было увѣрить его, что постановленіе этого общаго собранія, на которомъ онъ участвовалъ вмѣстѣ съ сильными равнялось его собственной волѣ? — никогда. До самаго конца вѣчевой свободы онъ никогда не хотѣлъ признать, что постановленіе вѣча составляетъ общую волю, а слѣдовательно и его, онъ всегда только уступалъ силѣ. На этомъ пунктѣ онъ обнаружилъ такое упорство, что помѣшалъ даже самоуправленію достигнуть правильной организаціи и сколько нибудь обширныхъ размѣровъ.

Но если у тружениковъ развиты были пріемы уклоненія, то у заправилъ настолько-же установлялись пріемы заманиванія въ свои сѣти. Уклоненіе и заманиваніе составляютъ два краеугольныхъ камня, двѣ основы, на которыхъ воздвигалось и развивалось зданіе русской общественной жизни. Семья, какъ источникъ плодородія и обилія, въ особенности сильная, многолюдная семья цѣнилась очень высоко; поэтому братья составляли тотъ союзъ, который стоялъ въ глазахъ тружениковъ всего выше, и вотъ строители земли стали приравнивать всякое общество на равнинахъ нашего отечества къ роду; боярина съ его подвластными, съ его дружиною, они называли родомъ, князя тоже; «и изъбрашася 3 братья съ роды своими», говоритъ лѣтописецъ. Что можетъ обозначать въ этомъ случаѣ слово родъ, если не дружину, сподвижниковъ. Оказывается у братьевъ кромѣ одного и дѣтей не было, какимъ-же образомъ они могли составить три рода; говорятъ — это значитъ съ единоплеменниками, — неужели, а развѣ они не принадлежатъ всѣ трое къ одному племени, почему-же сказано съ родами, а не съ родомъ. Племя, занимавшее извѣстную территорію, также называли родомъ; всѣ-де они сидѣли,

каждый съ родомъ своимъ, на своихъ мѣстахъ. Всѣ люди принадлежащіе къ одной волости, или группирующіеся кругомъ боярина, князя также — семья, и эта семья даетъ обиліе, они тѣ-же братья и сестры, они стоятъ другъ за друга, между ними солидарность и взаимность, примыкайте къ нимъ и вы будете имѣть обиліе и съ вами они будутъ обращаться, какъ съ роднымъ и къ вамъ будутъ относиться, какъ къ брату. Человѣкъ того времени говорилъ: я роду русскаго, вмѣсто того, чтобы сказать: я гражданинъ русскаго государства, я принадлежу къ русскому государству. Напр.: «мы отъ рода русьскаго, Карлъ, Ингельдъ, Фарловъ . . . ине послани отъ Олга, великаго князя русьскаго, и отъ всѣхъ, ине суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ князь и его великихъ бояръ и т. д.» Неужели, въ самомъ дѣлѣ, та разбойничья шайка, которая пришла съ Рюрикомъ, была какого нибудь рода русскаго, — это была сволочь безъ роду и племени. Она пришла изъ одного изъ тѣхъ разбойничьихъ гнѣздъ, въ родѣ Іомсбурга, какихъ тогда было много по берегамъ балтійскаго моря; это было казачество того времени. Всякій бездомный народъ стекался въ эти мѣста, чтобы искать счастья и приключеній. Вотъ почему всѣ изслѣдователи, которые старались именами лицъ, входившихъ въ ея составъ, доказать ея принадлежность къ тому или другому племени, находили то, что было имъ нужно. Лѣтописецъ перечисляетъ намъ, какой разношерстной толпой эта шайка пополнялась подъ предводительствомъ князей, дѣлавшихъ набѣги на Византію. Что-же могли означать послѣ этого слова: родъ русскій? — Наконецъ слово родъ сдѣлалось собирательнымъ для обозначенія всего человѣчества: родъ людской. Съ появленіемъ христіанства слово «родъ» начинаетъ принимать самыя причудливыя значенія, напр.: «Концакъ съ родомъ своимъ», вмѣсто съ войскомъ, или: «пѣвцы изъ грекъ съ роды своими», вмѣсто хоръ.

Родъ, какъ бы онъ не былъ великъ, хотя-бы онъ составлялъ цѣлое государство — это одна семья, братья и сестры; а потому и слово б р а т ъ употребляется такъ-же, какъ и слово р о д ъ, то въ прямомъ, то въ переносномъ смыслѣ. На это указываетъ множество древнихъ обыкновеній и дошедшихъ до насъ переживаній. По воззрѣнію нашихъ древнихъ предковъ, родъ — это семья. Она олицетворялась и обоготворялась въ лицѣ родительскаго начала, но въ этой формѣ она представляла изъ себя не простой общественный союзъ, а нѣчто большее, таинственный источникъ плодородія, сверхземную, болѣе чѣмъ естественную единицу. Это начало, которое такой-же сверхестественной силой дѣйствуетъ въ самцѣ и въ самкѣ, въ растеніяхъ, во всемъ, что

даетъ плодъ и обиліе. Иное дѣло братья, ихъ общество это уже чисто человѣческое общество: братья — первая вѣковая, неразрушимая, но чисто человѣческая связь, первые мстители другъ за друга и за членовъ семьи, на этомъ первомъ мѣстѣ они называются нашими древними памятниками. Какое можетъ быть отношеніе взаимной солидарности, защиты и мести, этого типическаго признака солидарнаго общества по мнѣнію нашихъ предковъ, между отцомъ и малолѣтними дѣтьми, эта взаимность можетъ явиться только тогда, когда явятся взрослые братья, вотъ почему они первые мстители, вотъ почему ихъ до сихъ поръ называютъ родными братьями, членами рода въ истинномъ смыслѣ чисто человѣческой общественности. Дальнѣйшіе родственники также могутъ называться братьями, но это уже не родные братья, это родъ не въ его прямомъ, а въ переносномъ смыслѣ. Въ этомъ переносномъ смыслѣ слова братъ и сестра получили такое-же обширное значеніе, какъ и слово родъ и стали обозначать все населеніе мѣстности, государства. Въ видѣ переживанія и по настоящее время существуетъ выраженіе: наша сестра для обозначенія всякой женщины. Со словами: братъ, братецъ, обращаются къ первому встрѣчному. «Послушай, братъ», или «сдѣлай, братецъ ты мой!» Такого переживанія мы не встрѣчаемъ ни у нѣмцевъ, ни у французовъ, ни у англичанъ(*). Кромѣ того слова братъ, братецъ выражаютъ симпатію и взаимность, когда онѣ обращены къ дѣйствительно родному брату или къ близкому другу и составляютъ уничижительное, когда онѣ обращены къ совершенно постороннему. Именно изъ высшаго, образованнаго слоя никто не осмѣлится обратиться съ словомъ братъ, братецъ къ постороннему или незнакомому лицу, которое онъ считаетъ себѣ равнымъ или высшимъ. Это потому, что переживаніе сохранилось въ высшемъ обществѣ отъ тѣхъ временъ, когда оно стало протестовать противъ этого родового братства, какъ будетъ разъяснено ниже.

Во всѣхъ этихъ смыслахъ слово братъ употребляется нашими удѣльными князьями. Прежде всего они употребляютъ это слово для обозначенія дѣйствительно родныхъ своихъ братьевъ, затѣмъ они называютъ братьями другихъ своихъ родственниковъ, иногда и такихъ, которые въ настоящее время никогда не назы-

(*) Что слово «братъ» въ смыслѣ согражданина вошло въ употребленіе тѣмъ-же путемъ, какъ и слово родъ, а не водворилось на Руси вмѣстѣ съ христіанствомъ въ смыслѣ христіанскаго братства, видно изъ того, что другія семейныя названія: бабушка, дѣдушка, дяденька, тетенька, переносятся въ видѣ переживанія на всякаго.

ваются братьями; наконецъ употребляется выраженіе вся братья которое обозначаетъ княжескій родъ вообще. Въ рѣчахъ своихъ они называютъ братьями весь народъ; выраженіе это они употребляютъ въ заискивающемъ и заманивающемъ смыслѣ, но не дѣлаютъ изъ него уничижительнаго — это была-бы дурная политика. Лица изъ народа точно также обращаются ко всему народу, со словами «братья», напр.: «и рече Твердиславъ посадникъ: яко, братье, страдали дѣди наши и отци за русскую землю», или, владимірцы; «начаша молвити . . . промышляйте братіе!» — Братьей называется народъ въ обращеніи къ князю, напр.: «и рѣша новгородцы: ащe, княже, братья наша исѣчена суть!» — Лѣтописецъ обозначаетъ словомъ братья весь народъ, напр.: «крестъ цѣлова и князь и Твердиславъ . . . а братья всѣ вкупѣ быша», или «посадникъ Богданъ со своею братьею со уличаны». — Въ полномъ согласіи съ этимъ воззрѣніемъ отъ князя требуются къ народу родственныя чуства и князья цѣлуютъ народу крестъ въ томъ, что они будутъ его любить. Выраженіе: такой или такіе-то съ братей для обозначенія общины, общества или артели, сохранилось чрезъ все время существованія древней Руси и исчезло только при императорахъ, оставивъ послѣ себя до сихъ поръ переживаніе въ формѣ обращенія: братъ, братецъ которое и по нынѣ въ ходу среди народа.

Всѣ эти воззрѣнія, чувства и отношенія сдѣлаются совершенно понятными, если представить себѣ положеніе высшихъ, бояръ и князей во время удѣльнаго періода; они постоянно жили подъ угрозою опасности потерять все, что имѣютъ, они должны были ставить себя такъ, чтобы вполнѣ надѣяться на своихъ людей, вынужденнаго повиновенія было слишкомъ мало при тѣхъ условіяхъ; въ минуту борьбы такое повиновеніе не давало никакого оплота. Люди должны были отстаивать свой союзъ по собственной иниціативѣ, съ энергіей, душой и тѣломъ, только тогда являлся для высшихъ шансъ безопасности. Лѣтописи кишатъ взаимными обязательствами стоять другъ за друга на жизнь и смерть. Сверхъ того понятіе о власти было очень слабо развито въ тѣ времена. Со словомъ князь вовсе не соединялось понятіе о государѣ. Княземъ просто называлось первенствующее по какому-нибудь случаю лицо, поэтому и женихъ и невѣста на брачномъ пиру назывались княземъ и княгиней. Осталось неизвѣстнымъ, кто былъ Кій, основатель Кіева, княземъ или перевозчикомъ, вѣроятнѣе всего, что онъ въ то-же время былъ и княземъ и перевозчикомъ. О томъ, чтобы сдѣлать изъ князей государей, заботилось всего болѣе православное духовенство; но когда

митрополитъ Иларіонъ хочетъ дать народу понять, что св. Владиміръ былъ государемъ, онъ называетъ его не княземъ, а великимъ каганомъ земли русской. Каганъ былъ дѣйствительно государемъ, онъ былъ восточнымъ деспотомъ; князь-же былъ въ понятіи народа прежде всего передовой на войнѣ; въ сраженіи онъ долженъ былъ идти впереди всѣхъ и первый подвергаться опасности; воины не соглашались драться и битва проигрывалась, если онъ этого не исполнялъ. Съ развитіемъ-же понятія о государѣ развился и взглядъ, что государя не слѣдуетъ допускать до опасности, что слѣдуетъ защищать его. Когда и новгородцевъ не оказалось подобнаго храбреца, они призвали себѣ Рюрика. Прекрасно понималъ русскій народъ и его воззрѣніе на князя Святославъ; въ угоду этому міровоззрѣнію онъ сдѣлалъ жизнь свою нескончаемымъ переходомъ отъ одной опасности къ другой; онъ принималъ весьма серьезно идею братства, былъ и начальникомъ и простымъ воиномъ въ одно и то-же время, не только дрался, но и работалъ, напр. гребъ въ ладьѣ, какъ простой солдатъ; жилъ, ѣлъ и спалъ не лучше другихъ, думалъ всего болѣе не объ увеличеніи своихъ притязаній, а о воодушевленіи своихъ людей идеею военнаго братства. Даже сильный князь могъ до того опасаться налегать поборами на страну, которою управлялъ, что его воины оставались безъ необходимаго оружія и одежды: «Рекоша дружина Игореви (въ 945 г.) отроци Свѣнельжи изодѣлися суть оружіемъ и порты, а мы нази». — Воины такого могущественнаго князя, какъ Игорь, не имѣли оружія и платья, которое имѣлось у его подвластнаго Свѣнельда; чтобы его добыть, онъ все таки не облагаетъ жителей, а дѣлаетъ набѣгъ въ сосѣднюю страну. Владиміръ Святой пытается казнить разбойниковъ вмѣсто того, чтобы брать штрафы, и долженъ отказаться отъ такой мѣры, потому что она разстраиваетъ его финансы. Первые князья послѣ Рюрика составили себѣ такое большое государство потому, что они относились къ населенію, какъ къ братьямъ на столько, насколько разбойники могутъ относиться по братски и брали съ нихъ мало поборовъ, но вслѣдствіе этого они должны были дѣлать постоянные набѣги и завоеванія.

III.

Собираніе земли и закрѣпощенія.

РУССКАЯ земля, не въ переносномъ или иносказательномъ, а въ прямомъ смыслѣ этого слова собиралась. Населеніе вѣчно стремившееся разбредаться врозь, то съ тѣмъ, чтобы трудиться на свободѣ въ невѣдомой глуши, то съ тѣмъ, чтобы бродяжничать, нищенствовать и воровать, притягивалось къ центральнымъ пунктамъ и приручалось къ общественной организованной жизни. Не мало стоило труда это прирученіе и въ туманѣ древности теряется безвѣстная дѣятельность на этомъ поприщѣ огнищанъ, бояръ, старостъ градскихъ. Огнищанинъ, боярин, бояръ, боёръ, бауеръ, это то-же понятіе, можетъ быть даже то-же слово (*). Въ лѣсистыхъ мѣстахъ южной Африки до сихъ поръ называются боерами голландцы, которые дѣлаютъ тоже, что въ Австраліи и Америкѣ сквотеры. Это люди смѣло пускающіеся въ безвѣстную даль и заселяющіе пустыни. Даже и въ настоящее время сквотеры составляютъ въ Австраліи и во многихъ мѣстахъ поземельную

(*) Сближеніе словъ породило столько безплодной учености, что скорѣе можетъ возникнуть желаніе избѣгать его, чѣмъ пускаться по тому-же пути, но все таки не безъинтересно замѣтить, что ставянское слово bojar въ его рѣзкомъ, германскомъ произношеніи боеръ очутилось въ южной Африкѣ и тамъ стало обозначать такого-же рода людей, какими были древніе русскіе бояре, не тѣ бояре, которые выродились впослѣдствіи въ служителей князей, а коренные, мѣстные бояре. Боёры и сквотеры выясняютъ намъ положеніе бояръ настолько, насколько сходны мѣстныя условія, въ которыхъ они существуютъ среди безлюднаго края, населеннаго отчасти ихъ единоплеменниками и отчасти инородцами. Боярин сдѣлался аристократомъ, бауеръ, человѣкъ такого-же происхожденія, какъ боёръ, сталъ демократомъ; точно также и сквотеры, смотря по обстоятельствамъ, то превращаются въ аристократовъ, то въ демократовъ. Одинаковость положеній имѣетъ въ этомъ случаѣ гораздо болѣе значенія, чѣмъ созвучіе именъ. Для выясненія положенія боярина важно то, что онъ въ лѣтописяхъ противопоставляется купцу въ качествѣ мѣстнаго крупнаго землевладѣльца и что слова бояринъ и огнищанинъ замѣщаютъ другъ друга, а происхожденіе слова огнищанинъ отъ огнище ясно для русскаго уха по крайней мѣрѣ настолько-же, какъ происхожденіе слова селянинъ отъ село.

аристократію края. Древній бауеръ точно такъ-же, какъ сквaтеръ, расчищалъ лѣса, превращалъ ихъ въ воздѣланныя поля и присвоялъ себѣ созданные такимъ образомъ пашни и луга. Тоже дѣлали бояре и огнищане; слово огнищанинъ существуетъ по настоящее время и обозначаетъ человѣка, который расчищаетъ въ лѣсу «огнище, т. е. выжигаетъ извѣстное пространство, корчуетъ и запахиваетъ его. Въ западной Европѣ значительное число аристократическихъ родовъ произошло отъ лицъ, которые выжигали находившіеся въ общемъ владѣніи лѣса, и полученную такимъ образомъ пашню обращали въ свою собственность. Строить города и деревни считалось въ древнѣйшія времена однимъ изъ первостепенныхъ достоинствъ выдающихся въ обществѣ лицъ. Наши князья гордились числомъ воздвигнутыхъ ими городовъ и деревень. Богатые люди строили гораздо болѣе деревень, чѣмъ было нужно для населенія, и вы до самаго конца XVII-го столѣтія встрѣчаете постоянное упоминаніе о пустыхъ деревняхъ. Обязанность строить составляла для низшаго класса одну изъ древнѣйшихъ повинностей. Опять таки до самаго конца XVII-го вѣка одно изъ самыхъ обыкновенныхъ злоупотребленій управлявшей страною аристократіи состояло въ обремененіи народа постройками для себя. Обыкновеніе строить естественно для заселяющихъ пустынный край, сквaтеры Америки строятъ усадьбы на занятыхъ ими мѣстахъ; за тѣмъ примѣняясь къ духу времени, вслѣдствіе господства денежнаго хозяйства и богатства рабочаго они распродаютъ эти усадьбы мелкими участками; русскіе-же бояре населяли свои деревни людьми, которыхъ старались такъ или иначе поставить отъ себя въ зависимость. Англійская аристократія стронла съ древнѣйшихъ временъ и при цѣпкости укоренившихся у ней привычекъ, строить до сихъ поръ для своихъ фермеровъ въ Англіи, а въ завоеванной Ирландіи не дѣлаетъ этого. Древнее слово бауеръ означаетъ въ одно и тоже время и поземельнаго собственника и строителя.

Древніе русскіе бояре, огнищане были землевладѣльцами, обладателями деревень, стояли во главѣ родовъ и дружинъ, но жили въ центральныхъ пунктахъ волостей; такимъ образомъ они дѣлались тѣмъ цементомъ, которымъ связывалась волость въ одно цѣлое. Ихъ было не мало и у нихъ за спиною стояло довольно народу; чтобы понять это стоитъ вспомнить, какъ при Ярославѣ былъ распредѣленъ сборъ на военныя издержки между новгородскими боярами и мужами. Все таки эти бояре и огнищане жили едва-ли богаче нашихъ современныхъ сельскихъ кулаковъ. Огнищанина случалось заставать ночью въ клѣти, куда онъ самолично забирался воровать подъ страхомъ быть убитымъ, какъ

собака; современный кулакъ, конечно, не соблазнится такимъ ремесломъ. Въ Русской Правдѣ бояре и огнищане оцѣнивались наравнѣ съ пастухами чужихъ косяковъ. Старосты градскіе играли не менѣе древнюю и не менѣе важную роль среди собирателей земли, они были тѣмъ, чѣмъ впослѣдствіи слободчики, — они населяли. Стекаясь на ихъ призывъ люди искали безопасности и вольнаго житья близъ укрѣпленныхъ деревень. Въ центрѣ вліяніе этихъ старостъ было меньше, но дѣятельность ихъ несомнѣнно полезнѣе. Первая-же, роль выпадала на долю князя, на немъ лежала задача стягивать и удерживать при себѣ разбойничью сволочь, это великое зло того времени; князь превращалъ ее въ войско, предназначенное не для разграбленія, а для защиты страны, дисциплинировалъ и обуздывалъ ее. Общество создавалось туго, съ грѣхомъ пополамъ, и чѣмъ болѣе народъ былъ дикъ и несговорчивъ, чѣмъ болѣе онъ стремился расползаться врозь, тѣмъ естественнѣе было въ высшемъ классѣ желаніе подтягивать возжи.

Идея рода, братьевъ, имѣла много достоинствъ для цѣлей организаціи, братья были связаны на вѣки вѣчныя такими узами, которыя нельзя было разорвать никакими путями, братъ не могъ сдѣлаться не братомъ, волею и неволею онъ долженъ былъ стоять за своихъ, дѣлать съ ними общее дѣло, защищать ихъ, мстить за нихъ, если братъ не выполнялъ этой обязанности, если онъ измѣнялъ своему долгу, всѣ возставали на него, ему самому мстили, т. е. наказывали его. Идея родового братства наложила такой особый отпечатокъ на политическую борьбу внутри древнихъ свободныхъ обществъ или республикъ, что характеръ ея для многихъ остается непонятнымъ. Тамъ не было борьбы партій, сословій въ томъ смыслѣ, какъ мы видимъ ее теперь или какою она была въ Римѣ и Аѳинахъ, гдѣ плебеи боролись съ патриціями, демосъ отвоевывалъ себѣ права аристократіи. Въ древней Руси борьба производилась родами, вставалъ родъ на родъ, какъ говоритъ лѣтописецъ. Внутри рода не было или не признавалось противоположныхъ интересовъ, тамъ было единство, братство: изъ кого-бы не состоялъ родъ, изъ семейства, изъ общества, сцементированнаго однимъ, стоящимъ во главѣ его человѣкомъ (родъ боярскій, бояринъ съ дружиною), изъ общины, составляющей улицу, конецъ, городъ, волость, родъ этотъ составлялъ сплоченную единицу, рѣзко противопоставлявшуюся всѣмъ прочимъ. Люди, входившіе въ составъ этого рода, клали другъ за друга свои головы, вмѣстѣ боролись, побѣждали, погибали, богатѣли и раззорялись. Рознь между ними, рознь сословная — это произведеніе позднѣйшаго времени, такого времени, когда люди не нуждались

болѣе въ прежней сплоченности, когда слабые могли уже сами сплочиваться между собою, вмѣсто того, чтобы прилѣпляться къ сильнымъ.

Идеи рода, братства были прекрасными организаторами, но для сильныхъ они имѣли весьма существенный недостатокъ, въ понятіи братства лежало понятіе о равенствѣ. То-ли дѣло идея дѣтства, и это родъ, и тутъ вѣковѣчная, неразрывная связь, но вмѣсто идеи равенства выплываетъ на первый планъ идея повиновенія — дѣти должны повиноваться: учить, наказывать дѣтей обязанность родителей, но наказывать родителей — это ужасъ, преступленіе. Идея дѣтства беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ идеей братства. Общественныя воротила, собравшись на вѣчѣ и скрѣпляя обязательства за себя и за своихъ, клянутся сложить головы свои съ дѣтьми. Дѣти, чадо, чадь, отроки стали обозначать живущихъ при князѣ или боярынѣ и подчиненныхъ ему взрослыхъ мужчинъ, напр. владыко Василій съ дѣтьми, Милонѣжкова чадь, Милорошничина чадь. Какъ многочисленна бывала эта чадь, видно напр. изъ слѣдующаго: Бастѣева чадь нападаетъ на Мстислава «и много изоимаши дружины около его». Наконецъ эти слова сдѣлались общимъ названіемъ для подчиненныхъ и низшаго класса народа, напр. «сташа простая чадь на архимандрита Есипа» или «биша челомъ (архіерею), чтобы слово добро подалъ за свои дѣти, зя весь Новгородъ». Слова эти стали наконецъ обозначать нѣчто въ родѣ общественнаго класса. Слово братъ никогда не могло получить такого спеціальнаго значенія. При подобныхъ воззрѣніяхъ идея закрѣпленія носилась въ воздухѣ; всякій человѣкъ считался прикрѣпленнымъ къ волости, подобно тому, какъ братья и дѣти были неразрывно прикрѣплены къ семейству и роду, изъ волости нельзя было вывести невѣсту не заплативъ выкупа. Янъ приходитъ на Бѣлозеро собирать дань для Святослава и узнаетъ, что волхвы тамъ убиваютъ женщинъ, обвиняя ихъ въ колдовствѣ. Онъ спрашиваетъ, чьи они смерды, т. е. къ какой волости они принадлежатъ, и, узнавъ, что они изъ святославова княжества, прямо требуетъ, чтобы ихъ ему выдали, подобно тому, какъ господинъ требуетъ выдачи своего раба. Высшіе классы не остановились на этомъ: родительскія отношенія казались имъ мало удовлетворительными; они предпочитали связь между господиномъ и холопомъ, которому безнаказанно можно было отсѣчь руки и отрѣзать носъ, какъ сдѣлалъ архіепископъ Лука съ холопомъ Дудикомъ. Такое отношеніе, конечно, вполнѣ обезпечивало и неразрывную связь и повиновеніе. То, что устрашало спартанца, аѳинянина и римлянина, для русскаго князя и боярина казалось не страшнымъ, а заманчивымъ; онъ не только

не боялся давать рабамъ оружіе въ руки, но видѣлъ въ этомъ для себя преимущество, онъ старался дѣлать своихъ рабовъ начальниками надъ свободными людьми. Сдѣлаться рабомъ было нерѣдко преимуществомъ, а не лишеніемъ. Къ рабству были открыты настежь всѣ двѣри и торная дорога. Несостоятельность дѣлала человѣка рабомъ и это было меньшее. За преступленіе отца дѣти продаются въ рабство. Мужчинѣ и женщинѣ стоило наняться безъ ряду и они дѣлались холопами, даже тіуны. Полъ Россіи обращено было-бы въ рабство, если-бы это правило примѣнить въ настоящій день. Человѣку стоило взять у боярина или князя денегъ, орудія труда, сѣмена, какую нибудь малость и онъ закладывался, онъ былъ закабаленъ. Новый господинъ могъ имъ распоряжаться, могъ его бить по своему произволу и призадумываться ему приходилось развѣ надъ изувѣченіемъ. Стоило господину заплатить за кобальнаго третьему лицу вознагражденіе или штрафъ и кобальный превращался въ раба. Никакая осторожность, никакая предусмотрительность не спасала; то и дѣло набѣгали враги, полонили людей и обращали ихъ въ рабовъ, напр. «воемъ наполниться до изобилія и колодники и чагами и дѣтьми ихъ и челядью и скоты и конми».

Разница между свободнымъ, кмѣтемъ, смердомъ челядиномъ или рабомъ стерлась до такой степени, что у насъ возникалъ вопросъ: считать-ли смерда свободнымъ человѣкомъ или крѣпостнымъ; лѣтописецъ, повѣствуя о разграбленіи селъ и деревень, безразлично обозначаетъ ограбленныхъ и избитыхъ словами: кмѣть, смердъ и челядинъ. Люди высшихъ сословій до самаго царскаго періода добровольно переходили въ кабалу, въ лицѣ Владиміра рабъ вошелъ даже на великокняжескій престолъ и Рогнѣда составляла не правило, а исключеніе. Начальствующій холопъ сдѣлался весьма обыкновеннымъ явленіемъ, въ его пользу могло существовать даже предположеніе. Если нѣтъ свободнаго человѣка, говоритъ Русская Правда, то свидѣтелемъ можетъ служить и боярскій тіунъ, онъ слѣдовательно предполагается рабомъ. Василько кричитъ начальникамъ осажденнаго имъ города: «Костянтине, холопе, и ты другій, холопе». При передачѣ по завѣщеніямъ крѣпостные и свободные сбрасывались въ одну кучу и передавались безразлично, какъ собственность; въ завѣщаніи Владиміра говорится (1287 г.): «даетъ есмь княгинѣ своей городъ свой Кобрынь и съ людьми и съ данью». Съ такимъ-же безразличіемъ, съ какимъ народъ называется братьями, чадью, онъ называется и холопами. Ростовцы говорятъ про Владимірцевъ: «то суть наши холопи, каменьницы». — Дошло, наконецъ, до того, что князь могъ дѣлать

всякаго холопомъ по своему произволу: «если князь разгнѣвается, говорится въ договорѣ Мстислава съ Ригою (1229, г.) на человѣка и отъиметъ у него все, а жену и дѣтей сдѣлаетъ холопами». — При такомъ направленіи всѣ поборы и повинности возвышаются, даже слободы платятъ дань; работать на другого обозначается знаменательнымъ словомъ «страдать». — Въ видѣ образца господствовавшаго тогда произвола и самовластія можно привести слѣдующій примѣръ (1169 г.): Феодорецъ, владыко владимірскій и всей земли ростовской, затворилъ во Владимірѣ всѣ церкви и ключи взялъ себѣ, людей облагалъ произвольными работами, заточалъ, грабилъ; онъ былъ мучителемъ не только для простаго народа, но и для монаховъ, игуменовъ и священниковъ, стригъ имъ головы и бороды, выкалывалъ глаза, отрѣзалъ языки, распиналъ на стѣнѣ и мучилъ немилосердно съ цѣлью исторгнуть у нихъ имѣнье; «имѣнья бо бѣ не сыть, яки адъ», говоритъ лѣтописецъ. Римляне и аѳиняне вели упорную борьбу противъ закабаленія за долги и все таки кончилось тѣмъ, что и въ Римѣ и въ Аѳинахъ число рабовъ сдѣлалось громаднымъ по сравненію съ свободными гражданами. Въ древней Руси никакой подобной борьбы не велось, въ рабство шли и высшіе и низшіе. Когда децемвиръ объявилъ дочь римскаго гражданина рабою, отецъ ее убилъ и Римъ возсталъ, до такой степени римляне дорожили своей свободой. Что сказали-бы аѳиняне, если-бы Периклъ или Алкивіадъ вздумалъ вооружить своихъ рабовъ и поставить ихъ начальниками надъ городомъ, какъ поставлены были Константинъ и Лука Иванковичъ, что сдѣлали-бы римляне, если-бы на это осмѣлился какой нибудь Аппій Клавдій или Каріолант? Не даромъ въ числѣ главныхъ предметовъ вывоза изъ Руси считались: медъ, воскъ и рабы. Какое-же можно послѣ этого сдѣлать предположеніе по отношенію къ древней Руси, — ей слѣдовало предсказать быстрое и всеобщее порабощеніе, — но предсказанія не всегда оправдываются.

IV.

Борьба съ закрѣпощеніемъ.

Князь прежде всего любилъ своихъ дѣтей и любилъ ихъ болѣе или менѣе равною любовью; теоретическое понятіе государства для него не существовало, онъ думалъ не о государствѣ, а о томъ, какъ бы раздать своимъ дѣтямъ свое княжество. При жизни онъ раздавалъ имъ части его въ управленіе, послѣ смерти онъ имъ оставлялъ ихъ навсегда. Ему присуща была мысль о пользѣ, которая могла-бы произойти, если-бы его княжество оставалось сплоченнымъ, но эта идея могущества не была въ его сердцѣ настолько сильна, чтобы онъ ради нея согласился безусловно подчинить всѣхъ одному, а если-бы онъ захотѣлъ, то ему бы это не удалось — противъ него было общественное мнѣніе и міросозерцаніе народа. Князья оставались самостоятельными, Русь наполнялась самостоятельными князьями, изъ которыхъ каждый думалъ только о томъ, какъ бы расширить свою волость, какъ бы захватить другую получше и подоходнѣе, а у кого, это было для него безразлично. Князья перелетали съ волости на волость, «какъ орлы», мѣстные-же бояре оставались въ своихъ волостяхъ на своихъ земляхъ. Пришедшій извнѣ князь являлся къ нимъ съ своими излюбленными людьми, на которыхъ онъ опирался, которыхъ онъ желалъ наградить; ему нужно было много движимаго имущества, чтобы обезпечить себя на всякій случай, и люди его также были охотниками до наживы. И доходныя мѣста и имѣнья могли получаться только на счетъ мѣстныхъ бояръ и на счетъ народа. Чтобы оградить себя, боярамъ оставалось создать солидарность между собою и народомъ и опираться на него. Они должны были провозглашать и отстаивать такіе порядки, такія воззрѣнія, которые одинаково ограждали-бы и ихъ и народъ. Началу закрѣпощенія, повиновенія они противопоставили начало свободы и добровольнаго союза и, при этомъ своемъ стремленіи, встрѣчали всегда готовыми къ ихъ услугамъ соперничествующихъ князей. Одною рукою они созидали зданіе рабства, другою разрушали его до основанія и творили то и другое одинаково въ своихъ интересахъ.

Идеѣ дѣтей, чади, отроковъ они противопоставляли идею дружины, друзей, пріятелей, т. е. людей добровольно соединяющихся, принимающихъ кого-нибудь въ свой союзъ (отъ слова пріять, принять). При этомъ принимать могли и высшіе низшихъ и низшіе высшихъ. Тутъ дѣло свободное, хочешь дружи, хочешь принимай, хочешь нѣтъ. Если-бы дѣло не касалось ихъ собственной шкуры, то они конечно твердили-бы одни закрѣпощающія слова, но теперь была другая рѣчь, они старались эмансипировать народъ, доказывать ему, что онъ можетъ поддерживать на княжествѣ того, кто ему любъ. Любъ намъ — оставайся, не любъ — скатертью дорога. Свобода принять, свобода защищать, свобода переходить. Вдругъ среди похода войско останавливается, походъ ему не любъ, смольняниъ поссорился съ новгородцемъ и изъ за этого все войско передралось, они не хотятъ идти далѣе вмѣстѣ, — князь назадъ, и поворачиваются оглобли. Князь принять и правитъ, къ городу подступаетъ его соперникъ — народъ встаетъ, онъ предпочитаетъ этого соперника — князь, утекай, пока живъ. Умираетъ отецъ, бояре идутъ къ тому изъ дѣтей, котораго предпочитаютъ и этому предпочтенному достается сила. Соперничество князей сильно способствовало развитію начала свободы переходовъ-проповѣдывать вѣрность вассала своему господину сдѣлалось не возможностью, нелѣпостью, дурной политикой; это могло вести только къ козням и ссорамъ, увеличивать безпорядокъ и всѣ сопряженныя съ нимъ опасности вмѣсто того, чтобы ихъ уменьшать. Потребность хотя какого-нибудь, хотя худого мира, заставляла оставлять дѣла своему теченію, давать дружинѣ свободу, не мѣшать переходамъ, не мстить за нихъ отбираніемъ земли и имущества, чтобы не создавать себѣ опасныхъ враговъ у сосѣднихъ князей. Выработался взглядъ, который сталъ отражаться и на взаимныхъ договорахъ между князьями: «боярамъ и слугамъ моимъ насъ вольнымъ воля».

Понятія того времени были расплывчаты, а идеи свободы заразительны; понятія слуги, дружины расплывались очень широко, такъ широко, что слово дружина употребляется равнозначащимъ слову народъ, вмѣсто дружина говорится прямо: новгородцы, смольняне, кіевляне и обратно. Въ дружинѣ, какъ въ народѣ рабы смѣшиваются съ свободными. Гдѣ начало, гдѣ конецъ этому праву на свободу перехода? И развѣ это вопросъ права, даже смѣшно говорить о правѣ въ удѣльной Руси. Всѣ нуждались тогда всего болѣе въ людяхъ и въ такихъ, которые способны были защищать ихъ на войнѣ и въ такихъ, которые способны были-бы работать и обезпечивать нужды военной дру-

жины. Людей старались добывать себѣ гдѣ и какъ только могли и заманиваніемъ и переманиваніемъ, и забираніемъ въ плѣнъ на войнѣ и похищеніемъ въ мирное время. Похищеніе рабовъ составляло спеціальное преступленіе того времени. Что съ возу упало, то пропало, — ушелъ человѣкъ, искать, добывать его безплодный трудъ. Князья подавали первый примѣръ, а слуги ихъ и судьи усердствовали вдвое для населенія деревень ихъ государей и своихъ собственныхъ; — ищи послѣ этого правосудія. Князья старались захватить какъ можно больше людей не только внутри своихъ владѣній, но и у сосѣднихъ княжествъ, они въ этихъ княжествахъ учреждали даже слободы и давали привиллегіи. Такой способъ расширять свою территорію, конечно, не могъ нравиться ихъ сосѣдямъ и договоры князей протестуютъ противъ подобнаго образа дѣйствія. Понятно, что на земляхъ князей было жить лучше, чѣмъ гдѣ-либо; прежде всего ихъ населеніе пользовалось нѣкотораго рода преимуществомъ, вслѣдствіе могущества своего покровителя, а затѣмъ тутъ возможна была стачка. Князь не могъ знать всего населенія своихъ земель, если княжескій староста или другой начальникъ принималъ трехъ, а заявлялъ объ одномъ, то отъ двухъ онъ могъ пользоваться за сохраненіе тайны; прелестное житье за спиною, въ качествѣ захребетника, сосѣда, казака, гулящаго ролейнаго человѣка. Слуга и князю угодилъ, увеличилъ число его данниковъ и служителей, и себя не забылъ. На княжескія земли тѣснились, и не мудрено, если гонка князей, ихъ женъ, дѣтей, бояръ за людьми наводила такой ужасъ на мѣстныхъ бояръ. Новгородскіе бояре въ договорахъ своихъ съ князьями настаиваютъ, чтобы и сами князья и ихъ жены и ихъ бояре на новгородской территоріи селъ не строили и не покупали, людей не переманивали, не позволяли имъ закладываться за себя, не принимали ихъ ни за деньги, ни даже даромъ, чтобы они не переводили ихъ и не переманивали изъ новгородскихъ волостей въ свои волости. Къ несчастью, увы, имъ приходилось тутъ-же прибавлять, что условія эти не исполнялись ни братомъ, ни дѣдомъ князя и имъ оставалось утѣшаться взрѣченіемъ: «того ти не дѣлати» или «а того ся, княже, отступи».

Князья размножались, а рядомъ съ ними размножались духовенство и монастыри. Они тянули на сторону князей, поддерживали ихъ и ихъ власть и подъ сѣнью ихъ покровительства размножали свои села и переманивали въ нихъ людей откуда и какъ только могли. И договоры князей и новгородскіе стараются ограждать себя отъ загребистой руки этого новаго элемента. При такой обстановкѣ старинымъ мѣстнымъ боя-

рамъ и землевладѣльцамъ оставалось только по мѣрѣ силъ и возможности не отставать отъ другихъ. Съ своей стороны уходить рабочему человѣку считалось по меньшей мѣрѣ неблаговиднымъ, будетъ-ли онъ свободенъ, будетъ-ли рабъ, онъ долженъ жить тамъ, гдѣ живетъ; даже про казака, про человѣка вѣчно странствующаго, вѣчно живущаго по чужимъ людямъ, про человѣка, котораго свобода никѣмъ не оспаривалась, при уходѣ говорилось, что онъ сбѣжалъ. Въ глазахъ того, отъ кого уходили, уходившій былъ всегда виноватъ, а въ глазахъ того, кому выгодно было его принять, разумѣется, правъ. Но удерживать при себѣ было не легко. Казаку, бобылю стоило только уйти, чтобы пропасть для своего хозяина безъ вѣсти, но и семейному, ролейному человѣку со скотомъ, имуществомъ и дѣтьми достаточно было одного ночного перехода, чтобы скрыться изъ виду; мало-ли тогда шаталось по дорогамъ гуляющихъ людей, богомольцевъ, спасавшихся отъ грабежа во время безпрерывныхъ усобицъ и т. п. Все это искало себѣ мѣста и пристанища, гдѣ могло найти, и возбуждало къ себѣ симпатію и состраданіе, а не злыя мысли о бѣгломъ человѣкѣ. Переходъ за границу княжества, а часто и волости, маломальски смѣтливаго человѣка спасалъ окончательно. Положеніе было таково, что никто не имѣлъ интереса указать на бѣгущаго и всякій имѣлъ интересъ скрыть даже то обстоятельство, что онъ его видѣлъ. Если бѣжавшій окалѣется рабомъ, то указавшій на него рисковалъ заплатить господину его цѣну подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ далъ ему хлѣба или указалъ путь; если онъ его задержалъ, а человѣкъ оказывался свободнымъ, то онъ отвѣчалъ, а если онъ оказывался рабомъ и убѣгалъ изъ подъ ареста, то онъ платилъ его цѣну. Безпрерывно не только деревни, но и населеніе цѣлаго края разбѣгалось. «Чтобы села твои были пусты» было проклятіемъ, типическимъ для того времени. При такомъ положеніи хозяинъ былъ радъ, если дѣло устраивалось миролюбиво и онъ при выходѣ получалъ что-нибудь въ свою пользу или отъ выходившаго или отъ того, къ кому выходившій переходилъ вмѣсто того, чтобы лишиться человѣка, да еще сверхъ того быть обокраденнымъ. Водворился обычай выводного или выходного. И вольный человѣкъ платилъ за выходъ, и невѣста платила при выходѣ за мужъ, и за раба платили.

V.

Боярство, духовенство и княжество.

БОРЬБА въ высшихъ сферахъ кипѣла. Мѣстнымъ боярамъ, крупнымъ землевладѣльцамъ, выросшимъ среди населенія, приходилось удерживать свою позицію противъ наплыва двухъ могущественныхъ соперниковъ — противъ людей князя и противъ размножающагося и укореняющагося въ странѣ духовенства. Нужно предполагать, что сила язычества была велика втеченіе всего удѣльнаго періода. Его вліяніе слѣдуетъ считать окончательно исчезнувшимъ только тогда, когда князья и бояре перестали носить всѣмъ извѣстныя и сохранившіяся въ исторіи языческія имена, иногда на ряду съ оставшимися въ полной неизвѣстности христіанскими. Чему, если не вліянію язычества приписать то обстоятельство, что князья Василій, Георгій, Агафисъ сохранились въ исторіи подъ именами Владиміра, Ярослава, Всеволода. Когда православіе восторжествовало окончательно, тогда московскіе напр. князья носятъ имена, излюбленныя духовенствомъ, Ивана, Семена, Василья, Дмитрія, ничѣмъ не напоминающія языческихъ; древнія, перешедшія отъ язычества имена Олега, Мстислава и т. п. окончательно выходятъ изъ употребленія. Все таки и въ эти времена язычество существовало подъ спудомъ, въ родѣ того, какъ въ настоящее время существуетъ расколъ. При Іоаннѣ Грозномъ въ апрѣлѣ 1552 года и при Михаилѣ Федоровичѣ 24 декабря 1628 года изданы были указы, которые ратовали противъ волхвовъ, коледы, овсеня, языческихъ игрищъ и противъ обыкновенія призывать волхвовъ для благословенія полей и дарованія имъ урожайности, вмѣсто того, чтобы прибѣгать въ этихъ случаяхъ къ духовенству и къ крестнымъ ходамъ. Что-же было при составителяхъ и продолжателяхъ Русской Правды, при Ярославѣ или при третьемъ поколѣніи послѣ Владиміра, когда князья назывались Изяславомъ, Святославомъ и т. п., а мужи ихъ Коснячкою, Перенѣгомъ или при четвертомъ, когда дружину составляли Ратиборы, Нажиры, Мирославы, все имена, не находящіяся въ полномъ мѣсяцесловѣ въ числѣ святыхъ, которыхъ память празднуется православною церковью. Тогда церкви были рѣдкостью; онѣ вначалѣ

туго распространялись въ городахъ, въ селеніяхъ-же долго составляли великую случайность. Чтобы церковь могла возникнуть, она должна была быть дотирована, а при господствовавшей тогда бѣдности это было не легко. Князь не зналъ, сколько у него селъ и сколько въ нихъ жителей, а имѣлъ подробный инвентарь церковныхъ иконъ, ризъ, сосудовъ и утвари.

Даже и тамъ, гдѣ духовенство успѣло водвориться, оно заѣдалось язычествомъ и въ угоду своей паствѣ должно было на ряду съ христіанскими совершать и языческіе обряды; господствовало то, что называлось тогда двоевѣріемъ. «Не токмо-же то творятъ невѣжи, но и вѣжи, попове и книжьници», восклицаетъ христолюбецъ въ своемъ словѣ. Народъ молился по языческимъ обрядамъ подъ овинами, во ржи, у воды, огню, Макоши, Реглу, Виламъ и т. д.; обратившіяся въ христіанство женщины ходили по прежнему на языческія игрища, и это провозглашалось одною изъ причинъ для развода; люди жили въ бракахъ не вѣнчальныхъ и духовенству приходилось признавать такіе браки. Въ семействахъ часть состояла изъ язычниковъ и часть изъ христіанъ; явилось обыкновеніе, которое сохраняется у раскольниковъ до настоящаго дня: членамъ семьи ѣсть и пить изъ разныхъ чашекъ, такъ какъ духовенство воспрещало христіанамъ ѣсть изъ одной посуды съ язычниками. Мѣстные бояре, сами полуязычники, были естественными покровителями полуязыческаго народа, а князья и духовенство, какъ элементъ, пришедшій извнѣ, должны были держаться вмѣстѣ. Связь между кореннымъ, мѣстнымъ высшимъ классомъ и народомъ была тѣмъ болѣе естественной, что ихъ соединяли не только наклонность къ идолопоклонству, но часто и языкъ. Значительная часть территоріи, гдѣ княжили русскіе князья, говорила не русскимъ языкомъ, въ числѣ-же княжескихъ служителей и духовенства было много совершенно чуждыхъ народу иноземцевъ: грековъ, придунайскихъ славянъ, католиковъ (варяговъ), германцевъ и т. п. Духовенство пускаетъ въ ходъ весь свой авторитетъ, чтобы внушить народу непонятную ему мысль, что власть князей происходитъ отъ бога, что они самодержцы. Такъ въ церковномъ уставѣ Ярослава говорится: «всѣ епископы княженія нашего, его-же намъ господь покори»; въ грамотѣ, данной новгородскимъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ церкви св. Іоанна Предтечи, этотъ князь Гаврилъ нареченный Всеволодъ, называется самодержцемъ Мстиславичемъ, а какой онъ былъ самодержецъ?

Въ лѣтописяхъ, написанныхъ духовными лицами, власть и значеніе князей всегда преувеличиваются по сравненію съ другими элементами общественной жизни, боярское управленіе

изображается худымъ. Однако-же Новгородъ и Псковъ, гдѣ значеніе бояръ было наибольшее по сравненію съ другими княжествами, оказываются наиболѣе, а не наименѣе благоденствовавшими изъ русскихъ областей. Даже князь Андрей, убитый въ 1175 году собственными своими слугами, тиранъ, про котораго слуги эти разсуждали: «день того казнилъ, а насъ заутра», представляется у нихъ правымъ и горько оплакивается духовенствомъ, а ростовскіе бояре виноватыми. И какъ имъ не быть виноватыми, если Ростовъ былъ тѣмъ городомъ, гдѣ открыто поклонялись идолу Волосу. Этой борьбой между язычествомъ и православіемъ, перешедшей въ борьбу между мѣстными боярами и духовенствомъ, объясняется почему Новгородъ и Псковъ, гдѣ бояре были всего сильнѣе, чувствовали менѣе отвращенія отъ соединенія съ католическими странами, чѣмъ тѣ области, гдѣ княжескій элементъ былъ могущественнѣе. Ярко очерчивается соперничество княжества и духовенства противъ боярства въ моленіи Даніила Заточника; «Княже . . . луче бы ми видѣти нога своя въ лычницѣ въ дому твоемъ, нежели въ червленѣ сапозѣ въ боярстѣмъ дворѣ; луче бы ми тобѣ въ дерузѣ служите, нежели въ багряницѣ въ боярстѣмъ дворѣ . . . луче бы ми воробей испеченъ пріимати отъ руки твоея, нежели плеча баранья отъ руки злыхъ государь».

Духовенство внесло въ древнюю Русь грамотность и нѣкоторое образованіе, и въ этомъ заключалась его сила, образованіе составляло необходимость для общества. Оно проповѣдывало милосердіе и брало подъ свое покровительство нищихъ, убогихъ, больныхъ, вдовъ и сиротъ; эта проповѣдь, которая у наивныхъ дикарей того времени вызвала обильныя приношенія, сдѣлалась для него источникомъ обогащенія и развивала въ его средѣ лицемѣріе вмѣсто искренности. Оно брало подъ свое покровительство преслѣдуемыхъ, давало имъ пріютъ и защиту, что увеличивало число его данниковъ и населеніе его земель. Что же касается до общаго его вліянія, то никакъ нельзя сказать, чтобы оно было направлено къ развитію гуманности, свободы и достоинства человѣческой личности. Русская Правда, на которой отразилось всего сильнѣе языческое міровоззрѣніе, производитъ весьма благопріятное впечатлѣніе сравнительно съ современными ей церковными уставами. Наказанія въ церковныхъ уставахъ гораздо болѣе строги и тяжки, чѣмъ въ Русской Правдѣ, между ними встрѣчаются явно безнравственныя, въ родѣ отдачи женщинъ и дѣвушекъ въ распоряженіе монаховъ, напр. во всѣхъ случаяхъ, когда дѣвушка забеременѣетъ или выйдетъ за ужъ за неправославнаго, и это въ то время, когда язычество

было сильно и господствовали тайные языческіе браки, даже по необходимости, за неимѣніемъ въ селеніяхъ достаточнаго числа священниковъ. Преступленія въ Русской Правдѣ естественныя: убійство, разбой, поджогъ, кража, насиліе, оскорбленіе словомъ и дѣломъ; въ церковныхъ же уставахъ встрѣчаются совершенно искусственныя и при томъ съ тяжкими наказаніями, напр.: кто острижетъ голову или бороду, подвергается двумъ наказаніямъ: митрополиту онъ платитъ 12 гривенъ, а князь его казнитъ (наказываетъ). По Русской Правдѣ пеня въ 12 гривенъ платится за убійство ратнаго тіуна т. е. офицера, за убійство же рядового всего 5 гривенъ и притомъ безъ всякихъ усложненій. Причина понятна, русскіе имѣли несчастіе заимствовать христіанство и просвѣщеніе изъ византійской имперіи, которая находилась въ полномъ упадкѣ и растлѣніи. тогдашнее русское духовенство воспитывалось въ школѣ византійскаго, до того деморализованнаго, до того возбуждавшаго противъ себя ненависть народа, что эта ненависть послужила одной изъ главныхъ причинъ успѣха магометанъ, сначала арабовъ, а потомъ турокъ. Впрочемъ Русская Правда производитъ хорошее впечатлѣніе не только по сравненію съ современнымъ ей церковнымъ, но и свѣтскимъ законодательствомъ шестнадцатаго и семнадцатаго вѣка. Въ Русской Правдѣ вы видите одно господствующее стремленіе: смягчить естественные въ дикарѣ порывы личной мести за преступленія и замѣнить ихъ исключительнымъ господствомъ денежныхъ штрафовъ. Только тамъ, гдѣ окончательно невозможно ожидать въ дикарѣ воздержанія отъ мести, въ случаѣ убійства, разбоя, поджога, накрытія вора на мѣстѣ преступленія, она допускается и извиняется. Даже тюремнаго заключенія вы въ ней не встрѣчаете, а отъ тѣлесныхъ наказаній вы видите такое отвращеніе, что за самовольное наказаніе кнутомъ полагается весьма высокая пеня. Судебникъ и послѣдующіе законодательные памятники наоборотъ употребляютъ казни иногда самыя утонченныя, тюремное заключеніе, наказаніе кнутомъ, въ размѣрахъ, оставленныхъ на произволъ судьямъ, назначаются въ изобиліи, указывающемъ на жестокость, переходящую всякую мѣру. Безпрерывно встрѣчаются наказанія возмутительно несправедливыя, напр. въ судебникѣ постановлено: если бояринъ, окольничій или другое должностное лицо возметъ взятку и вслѣдствіе того обвинитъ кого-нибудь неправильно, то онъ платитъ тройной штрафъ, если-же жалующійся на него не докажетъ взятки, то онъ наказывается кнутомъ и подвергается тюремному заключенію безъ срока.

VI.

Самозащита въ народѣ.

Въ борьбѣ съ соединенными силами княжескихъ слугъ и духовенства, которые въ большей части случаевъ имѣли рѣшительный перевѣсъ, боярамъ для установленія равновѣсія оставалось одно — поддерживать въ народѣ духъ солидарности, самостоятельности и сопротивленія притѣсненіямъ. Этотъ духъ поддерживался и самою жизнію среди безпрерывныхъ смутъ между князьями. Духъ самозащиты и сопротивленія не можетъ угаснуть въ народѣ, гдѣ изъ году въ годъ повторяются лѣтописцемъ мрачныя картины борьбы на жизнь и смерть. Князья приходятъ съ войскомъ и много пакостей творятъ, какъ говоритъ лѣтописецъ. Разворяютъ страну для своей выгоды и для обогащенія своей дружины, грабятъ дворы богатыхъ, берутъ въ нихъ золото, серебро, оружіе, вино, овощи, все, что имѣетъ цѣну, захватываютъ у бояръ ихъ женъ и дочерей и потомъ требуютъ за нихъ выкупъ: облагаютъ людей контрибуціями, грабятъ села и деревни, отбираютъ у крестьянъ лошадей, скотъ, овецъ, хлѣбъ, тѣшатся надъ ихъ женами и дочерьми, забираютъ самихъ въ плѣнъ и въ рабство. Совершивъ всѣ корыстныя насилія, начинаютъ забавляться, жгутъ села и монастыри, даже большіе города, травятъ засѣянныя поля лошадьми и скотомъ, разворяютъ огороды. Иногда къ врагамъ присоединяются свои; случалось, что у князя заберутъ въ плѣнъ жену или дѣтей и онъ разворяетъ жителей, чтобы заплатить выкупъ; подъ 1174 годомъ говорится, что по подобному случаю одинъ князь продалъ весь Кіевъ. Бывало такъ, что набравъ плѣнныхъ, грабители попадали въ затруднительное положеніе и тогда они ихъ избивали, чтобы отъ нихъ отдѣлаться, эти злополучные были очень счастливы, если воины находили случай продать ихъ за ничтожную цѣну, какъ напр. суздальцевъ продавали по 2 ногаты за человѣка. Все это совершается въ обыкновенное время и при этомъ мимоходомъ достается иногда вовсе постороннимъ, такъ въ 1131 г. новгородцы мимоходомъ избили людей въ Клинѣ. Но иногда борьба ожесточается и тогда совершаются ужасы, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ, въ родѣ страшнаго побоища, названнаго бѣльжанами злою ночью,

когда ни одной веси не осталось цѣлой, или въ родѣ галицкихъ усобицъ начала тринадцатаго вѣка, когда князья избивали массами бояръ и смердовъ, а бояре платили князьямъ тѣмъ-же, или въ родѣ разграбленія Кіева втеченіе двухъ дней во второй половинѣ двѣнадцатаго вѣка. Къ грабежамъ, совершаемымъ русскими другъ надъ другомъ, присоединяются еще болѣе тяжкіе половецкіе. Эти взаимныя насилія составляютъ въ сущности все содержаніе лѣтописей того времени; въ рѣдкіе годы, когда они не свирѣпствуютъ въ странѣ, оказывается, что лѣтописцу нечего болѣе описывать и онъ замѣчаетъ кратко: «бысть тишина» или «не бысть ничто-же.»

При такихъ условіяхъ поневолѣ каждому, оберегая себя, свою семью и свое достояніе отъ ежеминутныхъ опасностей, приходится изощряться въ изобрѣтеніи и пріисканіи средствъ для своего огражденія. Волею и неволею каждому приходится дѣлаться общественнымъ дѣятелемъ, обсуждать общественные вопросы и принимать участіе въ общественныхъ движеніяхъ. Каждый старается быть вооруженнымъ насколько можетъ; народъ становится чрезвычайно подвижнымъ и впечатлительнымъ, вызвать въ немъ порывы массы очень легко. Злоупотреблять его терпѣніемъ весьма опасно, потому что въ этомъ случаѣ онъ по малѣйшему поводу можетъ создать изъ себя грозную силу и заставить трепетать своихъ притѣснителей. Надежныхъ элементовъ, такихъ, изъ которыхъ во всякое время можно было сдѣлать орудіе для подавленія толпы, въ немъ не было, въ рѣшительную минуту всякій могъ стать на сторонѣ враговъ. Неоднократно народъ собирался на грозное вѣче, осуждалъ на смерть князей и казнилъ ихъ. Втеченіи пятидесяти лѣтъ кіевляне казнили двухъ князей; въ западной Руси расправа доходила до того, что князей вѣшали. При менѣе сильномъ ожесточеніи ограничиваются тѣмъ, что сажаютъ князя подъ арестъ и держатъ два или четыре мѣсяца, то-же дѣлаютъ съ его женой, дѣтьми и боярами. Дома всѣхъ ненавистныхъ народу лицъ подвергаются въ такихъ случаяхъ разграбленію. Это разграбленіе вовсе не имѣетъ того значенія, какое бы имѣлъ подобный актъ въ настоящее время. Разграбленіе по понятіямъ того времени — наказаніе, которому подвергаются разбойники, поджигатели и другіе великіе преступники. Оно стоитъ выше денежнаго штрафа, которому народъ также неоднократно подвергалъ князей и ихъ служителей. Высшихъ сановниковъ свергаютъ съ моста, и когда послѣ подобной казни одинъ посадникъ остался живъ, тогда на него наложили пеню въ 1000 гривенъ и значительными пенями обложили его приверженцевъ. Случалось избіеніе всей партіи князя и обложеніе ея штрафомъ; такъ съ пріятелей Все-

волода взяли штрафъ въ 1500 гривенъ. Смѣщеніе и изгнаніе съ помощью народныхъ движеній князей и высшихъ сановниковъ составляетъ обыкновенное дѣло, хотя нѣкоторые города въ особенности отличаются на этомъ поприщѣ. Втеченіе семнадцатаго вѣка Новгородъ самымъ неправильнымъ образомъ и часто ежегодно смѣняетъ посадниковъ и князей, но большей части это дѣлается съ помощью внезапныхъ народныхъ движеній. Точно также и волости то соединяются, то опять распадаются на части, вслѣдствіе народнаго неудовольствія. Если какому-нибудь князю удавалось на нѣкоторое время прекращать всѣ эти порывы и управлять народомъ самовластно, тогда въ моментъ сверженія ига разгулъ страстей дѣлался ужаснымъ. Такъ послѣ убіенія князя Андрея началась настоящая варфоломеевская ночь или сицилійская вечерня, горожане разграбили княжескій домъ, избили все начальство, посадниковъ, тіуновъ, дѣтскихъ и мечниковъ, разграбили ихъ дома; чтобы участвовать въ этомъ актѣ мести и наказанія, изъ глухихъ деревень приходили люди, которые никогда въ подобныя движенія не вмѣшивались.

Естественно, что при такихъ условіяхъ и князья и высшія сословія принимаютъ всѣ возможныя мѣры, чтобы не раздражать народа и не доводить до взрывовъ; старые и опытные князья предостерегаютъ своихъ дѣтей отъ самовластнаго и легкомысленнаго управленія и убѣждаютъ въ необходимости совѣтоваться съ дружиною, которая, смотря по обстоятельствамъ, то суживается до военнаго совѣта, то раздвигается и включаетъ въ себя весь наличный народъ. И князья и слуги княжескіе опираются на вѣче, чтобы сохранять популярность и ограждать свою безопасность. Всякій благоразумный начальникъ совѣтуется или съ народомъ или съ вліятельными лицами изъ среды народа. Съ участіемъ народа производится судъ всѣми, начиная отъ князя и кончая самымъ незначительнымъ изъ судей, съ участіемъ народа производится раскладка сборовъ. Народъ того времени смотрѣлъ менѣе всего равнодушно на судъ и поборы съ лицъ изъ его среды; напротивъ, онъ принималъ въ этомъ до того горячее участіе, становясь то на сторону обвиненнаго, то на сторону обвинителя, что Русская Правда нашла наиболѣе благоразумнымъ предоставлять судъ по самымъ тяжкимъ изъ преступленій, убійству, разбою и т. д. самому народу, т. е. общинѣ, и ограничивалась тѣмъ, что назначала штрафъ въ пользу князя, который и уплачивала община. Въ указѣ 21 августа 1556 года мы имѣемъ живое изображеніе изстари пріобрѣтенныхъ народомъ привычекъ горячо брать на судѣ ту или другую сторону и еди-

нодушно стоятъ за своихъ. Тутъ описывается какимъ образомъ люди вступаются за человѣка во время слѣдствія, «лжутъ семьями и заговоры великими», человѣкъ по пятидесяти. Чтобы прекратить такое заступничество, повелѣвалось: «выбравъ прикащиковъ и крестьянъ лучшихъ людей пять или шесть, бить кнутомъ». Показаніе одного боярина, дьяка или дворянина или старосты, если онъ говорилъ то, что желали слышать, пересиливало показаніе цѣлой толпы подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ адресовалъ свое показаніе къ государю. Такія мѣры весьма понятны, если вспомнить, что при водвореніи московскаго господства въ Псковѣ произошло цѣлое возстаніе и перестрѣлка изъ за того, что воинъ, москвичъ, взялъ на базарѣ съ воза качанъ капусты силою. Въ этомъ-же указѣ мы видимъ слѣдъ прежней солидарности между боярами и населеніемъ, они подвергаются великой опалѣ, если покровительствуютъ подобнымъ движеніямъ.

Дѣйствительно, времена совершенно перемѣнились; когда-то бояре стояли стѣной за скрывающійся за ихъ спиною народъ. Во время раскладки при Ярославѣ каждый бояринъ заплатилъ въ 225 разъ болѣе мужа, т. е. за себя и за своихъ. Когда новгородскіе бояре позволили татарамъ перечислить свою чадь, въ Новгородѣ начались нескончаемыя волненія. Коренная противоположность въ отношеніяхъ между высшими и низшими въ древности и при московскомъ господствѣ обнаруживается напр. въ томъ, что въ древности господинъ платилъ за своего холопа и долги и штрафы, а напр. по указу 21 ноябея 1629 г. крѣпостные и крестьяне платили долги за своихъ господъ. Въ XIX вѣкѣ чиновники въ Сибири не производили ни набѣговъ, ни грабежей среди инородцевъ, они только брали взятки, противъ которыхъ инородцы не имѣли никакихъ средствъ защищаться и все таки этого чувства своей безпомощности было достаточно, чтобы создавать у инородцевъ непреоборимую солидарность между всѣми богатыми и бѣдными, высшими и низшими, они дѣйствовали какъ одинъ человѣкъ, мстили жестоко, совершали убійства, и открыть виновнаго не было никакихъ средствъ. Понятно, что въ Россіи во время удѣльныхъ смутъ эти пріемы солидарности и мести практиковались въ еще большихъ размѣрахъ. Князьямъ и ихъ слугамъ, если они, надѣлавъ пакостей въ странѣ, оставались въ ней съ тѣмъ, чтобы ею управлять, приходилось попадать въ самое незавидное положеніе. Не говоря уже о томъ, что положеніе это дѣлалось въ высшей степени непрочнымъ, они и въ то время, пока находились во власти, становились мишенью народной мести, которая принимала безчисленныя формы и видоизмѣненія; люди разбредались изъ ихъ селъ и деревень, они

мстили за себя поджогами, пріемомъ въ тѣ времена легко осуществимымъ и ужаснымъ по своимъ послѣдствіямъ; лишь только человѣкъ ненавистный народу, подвергался подобному несчастью, народъ толпою кидался грабить спасаемыя изъ огня вещи и многіе при этомъ обогащались, замѣчаетъ лѣтописецъ. Гибельные пожары часто совпадали съ эпохами народнаго неудовольствія. Наконецъ убійство; упоминаются случаи убійства господъ своими холопами. Все это существеннымъ образомъ обуздывало князей и ихъ сподвижниковъ во время междоусобій; всякій опасался сдѣлаться ненавистнымъ тому народу, среди котораго ему придется жить. Поэтому рядомъ съ такими лютыми проявленіями, какъ избіеніе плѣнниковъ, встрѣчаются прямо противоположныя, плѣнники отпускаются домой безъ всякаго выкупа; начальники воспрещаютъ воинамъ всякія насилія надъ жителями, прямо мотивируя запрещеніе тѣмъ, что имъ придется впослѣдствіи жить въ этой волости и управлять ею; убѣждаясь въ невозможности избѣгнуть усобицъ, договариваются во избѣжаніе послѣдствій народной мстительности, въ случаѣ усобицъ жителей въ плѣнъ не забирать и не грабить.

VII.

Заключеніе.

Если мы соберемъ въ своемъ воображеніи все сказанное выше и затѣмъ спросимъ, что изображаетъ изъ себя жизнь древней Руси до нашествія татаръ, то на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: политическій бытъ древней Руси представляетъ собою анархію въ самомъ чистомъ и полномъ ея видѣ. Это нескончаемое противорѣчіе въ воззрѣніяхъ, чувствахъ, мотивахъ и дѣйствіяхъ. Каждый человѣкъ и въ мотивахъ и въ поступкахъ и въ рѣчахъ безпрерывно переходитъ отъ одного къ прямо противоположному; между безграничной преданностью и любовью, гдѣ человѣкъ идетъ за другого на смерть, и безграничной ненавистью разстояніе — одинъ день; безпредѣльность свободы и безпредѣльность порабощенія слиты въ каждой точкѣ политической единицы, какъ положительное и отрицательное электричество слиты въ каждой точкѣ наэлектризованнаго тѣла.

Живя въ эпоху, когда приручение находится въ полномъ цвѣту, мы питаемъ неодолимое отвращеніе къ анархіи; въ то-же время въ видѣ противовѣса крайностямъ теоріи приручения является въ нашей-же средѣ идеализація анархіи; ее изображаютъ цѣлью, окончательнымъ пунктомъ, къ которому должно стремиться человѣчество въ своемъ развитіи; существуетъ въ нашей средѣ одинъ весьма извѣстный писатель, который утверждаетъ даже, что анархія составляетъ истинное осуществленіе ученія Іисуса Христа. Имѣя передъ собою прекраснѣйшій образецъ самаго чистаго типа анархіи въ видѣ исторіи дотатарской Руси, мы имѣемъ возможность понять такое состояніе общества въ его жизненныхъ, дѣйствительныхъ чертахъ, которыя гораздо выразительнѣе всякихъ метафизическихъ пареній. Прежде всего наиболѣе выдающуюся, наиболѣе бросающуюся въ глаза черту анархическаго состоянія составляетъ жажда организаціи: чѣмъ сильнѣе разыгрывается анархія, тѣмъ могущественнѣе просыпается въ людяхъ стремленіе къ организаціоннымъ союзамъ; ни при какихъ другихъ общественныхъ состояніяхъ люди не переживаютъ такихъ страстныхъ всепоглощающихъ организаціонныхъ порывовъ, когда они забываютъ всѣ существующія между ними различія и счеты и сливаются въ одномъ всеобъемлющемъ братскомъ чувствѣ; въ этомъ настроеніи они совершаютъ великіе подвиги самоотверженія и геропзма. Но, увы, эта жажда организаціи — жажда Тантала, которой никогда не суждено достигнуть удовлетворенія. Лишь только созданная восторженнымъ порывомъ организація переходитъ въ постоянное состояніе, начинается работа другихъ, прямо противоположныхъ стремленій къ порабощенію и закрѣпощенію, и этимъ вызывается новая столь-же крайняя реакція. Жажда организаціи, дѣятельное стремленіе и въ то-же время полное неумѣніе, полная неспособность найти для нея удовлетворительную форму, вотъ источникъ, изъ котораго вытекаетъ анархія и причина, обусловливающая продолжительное ея существованіе.

Отсюда ясно, что анархія составляетъ начало, исходную точку въ исторіи общественнаго развитія, а не конечную его цѣль. Приручение образуетъ естественнымъ образомъ слѣдующую за ней ступень. Но никакъ нельзя сказать, чтобы анархія изображала собою одно сплошное черное пятно по сравненію съ этимъ послѣдующимъ фазисомъ. Мы видимъ, что состояніе анархіи отстаивается и отстаивалось у насъ именно народными массами какъ нѣчто, что имѣло для нихъ цѣну и чего онѣ не желали лишиться; каждый шагъ въ области приручения берется съ бою, а когда въ началѣ семнадцатаго вѣка наступаетъ рѣшительный моментъ, вся страна

приходитъ въ необузданное волненіе и на время водворяется уже не анархія, а хаосъ. Вся исторія человѣчества втеченіе многихъ тысячелѣтій представляетъ собою нескончаемую борьбу анархіи съ приручеміемъ; при этомъ, то анархія дѣлалась нестерпимою и замѣнялась приручеміемъ, то наоборотъ: приручение дѣлалось невыносимымъ и замѣнялось анархіею. Даже сравнительно на высокой степени культуры въ девятнадцатомъ вѣкѣ приручение смѣнилось анархіей въ освободившихся изъ подъ власти Испаніи американскихъ республикахъ. Императоръ Максимильянъ сдѣлался злополучной жертвой ложнаго убѣжденія, что народъ во всѣхъ случаяхъ предпочитаетъ приручение анархіи. Животное также живетъ въ состояніи анархіи и также борется противъ приручения, хотя его потребности въ прирученномъ состояніи обезпечены неизмѣримо лучше; такъ-же, какъ неисправимые дикари, оно часто вымираетъ, а не приручается.

Исторія древней Руси показываетъ намъ съ полною ясностью, почему люди отстаиваютъ анархію. Русскій народъ въ минуту приручения боролся не потому, что приручение принесло съ собою произволъ крѣпостной зависимости, онъ во время анархіи подвергался не менѣе жестокому произволу, между положеніемъ свободнаго и раба разница была такая ничтожная, что крѣпостное право можно было распространить на всю массу сельскаго населенія; отягощение трудомъ также не составляло рѣшительной причины борьбы, люди сами, чрезъ свои инстинкты, развивали тяжесть своего труда и при господствѣ анархіи. Борьба народа за анархію была чисто стихійная, онъ боролся, какъ звѣрь борется за свою свободу, онъ боролся за то здоровое возбужденіе нервовъ, за ту умственную и нравственную энергію, которая воспитывается въ людяхъ суровой дисциплиной анархіи, среди которой все слабое, все вялое и безпомощное безжалостно обрекается на погибель. Народъ боролся противъ того умственнаго и нравственнаго завѣданія, которое сдѣлалось немедленнымъ спутникомъ приручения. Представьте себѣ жирнаго, вялаго и лѣниваго боярина семнадпатаго вѣка въ роли Святослава или Владиміра Мономаха; какую жалкую фигуру онъ изображалъ-бы изъ себя, если-бы ему пришлось, подобно Святославу, грести на равнѣ съ простымъ солдатомъ по бурному Черному морю, какъ-бы онъ пыхтѣлъ и прѣлъ при этомъ. Вообразите его въ положеніи Владиміра Мономаха лицомъ къ лицу съ туромъ, который его топчетъ, или съ медвѣдемъ, который его схватилъ въ лапы и кусаетъ, куда дѣвалась-бы тогда его боярская важность и степенность, въ какой уголъ его тѣла ушла-бы со страху его душа:

это не то, что въ полной безопасности и хладнокровно распорядиться поркой лучшихъ людей. Воспроизведите въ своемъ воображеніи раболѣпнаго крестьянина конца семнадцатаго вѣка и скажите, могъ-бы онъ послужить прототипомъ для Микулушки Селяниновича, передъ которымъ пасуетъ богатырь со всей своей дружиною, или для Ильи Муромца, этой опоэтизированной силѣ «мужичища-деревенщины», спасающей народъ отъ разбойниковъ. Для животнаго существуютъ только два состоянія: состояніе анархіи и состояніе приручения, и никогда не наступитъ того времени, когда-бы животное перестало стремиться къ свободѣ и жить въ состояніи анархіи. Если-бы способностямъ человѣческимъ былъ положенъ такой-же предѣлъ, какъ и способностямъ животнаго, то и у людей анархія и приручение чередовались-бы безпредѣльно; но умственное развитіе подготовляетъ человѣка къ третьему, высшему состоянію: сознательной общественности. Чрезъ это вмѣсто безотраднаго чередованія является постепенность, при которой анархія и приручение составляютъ первую, а сознательная общественность вторую ступень. Злополучіе русскаго царства заключалось въ томъ, что приручение въ немъ совершилось подъ вліяніемъ византійскихъ идей, которыми пропитано было русское духовенство и которыми оно, въ качествѣ самой образованной части русскаго народа пропитало все русское общество. Проникнутое духомъ безотраднаго византійскаго деспотизма, оно въ качествѣ орудія приручения не нашло ничего болѣе плодоноснаго, чѣмъ идея всеобщаго закрѣпощенія. Что приручение вынуждено было общественной необходимостью, а не эгоизмомъ высшихъ классовъ, видно изъ того, что оно началось съ прикрѣпленія князей, затѣмъ перешло на бояръ и завершилось прикрѣпленіемъ народа. Когда оно было закончено, князья и бояре провозглашали себя рабами своего государя — царя: крестьяне называли себя рабами своихъ государей — господъ, жены своихъ государей — мужей. Средство подѣйствовало, но среди этого безраздѣльнаго господства раболѣпія и лицемѣрія погибла въ народѣ всякая нравственная и умственная энергія.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

ЦИВИЛИЗАЦІЯ БАССЕЙНА СРЕДИЗЕМНАГО МОРЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Античная цивилизація.

До сего времени мы разсматривали общества, которыя стремились удовлетворить своимъ потребностямъ общежитія путемъ выработки организаціонныхъ инстинктовъ и созданія инстинктивныхъ организацій. Путь этотъ правильнѣе всего назвать путемъ приученія. Организаторы государства дѣйствовали въ этомъ случаѣ по отношенію къ лицамъ, составляющимъ государство, точно такъ же какъ человѣкъ дѣйствовалъ по отношенію къ приручаемому животному. Дикарь низшей степени просто убивалъ животное, человѣкъ, развившійся до приручителя, доставлялъ ему разныя, понятныя для него удобства и тѣмъ пріучалъ къ себѣ. Онъ его кормилъ въ голодное время, защищалъ, и, пользуясь уже развившейся инстинктивно стадностью, становился на мѣсто самца, руководящаго стадомъ и

пасъ животныхъ. Приручая животное, можно было идти только такъ далеко, какъ позволяли его инстинкты и ограниченныя умственныя способности: напр., убивать теленка и, замѣняя его собою, доить корову, — прикармливать курицу, затѣмъ похищать у ней яйца и заставлять ее этимъ нестись неопредѣленное время и т. п. Умственныя силы человѣка были несравненно значительнѣе и притомъ способны къ большому развитію, а потому въ немъ можно было прямо создавать новые, неизвѣстные до того времени инстинкты и тѣмъ производить организаціи небывалаго совершенства. Эти организаціи порождали возможность давать силамъ и способностямъ людей употребленіе, вызывавшее ихъ къ дѣятельности съ немыслимой до того времени энергіей. Великимъ шагомъ на этомъ поприщѣ было порожденіе государства. Самая низшая степень государственнаго союза была создана завоеваніемъ; но завоеваніе никогда не могло бы привести къ такому результату, если бы при этомъ людямъ не прививались извѣстнаго рода инстинкты и идеалы. Путь, которымъ они создавались, не шелъ далѣе эмпирическаго мышленія и того единообразнаго повторенія, которое такъ часто замѣняетъ собою логическія посылки. Страхъ передъ силою помогалъ создавать изъ ней идеалъ-культъ силы и развивать инстинктъ повиновенія. Повиноваться силѣ и тѣмъ укрощать ее, входить съ нею въ союзъ представлялось лучшимъ средствомъ обезпечить себѣ безопасную жизнь. При способностяхъ человѣка инстинктъ повиновенія имѣлъ въ немъ неизмѣримо болѣе разнообразныя послѣдствія, чѣмъ у животнаго. Представьте себѣ одного человѣка и кругомъ его на обширномъ пространствѣ уже приученныхъ животныхъ. Многими ли онъ могъ бы воспользоваться? Небольшимъ числомъ птицъ, какой нибудь сотней животныхъ — вотъ и все. Для него было бы невозможно завладѣть животными на пространствѣ территоріи уѣзда. Между тѣмъ какъ среди людей съ помощью инстинкта повиновенія завоеватель могъ управлять обширнымъ государствомъ, заставлять повиноваться себѣ и работать на себя людей, живущихъ

за тысячи верстъ и никогда его не видавшихъ. Но если инстинктъ повиновенія въ человѣкѣ проявляетъ такія невозможныя для животнаго свойства, то съ другой стороны мыслительная сила, которою этотъ инстинктъ порождается, создаетъ одновременно съ нимъ такія стремленія, которыми дѣло прирученія тотчасъ же послѣ своего созданія начинаетъ снова разрушаться. Разъ прирученныя животныя остаются прирученными на вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, пока живутъ съ приручителями. Животныя дикія, пребывающія въ анархіи и животныя прирученныя такъ и существуютъ рядомъ другъ съ другомъ вѣка, оставаясь каждый въ своемъ состояніи. Прирученныя животныя никогда не бунтуютъ и не свергаютъ съ себя массами иго человѣка.

Только тогда, когда человѣкъ насильственно и чрезмѣрно стѣсняетъ свободу животнаго, оно стремится освободиться, бѣжитъ при первомъ случаѣ изъ своей конюшни и изъ хлѣва; да и то легко пріучается добровольно возвращаться въ него. Совсѣмъ другое явленіе представляетъ собою прирученіе человѣка. Приручить его нельзя иначе, какъ создавъ въ немъ идеалъ. Посредствомъ такого идеала сила окружается ореоломъ, изъ нея создается нѣчто великое, прелестное, божественное, передъ чѣмъ человѣкъ преклоняется съ умиленіемъ и съ энтузіазмомъ. Но мы уже показали къ какимъ плачевнымъ послѣдствіямъ ведетъ такой идеалъ. Разъ человѣку сила, власть, могущество представляются прелестнымъ идеаломъ, онъ дѣлаетъ изъ него идеалъ счастья и самъ старается достигать возможныхъ для него размѣровъ власти, богатства и могущества. Онъ стремится всѣми силами изъ приручаемаго сдѣлаться приручителемъ; участь приручаемаго кажется ему низкой, несчастной долей, а судьба приручителя или даже просто разбойника завиднымъ жребіемъ; быть приручаемымъ значитъ быть достойнымъ презрѣнія, сдѣлаться завоевателемъ или даже просто разбойникомъ значитъ возвыситься въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ всѣхъ. Такое противорѣчіе, вытекающее изъ

самой сути идеала и внѣдряющееся въ самую суть развиваемыхъ имъ инстинктовъ, должно было имѣть неизбѣжныя свои послѣдствія. Люди создавали государства, цементировали ихъ путемъ приручения и потомъ собственными же руками разрушали свое дѣло, и переходили къ анархіи. Начало этой сизифовой работы скрывается во тьмѣ вѣковъ; повсемѣстно исторія застаетъ людей въ томъ фазисѣ ихъ развитія, когда они постоянно переходятъ отъ приручения къ анархіи и отъ анархіи къ приручению. Государства слагаются и разлагаются безпредѣльное число разъ; упрочить дѣло приручения и перевести его въ новый фазисъ развитія выпадаетъ на долю религіи. Въ людяхъ изъ зачатковъ любви къ чудесному и неопредѣленнаго мистицизма вырабатывается новый инстинктъ — инстинктъ религіозный. Созданіе этого инстинкта сопровождается порожденіемъ двойного идеала. Первый старый идеалъ величія, могущества и власти, но онъ переносится съ живыхъ людей на воображаемыя существа—на боговъ. Поэтому религія можетъ проповѣдывать, что стремиться къ нему святотатство, грѣхъ, преступленіе, за которое боги наказываютъ невидимымъ образомъ. Власть, богатство и пр. могутъ быть только удѣломъ того, кому боги ихъ дадутъ. Общество, путемъ религіознаго фанатизма, поддерживаетъ status quo и подавляетъ начинанія тѣхъ смѣльчаковъ, которые переводятъ его въ фазисъ анархіи. Другой идеалъ, прямо противуположный — блаженство аскетизма. Этотъ идеалъ изображаетъ въ прелестныхъ, поэтически увлекательныхъ краскахъ бѣдность, лишеніе, униженіе, уединеніе, самобичеваніе, изнурительный трудъ. Возможность создать такой противуестественный идеалъ, внушить энтузіазмъ къ его осуществленію, показываетъ въ какой степени шатки основныя идеи и понятія о счастьѣ въ человѣкѣ, а между тѣмъ это понятіе могло дѣлаться главнымъ стимуломъ его дѣятельности. Мало того, что такой идеалъ, возмущавшій всѣ инстинкты самосохраненія въ человѣкѣ, могъ быть созданъ и существовать въ теченіе тысячелѣтій, которыхъ начало теряется въ

мракѣ доисторическомъ,—два вышеупомянутыхъ идеала, не смотря на рѣзкую ихъ противуположность, могли существовать рядомъ въ тѣхъ же самыхъ людяхъ и стимулировать ихъ дѣятельнвсть то въ одномъ, то къ прямо противуположномъ направленіи. Самыя совершенныя изъ религій умѣли изъ этихъ двухъ идеаловъ, изъ которыхъ одинъ аскетическій энергически противудѣйствовалъ стремленію къ другому, выработать привычки приручености, доходившія почти до степени инстинкта. Въ плѣненныхъ своими идеалами людяхъ они выработывали общественное мнѣніе, которое выливалось въ форму фанатической вѣры.

Однако же прогрессъ человѣчества, создавшій въ средѣ инстинктивныхъ людей мѣстами такое густое населеніе, какъ въ Индіи и Китаѣ, обусловливался вовсе не этими способами приручения, а развитіемъ въ людяхъ привычекъ къ труду и къ умственной дѣятельности, обращенной на производство. Приручители, развивавшіе инстинктъ повиновенія, какъ тѣ, которые дѣйствовали путемъ завоеванія, какъ и тѣ, которые порождали религіозный фанатизмъ, могли только противудѣйствовать развитію трудолюбія и умственной дѣятельности. Чѣмъ въ большихъ размѣрахъ имъ удавалось приручение, тѣмъ съ большей жадностью они пользовались своимъ положеніемъ для эксплуатаціи приручаемыхъ. Налегая на трудящихся силою эксплуатаціи и деспотизма, они сокращали въ нихъ всякую охоту къ труду и сокращали возможность умственнаго развитія. Въ особенности для того, чтобы укоренить въ людяхъ сильный религіозный инстинктъ нужно было въ тѣхъ самыхъ размѣрахъ подавлять въ нихъ духъ пытливости и развитіе умственныхъ способностей. Между тѣмъ умственное развитіе есть краеугольный камень развитія человѣческаго благополучія; его подавленіе даетъ не нормальныхъ людей а уродовъ. Естественное развитіе трудолюбія и умственныхъ силъ совершалось необыкновенно медленно.

Лишь только водворялся какой либо порядокъ государственный или религіозный, господствующій классъ

стремился сдѣлать власть наслѣдственной; чѣмъ болѣе это ему удавалось, тѣмъ болѣе деградировала его раса отъ излишествъ и распущенности, тѣмъ требовательнѣе дѣлались его правители и тѣмъ менѣе они проявляли силы для поддержанія порядка. Безобразный гнетъ превращалъ трудящихся людей въ разбойниковъ, привычки труда исчезали, водворялась анархія. Анархія, сломивъ наслѣдственное господство, открывала поприще для дѣятельности способныхъ и энергическихъ людей, но часто герои являлись опустошителями и не болѣе; культурныя страны дичали и проходило много времени прежде, чѣмъ трудъ находилъ благопріятную для себя среду. Рѣдко привычки труда укоренялись въ такой степени, какъ въ Индіи, а прочтите, что тамъ дѣлалось въ теченіе послѣднихъ столѣтій передъ завоеваніемъ англичанъ; — ея исторія нескончаемая картина разбоевъ и опустошеній съ рѣдкими проблесками мира. Понятно, что человѣческая природа и должна была наконецъ возмутиться противъ такого неестественнаго режима. Она могла терпѣть его только до времени, пока появятся гдѣ нибудь болѣе здоровыя условія жизни.

Вотъ почему должно было явиться нѣчто, что устранило бы упорную неподвижность ума, водворяемую господствомъ религіи и инстинктивной жизни. Это нѣчто и должно было открыть путь къ замѣнѣ вѣры пытливостью, инстинктивныхъ организацій сознательными. Созданіе этого нѣчто будетъ дѣломъ не легкимъ, оно три тысячи лѣтъ употребило на то, чтобы подготовить первоначальныя основы, изъ которыхъ нѣчто когда то можетъ развиться, и, если сдѣлать ботаническое сравненіе, то можно сказать, что люди употребили три тысячи лѣтъ на то, чтобы изъ сада, покрывающаго земную сушу и называемаго человѣчествомъ, отдѣлить часть деревьевъ и сдѣлать имъ прививку въ формѣ образованія. Никто не можетъ сказать, сколько лѣтъ должна будетъ работать цивилизація, чтобы прививка дала плоды, чтобы изъ этихъ плодовъ выросли деревья новой, усовершенствованной породы, т. е. обра-

зованные люди и чтобы новая порода замѣнила старую по всему лицу земли.

Мы видѣли выше, что преимущество современной цивилизаціи заключается не столько въ настоящемъ, сколько въ будущемъ. Восточная цивилизація имѣетъ надъ западной одно несомнѣнное преимущество: она оказалась способной распложать болѣе густое населеніе, чѣмъ западная. Если мы о достоинствахъ почвы можемъ судить по количеству порождаемыхъ ею растеній на пространствѣ той же величины, то мы съ тѣмъ же правомъ можемъ принимать густоту населенія, создаваемую цивилизаціей, за вѣрный признакъ ея культурныхъ совершенствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ однакоже несомнѣннымъ опытомъ доказывается, что цивилизація можетъ появляться и развиваться только путемъ развитія человѣческихъ способностей, поэтому цивилизація, которая открыла новый, основной и болѣе сильный стимулъ развитія, непзбѣжно со временемъ должна взять верхъ надъ всѣми тѣми, которыя не обладаютъ этимъ стимуломъ.

Такой стимулъ и былъ открытъ нашей современной, такъ называемой, западно европейской цивилизаціей. Ея колыбель находится въ античномъ или, правильнѣе сказать, въ греко-римскомъ мирѣ. Великое дѣло греко-римской цивилизаціи заключается въ томъ, что она отдѣлила науку отъ религіи. Во всѣхъ предшествовавшихъ цивилизаціяхъ наука сливалась съ религіей и находилась въ подчиненномъ къ ней положеніи. Если и можно указать на нѣкоторыя исключенія, то они не дали ничего подобнаго тѣмъ плодамъ, къ какимъ привела греко-римская наука. Если смотрѣть на греко-римскую науку съ точки зрѣнія ея содержанія, то нельзя сказать, что это содержаніе дало человѣчеству болѣе полезныхъ и существенныхъ идей и изобрѣтеній, чѣмъ религіозно-инстинктивная культура.. Вся суть ея достоинства заключается въ томъ, что она вполнѣ эманципировалась отъ религіи и противупоставила раціональное изслѣдованіе религіозному вдохновенію. Она отторгнула отъ религіи и наложила свою руку на всю

область знанія и присвоила себѣ право создавать міровоззрѣніе независимо отъ религіи и даже на перекоръ ея ученію. Конечно Сократъ поплатился жизнью за такую дерзость, конечно древніе философы составляли себѣ понятіе о божествѣ, которое не имѣло ничего общаго съ правильнымъ научнымъ синтезомъ, а было просто порожденіемъ философствующей фантазіи; но все таки цѣль была достигнута въ такой степени, что эти порожденія философіи считались высокими произведеніями ума по сравненію съ которыми религіозныя понятія толпы казались жалкими и грубыми суевѣріями.

Тоже самое умственное движеніе, которое отдѣлило науку отъ религіи, сдѣлало первый знаменательный шагъ къ замѣнѣ инстинктивныхъ организацій сознательными. Оно создало идею свободы и стрѣмилось замѣнить идеалы, лежавшіе въ основаніи у инстинктивныхъ организацій, новыми. Ему удалось поставить дѣло такъ, что идеалъ свободы сталъ возбуждать въ людяхъ такой же энтузіазмъ, и побуждать ихъ къ такому же самоотверженію, какъ и идеалы религіозные. Этотъ идеалъ изображалъ передъ людьми картину счастья жизни для общества. Общество становилось тутъ на мѣсто божества; политическій идеалъ побуждалъ человѣка всецѣло посвятить себя обществу, точно такъ же какъ религіозный идеалъ заставлялъ его посвящать себя богу. Нѣчто подобное существовало и въ прежнія времена въ видѣ идеи преданности роду, военному братству, общинѣ, но оно никогда не создавало идею свободы, подобную той, которая развилась въ греко-римскомъ мірѣ, и которая не только воспламеняла умы людей, воспитанныхъ средн этой культуры, но перешла къ послѣдовавшей за нею цивилизаціи и до такой степени овладѣла ею, что прямо направилась къ уничтоженію царства, сцементированнаго военнымъ и религіознымъ деспотизмомъ и къ замѣнѣ его, такъ называемымъ, свободнымъ, самоуправляющимся государствомъ. Греческая наука отличалась отъ предшествовавшей ей религіозно-философствовавшей мудрости тѣмъ,

что она не старалась привить себя людямъ въ качествѣ инстинкта, провозглашая себя непроницаемымъ таинствомъ, откровеніемъ свыше, а прямо объявляла себя порожденіемъ ума человѣческаго, созданнымъ наблюденіемъ и мышленіемъ. Точно такъ же и греческая идея свободы провозглашала себя не предписаніемъ свыше, а постигнутымъ человѣческимъ умомъ условіемъ, которое даетъ людямъ возможность избавить себя отъ деспотическаго рабства и создать въ своей средѣ добровольный союзъ со всѣми сопровождающими его благами.

Отвлеченный идеалъ свободы у грековъ весьма правильный и законченный. По ихъ понятію свободный человѣкъ долженъ всецѣло посвящать себя общественному благу. Дѣйствительно люди только тогда и могутъ быть свободными, когда они всею душою своею сливаются съ общественнымъ благомъ и котда всѣ ихъ мысли и дѣла направлены къ нему. Если каждый желаетъ дѣлать только то, что служитъ къ благу всѣхъ, ни въ чемъ не выдѣляетъ своего собственнаго блага изъ общаго блага, то, разумѣется, всякій будетъ имѣть возможность дѣлать все, что онъ хочетъ и полная свобода дѣйствій станетъ осуществимой. Она будетъ осуществима уже потому, что подобный человѣкъ будетъ правильно относиться къ разномыслію. Только при нашихъ деспотическихъ инстинктахъ мы можемъ считать возможнымъ навязывать отдѣльнымъ людямъ и обществу ихъ благо. То, что человѣкъ ненавидитъ, противъ чего онъ возмущается, не можетъ быть благомъ для него. Чтобы что нибудь превратилось въ благо для человѣка и для общества, нужно его сначала убѣдить въ томъ, что это его благо. Поэтому человѣкъ воспитанный и носящій въ себѣ истинный идеалъ свободы, будетъ дѣйствовать согласно съ понятіемъ общества о его благѣ, и не можетъ поступать иначе, а въ случаѣ своего разномыслія съ обществомъ, будетъ стараться сначала его переубѣдить и только тогда станетъ осуществлять свой взлядъ, когда его воззрѣніе будетъ раздѣляться обществомъ.

Понятно также, что такая свобода приведетъ къ равенству чести, счастья и имущества, къ простой и трудолюбивой жизни. Всякая религія, имѣющая бога, — существо, олицетворяющее собою могущество и власть, развращаетъ этимъ людей; — увеличить свою власть и могущество значитъ тутъ приблизиться къ божеству: понятіе о власти и могуществѣ, какъ объ идеалѣ счастья, дѣлается неискоренимымъ. Но если энтузіазмъ религіозный замѣненъ энтузіазмомъ общественнымъ, богъ замѣненъ обществомъ, то и стремленіе къ власти замѣняется стремленіемъ къ братству и къ равенству, счастье господства счастьемъ братской любви. Если путемъ религіознаго воспитанія можно было цѣлыя общества заставлять видѣть свой идеалъ въ аскетизмѣ, то несомнѣнно, что путемъ гражданскаго воспитанія можно заставить общество видѣть идеалъ счастья въ братствѣ. Идеалъ индивидуальной свободы сравнительно съ греческимъ можно назвать просто недоразумѣніемъ.

Идеалъ индивидуальной свободы есть ничто иное, какъ анархическій идеалъ. Онъ дѣйствительно существовалъ у древнихъ германцевъ, точно такъ же, какъ онъ существовалъ во всѣ времена, когда приручепіе замѣнялось анархіей. Древній германецъ дѣйствительно думалъ, что свободный человѣкъ дѣлаетъ только то, что онъ хочетъ и что никто не имѣетъ права его принудить къ чему бы то ни было. Въ сущности это тотъ же идеалъ власти и могущества, который господствуетъ въ обществахъ инстинктивной цивилизаціи. Человѣкъ тѣмъ въ большихъ размѣрахъ можетъ дѣлать все, что онъ хочетъ и избавлять себя отъ внѣшняго принужденія, чѣмъ болѣе онъ имѣетъ богатства, власти и могущества. Поэтому на дѣлѣ и тотъ и другой идеалъ вызываютъ въ людяхъ тоже самое стремленіе и создаютъ въ нихъ тоже понятіе о счастьѣ. Приручепіе и анархія вытекаютъ изъ него только потому, что въ условіяхъ, создающихъ приручепіе, къ идеалу личнаго счастья примѣшивается боготвореніе чьей либо посторонней власти и побуждаетъ каждаго изъ поддан-

ныхъ приручающаго государства принуждать другихъ повиноваться этой власти. Каждый принуждаетъ другихъ къ повиновенію тамъ, гдѣ его стремленіе къ личному счастью не побуждаетъ его противодѣствовать этой власти или обманывать ее, а въ окончательномъ результатѣ противъ каждаго стоитъ огромная принудительная сила общества, которая давитъ на него и приручаетъ его. Въ состояніи же анархіи такой боготворимой власти нѣтъ и каждый, слѣдуя исключительно стремленію къ личному счастью, порождаетъ войну всѣхъ противъ всѣхъ, которая модифицируется только случайными союзами для защиты и нападенія.

Греко-римскій идеалъ свободы, какъ закваска политической мысли, какъ зародышъ идеи, способной породить то мировоззрѣніе, которое переведетъ общество изъ области инстинктивныхъ въ область сознательныхъ организацій, оказалъ человѣчеству величайшую услугу, но въ практической жизни его дѣйствіе равнялось нулю. Рядомъ съ духомъ пытливости и изслѣдованія въ греко-римской цивилизаціи существовала религія и въ республиканскихъ обществахъ, олимпъ все время оставался монархическимъ. Громадное большинство людей, принадлежавшихъ къ этой цивилизаціи, преклонялось передъ властью, могуществомъ и богатствомъ, какъ передъ идеаломъ счастья, а вслѣдствіе этого въ остальныхъ немногихъ свѣтлыхъ людяхъ, идеалъ свободы существенно искажался идеаломъ толпы, идеаломъ инстинктивныхъ цивилизацій. Смѣсь такой инстинктивности съ идеаломъ свободы привела къ анархіи, и съ точки зрѣнія общественной жизни греко-римская цивилизація повторила путь, пройденный безчисленными ея предшественницами: отъ анархіи она переходила къ приученію только для того, чтобы снова впадать въ анархію — какъ и до нея государства слагались, чтобы снова разлагаться и только. Вмѣсто утвержденія въ новомъ идеалѣ эта общественная жизнь могла порождать только разочарованіе. Чтобы устоять противъ такого разочарованія идея свободы должна была имѣть

въ себѣ большую внутреннюю силу и сила эта въ ней оказалась.

Однако же карьера греко-римской цивилизаціи окончилась всеобщимъ возстаніемъ и противъ науки, и противъ свободы. Явилась попытка созданія новой инстинктивной культуры путемъ религіознымъ. Христіанство ополчилось на всю суть греко-римской цивилизаціи; оно отвергло, и ея науку, и ея свободу, и ея культуру и старалось все замѣнить собою. Но попытка эта оказалась въ самой высокой степени злополучною. Стремленіе христіанской религіи замѣнить собою греко-римскую науку, свободу и культуру увѣнчалось самымъ полнымъ успѣхомъ, но именно этотъ успѣхъ и сдѣлался для мира величайшимъ несчастьемъ. Въ христіанскомъ мирѣ религія стала выше всего и господствовала надъ всѣмъ, но плоды этого господства оказались самыми плачевными. Науку она замѣнила невѣжествомъ, не только свободу, но даже приручение, грубѣйшей анархіей и повсемѣстно расплодила бѣдность и варварство — однимъ словомъ мракъ среднихъ вѣковъ. Средніе вѣка, когда наука опять сливалась съ религіею и становилась по отношенію къ ней въ подчиненное положеніе, слѣдуетъ признать послѣднимъ фазисомъ античной, греко-римской цивилизаціи. Новую эру можно считать только съ семнадцатаго вѣка, съ того времени, когда наука стала снова пріобрѣтать самостоятельное положеніе по сравненію съ религіей.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ

ГЛАВА ВТОРАЯ

Роль религіи въ средѣ современной цивилизаціи.

Новая эра раздѣлитъ жизнь человѣчества на двѣ половины: первая половина составитъ время господства религіозныхъ мировоззрѣній, религіозной нравственности и инстинктивныхъ организацій; — вторая составитъ время сознательнаго научнаго мировоззрѣнія, научнаго понятія о нравственности и сознательныхъ организацій. Первое время есть время случайныхъ и неподвижныхъ идей, второе твердо установившихся и развивающихся понятій. Въ первое время господствуютъ авторитетъ и подражаніе, второе характеризуется господствомъ научнаго синтеза; но такъ какъ авторитетовъ можетъ быть безчисленное множество, а логика одна, то изъ этого и вытекаетъ, что первое время характеризуется полнѣйшей разрозненностью въ человѣчествѣ: нѣтъ числа религіямъ, сектамъ, инстинк-

тивнымъ мировоззрѣніямъ, инстинктивнымъ понятіямъ о нравственности, инстинктивнымъ организаціямъ и нѣтъ никакой возможности создать изъ нихъ какое бы то нибыло стройное цѣлое.

У всѣхъ основной принципъ непримиримая вражда на жизнь и смерть; каждая религія, каждое государство стремится уничтожить всѣ прочія и стать на ихъ мѣстѣ, и ни на чемъ другомъ они примириться не могутъ. Только утомленіе отъ борьбы можетъ побуждать ихъ оставлять другъ друга въ покоѣ. При господствѣ инстинктивности человѣчество неизмѣнно мечтаетъ о водвореніи на всемъ земномъ шарѣ одной религіи и одного государства; и того и другого стараются достигнуть насиліемъ надъ всѣмъ міромъ, побѣдой и завоеваніемъ всего человѣчества. Но мыслительная сила и духъ скептицизма въ человѣкѣ слишкомъ сильны, анархическія стремленія въ инстинктивныхъ людяхъ слишкомъ живучи, чтобы такое единообразіе могло водвориться на всей поверхности земной суши. Всѣ подобныя мечты разбивались и будутъ разбиваться о неодолимое сопротивленіе до тѣхъ поръ пока будутъ существовать на свѣтѣ инстинктивные люди. Стройность можетъ быть внесена въ этотъ хаосъ только наукой, но за то же неизбѣжно будетъ внесена ею. Эра научнаго мировоззрѣнія, научной нравственности, сознательныхъ организацій еще не наступила, она только подготовляется; религіозныя мировоззрѣнія и нравственность, инстинктивныя организаціи продолжаютъ еще царить съ безнадежнымъ упорствомъ, ,служители науки по большей части находятся у нихъ въ положеніи грубой загнанности, они не могутъ осмѣлиться не только высказать, но даже обнаружитъ сочувствіе къ наиболѣе глубокой и существенной истинѣ. Если они косвеннымъ образомъ и незамѣтно для зоркихъ глазъ деспотическихъ инстинктовъ рѣшаются поощрять ея появленіе, то они сдѣлали все, что для нихъ возможно.

Трудно найти смѣльчака, который бы осмѣлился высказать полную истину съ ея лучезарно спокойнымъ

взглядомъ на жизнь и еще труднѣе дать этой истинѣ хотя нѣкоторое распространеніе. Если люди западной цивилизаціи и приближались къ истинѣ съ помощью научной и раціональной пропагандъ, то эта пропаганда неизбѣжно должна была опираться на взаимную ненависть между людьми, въ которыхъ господствовали инстинкты приручения и тѣми, въ которыхъ преобладали инстинкты анархіи. Вмѣсто прямаго и сознательнаго пути прогресса цивилизація должна идти къ истинѣ, бросаясь изъ одного омута въ другой, изъ Сциллы деспотизма въ Харибдись анархіи. Тяжкій, кровавый и все же мало успѣшный путь.

Не смотря на всю кажущуюся безнадежность будущаго, можно все таки, не опасаясь ошибиться, предсказать, что человѣчество переживетъ религіозно-инстинктивную эпоху и доживетъ до періода сознательнаго раціонализма. Въ настоящее время наука пустила слишкомъ глубокіе корни, чтобы снова стать въ прежнее положеніе рабы по отношенію къ религіи, а разъ она не станетъ въ такое положеніе, она неизбѣжно привьетъ умамъ такое раціоналистическое настроеніе, съ которымъ существованіе религіи и инстинктивной нравственности будетъ не согласимо.

Всякая религія, всякій идеалъ, на которомъ покоится зданіе инстинктивныхъ организацій, заключаютъ въ себѣ неисчерпаемую бездну противурѣчій и въ самихъ себѣ и съ явленіями окружающей насъ природы и жизни. Эти противурѣчія не составляютъ случайности, а порождаются самой сутью инстинктивности. Необходимость инстинктовъ вытекаетъ изъ умственной слабости и неразвитости людей, которая дѣлаетъ ихъ неспособными сознательно создавать хотя сколько нибудь сносныя общественныя отношенія.

При своей неразвитости они помогаютъ себѣ водвореніемъ инстинктовъ и обычаевъ, которые замѣняютъ имъ правильный и раціональный взглядъ на вещи. Если эти порожденія здороваго чутья и выполняютъ свое назначеніе, хотя выполняютъ худо, то за тоже ихъ логическая подкладка неизбѣжно чрезвычайно слаба. Ихъ

грубые взгляды на природу, ихъ безсмысленныя легенды, ихъ безобразныя нравственныя сентенціи, созданныя во времена и въ средѣ самаго грубаго невѣжества, и провозглашаемыя за родникъ непреложныхъ истинъ, внушенныхъ всевѣдущимъ божествомъ, дѣлаются жалкими и смѣшными лишь только умъ человѣческій начинаетъ просвѣщаться изслѣдованіями науки. Поэтому и религія, и инстинктивная нравственность, и инстинктивныя организаціи неизбѣжно должны падать тѣмъ ниже, чѣмъ болѣе будетъ совершенствоваться и распространяться между людьми наука. Тотъ день, когда она успѣетъ создать на основаніи правильнаго синтеза идею нравственности и распространить ее въ средѣ человѣчества, будетъ днемъ уничтоженія религіи и инстинктивности. Весьма интересно наблюдать, какъ религія отживала свой вѣкъ съ появленіемъ раціонализма.

Въ странахъ восточной цивилизаціи, въ Индіи, мы видимъ со временемъ вырожденіе религіи и духовенства. По мѣрѣ того, какъ религія укоренялась въ народѣ, духовенство возвышалось все болѣе и превращалось въ привилегированный классъ необузданныхъ деспотовъ, стала переходить отъ благодѣтельнаго своего вліянія къ грубости и жестокости. Въ греко римскомъ мірѣ со временемъ и съ развитіемъ раціонализма судьба духовенства и религіи были прямо противуположными. Религія не укоренилась, а теряла свой авторитетъ. Духовенство, вмѣсто того, чтобы подчинять себѣ всѣхъ и все, изчезло изъ исторіи грековъ и римлянъ. На страницахъ этой исторіи красуются на первомъ планѣ войны, государственные люди, ораторы, мыслители, художники; о духовенствѣ едва упоминается вскользь тамъ, гдѣ оно дѣлалось орудіемъ сильныхъ для воздѣйствія на суевѣріе народа. Мы знаемъ папъ и ихъ подвиги, мы знаемъ героевъ христіанскихъ соборовъ, нескончаемое число апостоловъ, святыхъ и подвижниковъ, а много ли мы знаемъ о дѣятеляхъ языческаго духовенства у грековъ и римлянъ. Единственный народъ, подчинявшійся религіи и духовенству въ предѣ-

лахъ господства греко-римской цивилизаціи такъ, какъ подчиняются имъ на востокѣ тамъ, гдѣ господствуетъ теократія — евреи, подвергся за это жесточайшимъ преслѣдованіямъ. Такое преслѣдованіе воздвигали на него тѣ самые государи, которые ненавидѣли заклятаго врага религіи — свободное мышленіе[1]).

Во времена императоровъ могла еще распространиться первостепенная религія съ вполнѣ азіатской легендарной обстановкой: самъ богъ сошелъ на землю и дѣйствовалъ между людьми. Она зародилась въ средѣ того изъ народовъ римской имперіи, который съ наибольшимъ упорствомъ отстаивалъ свою инстинктивную жизнь, и распространилась вслѣдствіе полнаго фіаско, которымъ закончилась карьера греко-римскаго раціонализма. Но вліяніе умовъ съ болѣе раціоналистическимъ закаломъ весьма существенно замѣтно въ разсказахъ евангелій, въ которыхъ мѣстами столько истинно человѣческаго драматизма, что ихъ сочинители могутъ быть поставлены на ряду съ искуснѣйшими писателями натуральной школы. Въ лучшихъ мѣстахъ вовсе нѣтъ того, безобразнаго преувеличенія, которое окончательно мѣшаетъ восточнымъ легендамъ произвести должное впечатленіе на подобныхъ намъ людей. Сравните напр. разсказъ о милосердіи Будды, который роздалъ въ видѣ милостыни свои члены, съ разсказомъ о страданіяхъ Христа; — очевидно, что разсказъ буддизма приноровленъ къ умамъ, въ которыхъ инстинктивность несравненно болѣе преобладала надъ раціональнымъ мышленіемъ, чѣмъ въ христіанахъ.

Магометанство точно такъ же, какъ и христіанство родилось въ невѣжественной средѣ. Достаточно было появиться раціонализму для того, чтобы новая религія могла зарождаться только въ сферѣ грубѣйшаго невѣ-

[1]) Личность и разсказы Тацита краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о глубокой взаимной ненависти между свободными мыслителями и императорами. Въ разсказахъ Тацита отнюдь не менѣе злобы и ожесточенія, чѣмъ въ разсказахъ христіанъ и евреевъ о преслѣдовавшихъ ихъ императорахъ.

жества. Религія Магомета создана была среди мрака среднихъ вѣковъ и у дикарей, заброшенныхъ въ глушь аравійскихъ пустынь, и все таки на ней отозвался прогрессъ раціонализма, совершившійся послѣ Христа. Если раціонализмъ разочаровалъ людей съ водвореніемъ римской имперіи, то къ VII-му вѣку люди должны были разочароваться еще того болѣе на счетъ благотворности вѣры въ чудесное. Было совершенно естественно для нихъ стремиться внести въ религію хотя долю здраваго смысла и трезваго мышленія. Исторія развитія религіозной идеи въ Магометѣ, причины, по которымъ онъ отвергъ и еврейство и христіанство, слишкомъ ясно показываютъ это.

Дѣло получило такое направленіе, что изъ Магомета нельзя было даже сдѣлать легендарную личность; онъ и его апостолы личности вполнѣ историческія; между тѣмъ всѣ попытки сдѣлать изъ Христа историческую личность, даже попытки Ренана, оказались окончательно неудачными. Вѣроятно, что существовала какая то личность, которая дала поводъ къ легендѣ о Христѣ, но несомнѣнно, что эта личность не мало не была похожа на ту, которую изобразилъ Ренанъ, его разсказъ историческій произволъ, а не исторія. Въ то время, когда христіанство создало „троицу," — порожденіе чисто восточнаго мистицизма, Магометъ былъ и остался человѣкомъ, который говорилъ истину по вдохновенію. Вдохновеніе составляетъ явленіе, добытое наблюденіемъ, и вѣрное по отношенію къ Магомету; Магометъ дѣйствительно былъ энтузіастомъ и говорилъ по вдохновенію. Исторія уловила даже степени вдохновенія въ Магометѣ и постепенный его упадокъ съ годами. Ошибка заключалась только въ томъ, что одушевлявшее его вдохновеніе приписывалось богу. Стоитъ устранить этотъ минимумъ заблужденія и появленіе религіи сдѣлается невозможнымъ. Божество Исуса Христа доказывается его чудесами, Магометъ уже не могъ дѣлать чудесъ. Легендарныя похожденія Магомета опять такп заключаютъ въ себѣ минимумъ лжи, который былъ необходимъ для того, чтобы доставить его рели-

гіи сотни мильоновъ поклонниковъ. Если принять въ соображеніе, что во время Магомета въ Европѣ и въ Азіи совершалось несмѣтное количество чудесъ и что раціоналистическое отвращеніе отъ этихъ чудесъ было одною изъ причинъ успѣха ученія несовершавшаго чудесъ Магомета, то значеніе раціонализма обозначится довольно рельефно.

Главная причина успѣха магометанства заключалась именно въ томъ, что первые магометане-завоеватели относились къ наукѣ терпимѣе, чѣмъ высшіе классы въ тѣхъ странахъ, которыя ими завоевывались. Въ то время, когда христіанство считало главнымъ своимъ врагомъ языческую науку, магометане преслѣдовали преимущественно религію, а не науку завоеванныхъ ими странъ, они даже сочувствовали распространенію школъ и грамотности въ народѣ. Симпатія между людьми науки и первыми магометанами весьма понятна. Магометъ былъ раціоналистъ сравнительно съ проповѣдниками христіанъ и язычниковъ. Онъ стоялъ за философскую идею бога и признавалъ прогрессъ въ религіи. Онъ отвергалъ нелѣпости мистицизма, какъ у христіанъ, такъ и у язычниковъ, безобразіе поклоненія иконамъ и идоламъ. Онъ бралъ самое разумное для созданія идеи божества, какъ у евреевъ, такъ и у христіанъ и язычниковъ, и въ то же время признавалъ эту идею результатомъ прогресса и цѣнилъ заслуги своихъ предшественниковъ. Онъ утверждалъ, что всякая здоровая идея вытекаетъ изъ божественнаго откровенія. Знаменито его разрѣшеніе спора между Омаромъ и Али. Онъ нашелъ, что они оба правы въ толкованіи откровенія, поэтому что оба говорятъ здраво.

Магометанство распространилось именно тамъ, гдѣ религія подвергала научное мышленіе найболѣе суровому гнету; оно завоевало Персію, центральную Азію, византійскую имперію, сѣверную Африку и Испанію, и остановилось у пиринеевъ, за предѣлами которыхъ во Франціи Карлъ Мартель, Пепинъ и Карлъ великій поддерживали элементы, враждебные духовенству, и старались эманципировать народъ отъ безусловнаго под-

чиненія религіи. Карлъ Мартель сдѣлался ненавистенъ духовенству потому, что отнималъ его имущества и обуздывалъ его. Его образъ дѣйствія существенно отличался отъ того, что дѣлалось въ византійской имперіи, въ Испаніи, въ Италіи. Тутъ духовенство преслѣдовалось только духовенствомъ же во имя религіозной нетерпимости, а Карлъ Мартель преслѣдовалъ духовенство безъ различія вѣры за притязательность и властолюбіе, потому что онъ опирался на антиклерикальныя силы въ обществѣ. Карлъ великій окончательно подчинилъ духовенство себѣ. Въ сущности причина успѣха калифовъ и Карла Мартеля была одна и та же, она заключалась въ борьбѣ съ гнетомъ христіанскаго и языческаго духовенства; но калифы, какъ представители новой религіи, могли дѣйствовать радикальнѣе и смѣлѣе, а потому успѣшнѣе.

Отсюда вышла знаменитая аравійская цивилизація и оказалось, что магометанская религія обязана своимъ успѣхомъ тому, что она попирала принципъ религіи въ пользу науки. Ея успѣхъ и продолжался только до тѣхъ поръ, пока она поступала такимъ образомъ; съ той минуты, когда эта религія восторжествовала надъ наукой, и она сама и магометанскія государства стали клониться къ безнадежному упадку.

Самая выдающаяся черта въ отношеніяхъ между религіей и раціонализмомъ заключается въ томъ, что съ развитіемъ раціонализма польза, которую можетъ принести религія, уменшается, а вредъ, наносимый ею, увеличивается. Отсюда видно, что раціонализмъ и религія взаимно исключаютъ другъ друга, но такъ какъ

развитіе раціонализма есть неизбѣжное условіе развитія человѣка вообще, то изъ этого и вытекаетъ, что религія должна дѣлаться все болѣе вредною, пока не будетъ устранена, какъ зло и несносное для людей бремя суевѣрія. Если мы сравнимъ исторію христіанской и магометанской религіи, то мы увидимъ, что религія съ появленіемъ раціонализма приноситъ тѣмъ менѣе пользы и тѣмъ болѣе вреда, чѣмъ позднѣе она являлась.

Въ сущности христіанская религія принесла одинъ только вредъ, но несравненно менѣе вреда, чѣмъ магометанство. Ученые ухитрились приписывать, христіанской религіи много полезныхъ идей и смягчающаго вліянія на нравы. Оно и понятно. Они жили и воспитывались среди христіанъ, восхищенныхъ своей религіей. Увлекаясь общимъ энтузіазмомъ ихъ сужденіе до такой степени отуманивалось, что даже вреднѣйшія нелѣпости христіанской проповѣди казались имъ прелестными и восхитительными. Жестокая и вредная сторона этихъ безсмыслицъ вполнѣ ускользала отъ ихъ ослѣпленныхъ глазъ.

Человѣкъ былъ звѣрь, какъ звѣрь онъ преслѣдовалъ все живое, онъ нападалъ на себѣ подобныхъ, отымалъ у нихъ все, что могъ, истреблялъ ихъ имущество, жегъ, грабилъ и избивалъ; онъ устраивалъ канибальскіе пиры, откармливалъ плѣнныхъ, даже самыхъ близкихъ къ себѣ людей, своихъ женъ и своихъ дѣтей и съѣдалъ ихъ. Но настало время, когда онъ почувствовалъ въ себѣ человѣка, онъ съ ненавистью и отвращеніемъ сталъ смотрѣть на свое звѣрство и съ восторженнымъ энтузіазмомъ восхищался идеей безпредѣльнаго милосердія и самоотверженія. Лишь только религіи замѣтили могущество этого восторженнаго чувства надъ душою человѣка, онѣ овладѣли имъ. Тогда, когда о христіанствѣ не было и помину, онѣ уже проповѣдывали беззаветное милосердіе, учили смиреніемъ побѣждать враговъ своихъ, любить тѣхъ, кто вѣрующему дѣлалъ зло, преслѣдовалъ и тиранилъ его; они прославляли подвиги самоотверженія и прелести мучени-

чества. Пламенѣя душою, люди уже во времена браминовъ и египетскихъ жрецовъ отказывались есть живое, отдавали плантаціи свои на раззорѣніе обезьянамъ, не позволяли себѣ убивать змѣй и хищныхъ звѣрей, отдавали тѣло свое на съѣденіе паразитамъ. Аскетъ религіи браминовъ отдавалъ все и ходилъ нагой, буддійскій монахъ смирялся передъ послѣднимъ изъ смертныхъ и даже, умирая отъ голоду, не рѣшался просить пищи, а безмолвно ждалъ, пока милосердіе преподнесетъ ее ему добровольно. Подвизаясь далѣе по этому пути, человѣкъ безропотно переносилъ всѣ оскорбленія и страданія; затѣмъ самъ добровольно сталъ ихъ причинять себѣ и доходилъ въ этой области до чудовищной виртуозности.

И что-же? вся эта экзальтація вмѣсто добра размножала одно зло, чѣмъ сильнѣе душою человѣческою овладѣвалъ энтузіазмъ безпредѣльнаго милосердія и самоотверженія, тѣмъ болѣе размножалось между вѣрующими аскетовъ. Аскетъ и монахъ родилъ религіознаго фанатика, а фанатикъ чудовищное жескокосердіе. Были случаи, когда могло казаться, что религія дѣлаетъ добро. Въ Индіи существовали обычаи, которыхъ благотворное вліяніе освѣщалось вѣковымъ опытомъ; религія овладѣла ими и, можетъ быть, способствовала ихъ утвержденію, но проповѣдь безпредѣльнаго милосердія и самоотверженія породила одно только зло. Она расплодила монаха, аскета и фанатика, а вмѣстѣ съ этимъ ненависть, нетерпимость и бездушіе, превзошедшее даже черствость разбойника и грабителя. Почему же это? — Неужели чувства безпредѣльнаго милосердія и самоотверженія такъ дурны. О, нѣтъ, это лучшія изъ человѣческихъ чувствъ, это инстинкты, доказывающіе, что человѣкъ есть лучшее изъ того, что порождено было природою въ теченіе безконечнаго развитія матеріи. Онъ одинъ оказался способнымъ побѣждать общественный эгоизмъ симпатіей, готовой на самоотреченіе. Но религія устремилась сдѣлать изъ безпредѣльнаго милосердія и самоотверженія орудіе лжи и погубила все дѣло. Ей нужно было, чтобы люди

вѣрили, что энтузіазмъ безпредѣльнаго милосердія и самоотверженія не есть предвосхищеніе будущей сознательной коммунистической организаціи, а есть непогрѣшимое, безапеляціонное изрѣченіе лживо измышленнаго бога или боговъ; — она хотѣла, чтобы этотъ инстинктъ послужилъ могучимъ орудіемъ для поддержанія ея лжи и средствомъ для водворенія ея господства. Энтузіазмъ безпредѣльнаго милосердія и самоотверженія заключаетъ въ себѣ только темное предчувствіе того, къ чему человѣкъ долженъ стремиться; — чтобы онъ послужилъ добру, а не злу, каждый шагъ человѣка на этомъ трудномъ пути долженъ быть освѣщенъ всесторонней и глубочайшей критикой. Критику религія именно и воспрещала, а потому всѣ религіи въ своей проповѣди святаго человѣческаго чувства оказались преисполненными тѣми самыми добрыми намѣреніями, которыми вымощенъ адъ. Онѣ загрязнили святое чувство проповѣдью аскетизма и вмѣсто его развитія въ истинномъ направленіи убивали его. Истинная цѣль восторженнаго энтузіазма дать максимальный импульсъ симпатіи человѣка къ человѣку, а религіи, превращая его въ преступное орудіе своего властолюбія, сосредоточили весь пылъ самоотверженныхъ стремленій на божествѣ; въ сравненіе съ великимъ и святымъ божествомъ человѣкъ казался достойнымъ одного презрѣнія. Люди учились обожать божество и презирать себѣ подобныхъ, приносить несуществующему божеству не нужныя ему жертвы и забывать о своихъ братьяхъ. Дѣло было окончательно выбито изъ своей колеи и направлено по ложному пути. Симпатія человѣка къ человѣку научила бы людей совсѣмъ другому чѣмъ то, чему ихъ научило обожаніе божества. Божество было источникомъ благодѣяній и люди пріучились обожать благодѣтелей; увлеченные энтузіазмомъ милосердія и самоотверженія, всѣ стремились быть благодѣтелями и сами не замѣтили, какъ пришли къ тому, что обирали десятерыхъ, чтобы оказать благодѣяніе одному. За ними жалко тянулись бѣдные и безсильные энтузіасты; сильные окончательно затмевали

ихъ своими добрыми дѣлами, получали за это отъ народа обожаніе, а на долю слабыхъ энтузіастовъ выпадало одно презрѣніе и безсильное желаніе. Всѣ вичи человѣчества представляли изъ себя благотворителей, чтобы увеличить свою популярность и усилить свою власть; если пройдти исторію изъ конца въ конецъ, то останавливаешься съ ужасомъ передъ картиной, зла, которое натворили тѣ, кого обожали за добрыя дѣла. Истинную пользу дѣлали только тѣ, которые въ вѣчной борьбѣ съ нуждою лишали себя возможности дѣлать добро, потому что чувствовали неодолимое отвращеніе идти тѣми путями, которыми шли прославляемые благодѣтели. Люди относились къ нимъ или съ пренебреженіемъ или съ ненавистью или съ презрѣніемъ. Чтобы водворить между людьми истинную нравственность нужно было научить ихъ цѣнить и уважать тѣхъ, кто гнушался брать больше, чѣмъ ему было необходимо для существованія и тѣмъ лишалъ себя возможности дѣлать добро, но на такую проповѣдь религія никогда не была способна, для это нужна была раціональная критика человѣческихъ поступковъ. Любите враговъ вашихъ, любите тѣхъ, кто васъ преслѣдуетъ и тиранитъ; если человѣкъ ударитъ тебя по правой щекѣ, подставь ему и лѣвую; если человѣкъ возьметъ у тебя верхнюю одежду, отдай ему и нижнюю; не сопротивляйтесь злу. Какъ все это прелестно, сколько величія и самотверженія въ такой добродѣтели. И увлеченный, вѣрующій въ легкомысліе своего невѣжества считаетъ такое ученіе созданнымъ христіанскою религіею для счастья и благоденствія массъ, а не унаслѣдованнымъ ею отъ другихъ религій для уловленія людей, онъ говоритъ о томъ обоятельномъ дѣйствіи, которое оно производило на него съ дѣтства. Онъ и не думаетъ о томъ, что это гнусная ловушка, поставленная ученіемъ лжи для уловленія его легковѣрія, онъ и не думаетъ о томъ, что это преступное лицемѣріе, пользующееся лучшими его чувствами для гнуснаго дѣла, ему и въ голову не приходитъ сколько это христіанское смиреніе, которое заста-

вляетъ любить тѣхъ, кто насъ преслѣдуетъ и тиранитъ, которое заставляетъ подставлять лѣвую щеку тѣмъ, кто насъ бьетъ по правой, которое заставляетъ отдавать требующему и то, что онъ требуетъ и еще больше, сколько оно должно распложать грубаго эгоизма и хищнической похоти. Кто преслѣдуетъ и тиранитъ? — сильные; кто имѣетъ наклонность бить по щекѣ? — сильные; кто имѣетъ наклонность отбирать имущество? — хищники и эксплуататоры. Религія, которая подобно христіанской не знаетъ того, что допускать несправедливость настолько же вредно, какъ и дѣлать ее, должна неизбѣжно плодить безнравственность и зло, а не добро. Кто дѣлаетъ несправедливость, развиваетъ дурныя наклонности въ себѣ, а кто ее допускаетъ, развиваетъ ихъ въ другихъ. Конечно, при этомъ на первомъ планѣ стоитъ вопросъ: что такое справедливость? что добро, что зло? Злодѣи, враги человѣчества дѣлаютъ свои злодѣянія во имя справедливости и добра. Но тотъ, кто подобно христіанству, старается уклониться отъ необходимости ясно высказаться на счетъ того, что добро и что зло, что справедливо и что несправедливо, никогда не можетъ быть учителемъ нравственности; онъ можетъ быть только потатчикомъ зла.

Чтобы окончательно убѣдиться въ грубой безнравственности христіанской проповѣди, нужно сопоставить его ученіе о смиреніи, о непротивленіи злу, о величіи горькаго сознанія своей грѣховности, о томъ, что мы должны считать всякое наказаніе постигшимъ насъ заслуженно и подставлять лѣвую щеку ударившему по правой, съ ученіемъ объ адѣ. Тутъ богъ является гнуснѣйшимъ и отвратительнѣйшимъ изъ тирановъ, не признающимъ никакой соразмѣрности между виною и наказаніемъ. Нѣтъ такого преступленія, которое заслуживало бы вѣчныхъ мукъ. На этомъ ученіи отразилось первобытное понятіе, что чѣмъ выше поставленъ правитель, тѣмъ съ большей жестокостью ему подобаетъ карать. Богъ безконечное могущество, а потому и наказанія его безконечны. Нѣтъ понятія, отъ

котораго человѣчество страдало бы болѣе, чѣмъ отъ этого грубаго заблужденія; оно уничтожаетъ въ обыкновенныхъ людяхъ вконецъ чувство мѣры и справедливости. Хорошія правительства отличаются отъ дурныхъ, развитые народы отъ наразвитыхъ, именно тѣмъ, что они лучше соразмѣряютъ дѣйствіе съ противудѣйствіемъ.

Конечно въ христіанскомъ ученіи можно найдти хорошее, но вѣдь нѣтъ такого злодѣя, въ которомъ бы не было хорошаго. Исторія показала намъ, какіе плоды дало это хорошее при той обстановкѣ, въ которую было поставлено. Мы видимъ указанія на терпимость, которыя, какъ все въ христіанскомъ ученіи, выражены въ сильныхъ и эфектныхъ картинахъ. Но первыя попытки терпимости въ христіанствѣ доказывали его проповѣдникамъ, что при той степени раціонализма, какая существовала въ ихъ время, терпимость неизбѣжно погубитъ христіанство, ему не удастся ни распространиться, ни укорениться. Поэтому они воспользовались бездной противурѣчій, заключающихся въ христіанскомъ ученіи, и отъ терпимости перешли къ самой рѣзкой нетерпимости, и къ безпощадному преслѣдованію науки, и разномыслія. Успѣхъ оправдалъ вѣрность избраннаго пути. Идти по этому пути было для нихъ тѣмъ легче, что по ученію священнаго писанія можно было каждый человѣческій поступокъ признавать по своему усмотрѣнію то верхомъ добродѣтели, то непростительнымъ грѣхомъ и преступленіемъ.

Христіанская религія, вслѣдствіе суроваго аскетизма, который въ ней проповѣдывался и укорѣнялся, могла довести нетерпимость до крайнихъ предѣловъ невѣроятной жестокости и сѣяла ненависть вездѣ и повсюду. Апостолы: Петръ и Павелъ были наиболѣе энергическими ея распространителями, сами подвергались тяжкому гоненію и въ то же время жестоко ненавидѣли и преслѣдовали другъ друга. Евангелія были порожденіемъ ненависти между христіанами, каждая легенда проклинала другую, какъ ложное ученіе. Когда христіанство сдѣлалось господствующимъ, каждый толкъ

безжалостно преслѣдовалъ другихъ, и даже безсильныя секты, сами подвергавшіяся преслѣдованію, безъ милосердія мучили тѣхъ, кто не соглашался съ ними, если они попадали имъ въ руки. Въ то же время всѣ толки съ отвратительнымъ единодушіемъ нападали на все, дышавшее живою мыслію и жаждою истины. Христіанское духовенство было вполнѣ достойнымъ сподвижникомъ варваровъ, утопившихъ въ крови греко-римскую цивилизацію; оно ихъ возбуждало къ кровавымъ подвигамъ и стояло во главѣ вѣнца. Оно было ближайшимъ сотрудникомъ бичей человѣчества на западѣ и ближайшимъ руководителемъ безнравственныхъ и тупыхъ тирановъ византійской имперіи.

Оно унизило и умалило науку и раціонализмъ до крайней степени минимума; но такъ какъ христіанамъ невозможно было жить безъ всякихъ знаній, то духовенство сдѣлало знаніе исключительной своей привиллегіей съ тѣмъ, чтобы оно отнюдь не могло выходить изъ подъ безжалостной ферулы религіознаго суевѣрія. Однимъ словомъ, оно довело упадокъ цивилизаціи до того, что духовенство, изчезнувшее изъ греко-римской исторіи, снова стало играть въ Европѣ первостепенную роль. И такую то безпощадную тиранію надъ наукой глубокомысленные историки съумѣли истолковать въ пользу духовенства и христіанской религіи; они сдѣлали изъ средневѣковаго духовенства хранителя и покровителя науки.

Завладѣвъ наукой и уничтоживъ безпощаднымъ преслѣдованіемъ ту свободную любознательность, которая въ лучшіе дни греко-римской цивилизаціи сдѣлала писанные книги почти столь же дешевыми, какъ еще недавно были печатные, духовенство уже могло водворять всеобщее убѣжденіе, что теологія есть самая возвышенная изъ всѣхъ наукъ, и что всѣ другія знанія ничтожны сравнительно съ нею. Такое убѣжденіе продолжало держаться и тогда, когда уже сдѣланы были великія научныя открытія, Ньютонъ и Пристлей жадно стремились къ славѣ великихъ теологовъ. Его низвер-

женіе составляетъ славное дѣло французскихъ вольнодумцевъ.

Въ наиболѣе цвѣтущія времена религіозныхъ инстинктовъ религія создавала въ массахъ обычаи, освященные фанатической вѣрой и ограждавшіе ихъ отъ угнетенія. Христіанская религія умѣла быть только орудіемъ угнетателей. Религіи восточной Азіи и поклоненіе предкамъ рядомъ съ припрученіемъ создали касты и родственные союзы, породившіе солидарность и взаимную защиту среди разныхъ общественныхъ группъ; въ средніе вѣка такая же солидарность вырабатывалась гильдіями и цехами. Какъ полезны были подобныя связи, какъ сильно онѣ ограждали своихъ членовъ видно изъ того, что онѣ превратили ихъ въ привилегированные классы по сравненію съ остальнымъ, лишеннымъ подобныхъ связей народомъ. Передъ революціею они подверглись даже большимъ поруганіямъ наравнѣ съ прочими привилегированными классами. Для рабочаго народа они все таки были до того необходимы,, что послѣ своего уничтоженія они стали возрождаться въ видѣ современныхъ рабочихъ союзовъ (trades-unions). Средневѣковые цѣхи и гильдіи постоянно, но, увы, безуспѣшно стремились придать себѣ тотъ религіозный характеръ, какой имѣютъ касты въ Индіи, потому что чувствовали на сколько чрезъ это связь между ними сдѣлается сильнѣе и прочнѣе. Но въ христіанствѣ не было для этого никакой почвы. При своемъ безжалостномъ и деспотическомъ характерѣ, выросшемъ на подкладкѣ лицемѣрнаго аскетизма, оно въ качествѣ орудія припрученія проповѣдывало одно смиреніе и безусловное повиновеніе, обязанное переносить безропотно всякую тиранію и всѣ возможныя мученія. Такимъ образомъ оно сдѣлалось любимымъ дѣтищемъ, вѣчнымъ проповѣдникомъ и разсадникомъ безусловнаго деспотизма.

Христіанству приписываютъ освобожденіе рабовъ, но это можно было сдѣлать только съ помощью такого извращенія фактовъ, которое заставляло историковъ христіанъ видѣть все, касающееся ихъ религіи, въ ро-

зовомъ свѣтѣ; такое заблужденіе было для нихъ тѣмъ легче, что они свѣденія свои почерпали изъ разсказовъ того же христіанскаго духовенства, никогда не останавливавшагося передъ ложнымъ изображеніемъ. Ученіемъ евангелія рабство вовсе не отвергается, а даже прямо признается точно такъ же, какъ и ученіемъ Магомета. Евангелія вовсе не одушевлены энтузіазмомъ свободы и рабство ихъ вовсе не возмущаетъ; приравнивать бога къ рабовладѣльцу имъ кажется совершенно естественнымъ. Излюбленное слово христіанъ называть себя рабами божьими. Далѣе евангелія утверждаютъ, что всякая власть отъ бога и этимъ узаконяютъ рабство на равнѣ со всякимъ другимъ деспотизмомъ. Утверждаютъ, что въ средніе вѣка духовенство усердно занималось освобожденіемъ рабовъ, но это происходитъ отъ невѣрнаго пониманія фактовъ. Духовенство во всей Европѣ, не исключая Россіи, давало пріютъ бѣглымъ и гонимымъ, но въ этомъ случаѣ оно поступало такъ же, какъ дворянство, князья, города и наконецъ какъ языческое духовенство. Оно защищало бѣглыхъ не для того, чтобы давать имъ свободу, а чтобы обращать ихъ въ свою кабалу. Одни города освобождали тогда людей, которымъ давали пріютъ и это завпсѣло отъ ихъ организаціи. Организаціи же духовенства отличались прямо противуположнымъ характеромъ; ученіе о смиреніи водворяло самое суровое рабство вездѣ, гдѣ царило духовенство. Даже феодальная военная организація отличалась большей самостоятельностью людей и менѣе суровой дисциплиной, чѣмъ духовенство. Этимъ объясняется симпатія между всѣми средневѣковыми деспотами и духовенствомъ.

Обращеніе не только съ подвластными монастырей, но и съ монахами и монахинями, которыхъ провозглашали состоящими въ коммунизмѣ, легко могло возмутить даже крѣпостника. За изломанную деревянную ложку самаго низкаго сорта сѣдовласый монахъ долженъ былъ нѣсколько часовъ публично стоять на колѣнахъ и, прося прощенія, безпрерывно кланяться въ землю богу и всѣмъ проходящимъ. Злоупотребленіе

рабствомъ вызвало такое всеобщее негодованіе противъ христіанскаго духовенства, что отбираніе у нихъ недвижимыхъ имуществъ и рабовъ казалось людямъ актомъ справедливости и въ обширныхъ размѣрахъ практиковалось какъ въ западной Европѣ, такъ и въ Россіи. Все таки духовенство такъ упорно держалось за институтъ рабства, что послѣдніе рабы, освобожденные французской революціей, были рабами духовенства. Во время освобожденія рабовъ въ шестидесятыхъ годахъ въ Соединенныхъ штатахъ духовенство принадлежало къ самымъ ярымъ крѣпостникамъ и рабовладѣльцамъ. Въ предѣлахъ западной цивилизаціи рабство удержалось всего долѣе тамъ, гдѣ вліяніе духовенства было наиболѣе сильно, напр., въ южной Америкѣ (Бразиліи).

Идея уничтоженія рабства была тѣсно связана съ энтузіазмомъ свободы и была плодомъ вліянія раціонализма на эту идею; рабство уменшалось въ своихъ размѣрахъ и исчезало по мѣрѣ развитія идей свободы и рѣшительный ударъ нанесенъ былъ ему ученіемъ о неотчуждаемости свободы человѣческой. Противъ всѣхъ этихъ воззрѣній христіанское духовенство боролось всѣми зависящими отъ него средствами и силами.

Другое велпкое учрежденіе, приписываемо христіанству составляетъ единоженство. Про магометанство можно дѣйствительно сказать, что многоженство есть принципъ магометанской религіи. Кто считаетъ многоженство преступленіемъ не можетъ считать Магомета святымъ человѣкомъ и возвѣстителемъ божественной истины. Но про единожество никакъ нельзя сказать, что оно есть принципъ христіанской религіи. Христіанство мирилось со всевозможнымъ отношеніями между мужчиной и женщиной, начиная отъ худшей и наиболѣе противуестественной его формы въ видѣ аскетическаго безбрачія и оскопленія. Оно даетъ мѣсто и многоженству и свободѣ любви и единоженству. Въ сущности же оно вовсе не покровительствуетъ браку, а видитъ въ немъ нѣчто нечистое, грѣховное, оскверняющее человѣка. Богородица родила дѣвицею, ни

Іисусъ Христосъ, ни его предтеча Іоаннъ креститель не жили въ бракѣ, а практиковали аскетизмъ. Точно такъ же сильно оно возстаетъ противъ семьи, противъ той тѣсной связи и того равенства, которое устанавливается семейною любовью, порождаемою единожествомъ; оно видитъ прямое противурѣчіе между возвышенной христіанской добродѣтелью и семействомъ. Если хочешь быть истиннымъ христіаниномъ, то откажись отъ отца и матери, отъ жены и дѣтей и отдайся всецѣло Христу. Семейство грязно и порочно, источникъ соблазна; аскетизмъ великъ и добродѣтеленъ.

Такое ученіе составляетъ одну изъ самыхъ возмутительныхъ сторонъ этой вообще безнравственной религіи. Если бы раціонализмъ не противудѣйствовалъ такому направленію, то христіанская религія сдѣлалась бы разсадникомъ блуда и разврата. Самая могущественная изъ всѣхъ христіанскихъ католическая религія, не будучи въ состояніи развратить всѣхъ своихъ поклонниковъ, развратила все свое духовенство, которое цѣликомъ живетъ въ грубѣйшемъ прелюбодѣяніи и даетъ вѣрующимъ примѣръ самаго безнравственнаго изъ видовъ эгоизма. Когда католическая религія привела послѣ разрушенія римской имперіи къ окончательному упадку науки, въ ея средѣ стало распространяться многоженство; высшее духовенство наравнѣ съ аскетизмомъ практиковало многоженство. Это прямо вытекало изъ грубости людей, и до сихъ поръ наиболѣе суровый аскетизмъ и многоженство практикуются въ тѣхъ сектахъ, которыхъ основатели принадлежали къ необразованному классу общества, напр. мармоны, скопцы и т. п.

Что единожество было обязано своимъ распространеніемъ въ западной цивилизаціи другимъ причинамъ, а не христіанской религіи, видно изъ того, что оно одновременно распространилось и у христіанъ и у ихъ заклятыхъ враговъ — евреевъ. При этомъ возрѣніе евреевъ на бракъ было значительно совершеннѣе; — по сравненію съ еврействомъ христіанство составляетъ шагъ назадъ, а не впередъ. Брачная жизнь по мнѣнію

евреевъ дѣло высокой добродѣтели, а не грѣховное; — не аскетизмомъ, а воспитаніемъ многочисленнаго семейства еврей угождаетъ божеству. Корень идеи и практики многоженства всегда лежитъ въ высшихъ классахъ общества, ихъ сочувствіе этому институту развиваетъ его, ихъ антипатія уменьшаетъ или уничтожаетъ его. Въ массѣ народа многоженство никогда не можетъ имѣть корней, потому что число женщинъ и мужчинъ близко къ равенству. Пороки массы: аскетизмъ и свобода любви.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Роль религіи.

(Окончаніе).

Прежде всего идея единоженства составляла естественный ходъ развитія идеи отношеній между мужчиной и женщиной въ римскомъ обществѣ. Отъ безпощаднаго рабства въ римскомъ гаремѣ римляне перешли къ свободѣ, равнявшейся полной распущенности нравовъ, начиная отъ женщинъ, имѣвшихъ въ своей жизни до шестидесяти мужей и кончая развратомъ, которому нѣтъ имени. Единоженство составляло единственное учрежденіе, которое стояло между двумя крайностями, сохраняло гуманный взглядъ на женщину и не дѣлало ее ни рабыней, ни распутницей.

Средніе вѣка создали еще другую причину, укоренившую это учрежденіе. Стремленіе государей и всѣхъ стоявшихъ въ главѣ общественныхъ группъ упрочить и расширить свою власть привело ихъ къ такому воззрѣнію на вещи, которое прямо породило и утвердило идею единоженства. Они шли далѣе единоженства; не только настаивали на томъ, чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ не болѣе одной жены, но на томъ, чтобы наслѣдство переходило не ко всѣмъ дѣтямъ, а къ одному старшему. Многоженство радикально противурѣчило

тѣмъ изъ ихъ стремленій, которыми они всего болѣе дорожили. При многоженствѣ между женами всегда господствуетъ соперничество; младшія жены берутъ верхъ надъ старшими, семейства дѣлаются крайне многочисленными, принципъ единонаслѣдія становится почти недостижимымъ. По понятіямъ среднихъ вѣковъ подвластные должны были смотрѣть на все тѣми же глазами, какъ ихъ властителинъ; этотъ взглядъ господствовалъ до того, что даже породилъ пословицу: „чья власть, того и религія“; подвластные должны были исповѣдовать вѣру своего господина и это въ то время, когда религія ставилась такъ высоко. Если дѣло доходило до такой крайности, то мудрено ли, что распространялись тѣ взгляды, которыхъ изъ политики держались государи и магнаты государства. Мы видимъ, что распространялось и укоренялось въ массѣ народа не только единоженство, но и единонаслѣдіе, которое имѣло значеніе для вельможъ и государей, но прочимъ приносило одинъ вредъ.

Такое вызванное политическими потребностями единоженство, было въ сущности искаженіемъ института брака. Установляя его для цѣлей и интересовъ деспотизма, власть внесла въ него начало суровой и безпощадной тиранін, а духовенство усугубило эту тиранію съ своей аскетической точки зрѣнія. Идея рабства была до такой степени въ крови у учителей христіанства, что они распространили его и на монастырь и на бракъ. Они проповѣдывали неограниченную власть мужа надъ женою; жена у нихъ превращалась въ вѣковѣчную и неотчуждаемую рабу своего мужа; она должна была переносить всякое звѣрство съ его стороны не только безъ надежды на защиту, но безъ всякаго, даже тайнаго ропота. Истинная идея единоженства и брака создана была раціонализмомъ вмѣстѣ съ идеей человѣческаго равенства, неотчуждаемости свободы и со всѣми тѣми идеями, которыя были ненавистны и деспотизму и духовенству и шли рука объ руку съ движеніемъ ниспровергавшимъ ложь и лицемѣріе религіи. Только тогда духовенство вынуждено было отсту-

питься въ нѣкоторой степени отъ своихъ суровыхъ ученій аскетизма и деспотизма и въ новыхъ религіяхъ XVI-го вѣка смягчить хотя нѣсколько свой мрачный взглядъ на бракъ.

Если мы послѣ этого перейдемъ къ магометанству, то мы увидимъ между христіанствомъ и магометанствомъ слѣдующую существенную разницу. Магометъ былъ человѣкомъ, котораго раціонализмъ коснулся несравненно болѣе, чѣмъ Христа. Христіанство возникло въ средѣ до такой степени грубой и невѣжественной, Христосъ былъ человѣкомъ до такой степени неразвитымъ, что онъ не въ состояніи былъ изложить свое ученіе письменно въ назиданіе своимъ послѣдователямъ. Магометъ, хотя и не пережилъ того низкаго уровня сознанія, когда сказка и чудесное имѣютъ для человѣка неотразимое обаяніе, но умъ его былъ уже настолько развитъ, что онъ могъ плодовито создавать и излагать свои мысли. Онъ оставилъ своимъ поклонникамъ коранъ, который могъ сдѣлаться не только источникомъ идей нравственности, но и законодательнымъ памятникомъ, основнымъ закономъ для всѣхъ магометанскихъ государствъ. Но это то и послужило неопровержимымъ доказательствомъ, что религія дѣлаетъ тѣмъ болѣе вреда, чѣмъ далѣе подвинулся раціонализмъ той среды, въ которой она возникла. Христіанство было создано такой слабой способностью къ мышленію, въ немъ было столько неопредѣленности, столько безвыходныхъ противурѣчій, что раціонализмъ могъ получать широкое развитіе рядомъ съ существованіемъ религіи. Хотя религія преслѣдовала раціонализмъ всѣми своими силами, но ея дѣтскій взглядъ на вещи парализовалъ ея карающую руку. Положеніе раціонализма въ магометанскихъ государствахъ было совершенно другимъ; коранъ нельзя было безцеремонно отпихнуть ногою, какъ ребяческую болтовню евангелій, онъ сдѣлался основнымъ закономъ магометанъ и превратилъ духовенство въ судей. Нелѣпости его имѣли неизмѣримо большую силу сопротивленія, чѣмъ нелѣпости христіанства. Нелѣпость, высказанную яс-

нымъ и точнымъ языкомъ въ качествѣ божественнаго откровенія, требующую возможнаго и исполнимаго, гораздо труднѣе устранить, чѣмъ нелѣпости евангелій, ребяческія, запутанныя, противурѣчивыя и явно неисполнимыя. Магометанскіе ученые напрасно старались помочь горю аллегорическимъ толкованіемъ корана, — средство не помогало.

Умъ Магомета, несравненно болѣе дальновидный, чѣмъ умъ основателей христіанства, поставилъ дѣло на такую твердую практическую почву, съ которой его религію спихнуть было очень трудно. Первосвященникъ былъ у него въ то же время государемъ, священники—судьями, военачальники апостолами и распространителями магометанской религіи, воины—первыми избранниками для райскаго блаженства. Въ самыхъ могущественныхъ изъ предшествовавшихъ Магомету религій, въ Египтѣ, у браминовъ, у будистовъ, у огнепоклонниковъ, жрецы и воины составляли два противуположныхъ другъ другу враждебныхъ лагеря; въ Китаѣ эта вражда перешла въ нескончаемую борьбу между поклонниками Будды и Конфуція, которая наполнила исторію Китая. Магометане составляютъ самую мужественную часть населенія Азіи и Африки: они стоятъ во главѣ наиболѣе страшныхъ бунтовщиковъ не только въ Китаѣ, но и въ Индіи, и это потому, что ихъ мужество поощряется религіей, а не подавляется духовенствомъ по духу соперничества по отношенію къ военному классу. Система Магомета составляла въ области религіи такой же прогрессъ, какъ бюрократія въ области политики; она соединяла воедино всѣ элементы силы въ государствѣ и одновременно упрочивала и ихъ господство и господство самой религіи. Но это то именно и сдѣлалось гибельнымъ для магометанства.

Магометанская цивилизація могла процвѣтать только до тѣхъ поръ, пока правители магометанъ вынуждены были опираться на интеллигенцію, враждебную духовенству подвластныхъ иновѣрцевъ. Затѣмъ эта интеллигенція почерпала нѣкоторую независимость въ со-

перничествѣ между разрозненными магометанскими государствами. Если притязанія на право власти одного государя поддерживались духовенствомъ, то его соперникъ поддерживалъ интеллигенцію противъ этого духовенства. Тутъ совершалось тоже, что породило цвѣтущія времена средневѣковой итальянской цивилизаціи. Папы поддерживали духовенство, а враждебные имъ республики и государи свободомыслящую науку. Понятно, если магометанская интеллигенція была расположена къ этому роду анархіи, старалась разрушать вѣру въ единство магометанскаго міра, стремленіе правовѣрныхъ повиноваться одному законному наслѣднику Магомета, который былъ бы въ тоже время и первосвященникомъ и государемъ. Но анархія заставляла вздыхать о порядкѣ, ослабила магометанскія государства и сдѣлала ихъ жертвою завоевателей. На западѣ этими завоевателями и централизаторами явились испанцы, на востокѣ турки. И тѣ и другіе принесли съ собой безпощадный гнетъ духовенства. Это было въ своемъ родѣ второе переселеніе народовъ. Европа очутилась въ тискахъ между двумя могущественнѣйшими государствами: испано-германскимъ и турецкимъ. Карлъ V-тый, Филиппъ II-й и Солиманъ II-й сдѣлались героями той исторической драмы. Но тутъ именно яснѣй всего обнаружилась основная разница между христіанствомъ и магометанствомъ. Христіанство могло въ особенности въ Испаніи существенно заглушать націонализмъ, но благодаря дѣтской наивности и недальновидности основателей этого ученія въ христіанахъ до конца сохранились дуализмъ и соперничество между властью и духовенствомъ, которое мѣшало окончательной погибели раціонализма. Магометанство же, созданное Магометомъ, умъ и раціональная предусмотрительность котораго стояли гораздо выше, дало своему духовенству возможность окончательно убить науку и интеллигенцію, лишь только проснулась у магометанъ потребность въ централизаціи государства. Это обстоятельство вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшило безповоротно участь магометанскихъ государствъ.

находившихся въ раіонѣ западной цивилизаціи. Паденіе византійской имперіи дало сильный толчекъ развитію наукъ въ Европѣ, а среди Магометанъ, которые разселились именно въ тѣхъ мѣстахъ, откуда свѣтъ цивилизаціи проникъ на западъ, свѣтъ этотъ сталъ омрачаться и въ XVIII-омъ вѣкѣ, они уже были варварами въ сравненіи съ прочей Европой. Когда арабы начали при Магометѣ свои завоеванія, они были невѣжественнымъ дикарями, которые живо чувствовали недостатокъ своихъ знаній и искали ученыхъ, способныхъ дать имъ свѣденія, необходимыя, чтобы обладать и управлять. Магометане же, взявшіе Константинополь, гордились славной магометанской цивилизаціей и считали христіанскую негоднымъ плевеломъ, преслѣдовали ея ученыхъ и погубили этимъ себя.

Если мы выйдемъ за предѣлы раіона бывшаго грекоримскаго міра и перейдемъ къ области вѣковѣчнаго господства инстинктивности, къ Индіи, ка Малоазійскимъ островамъ, къ Китаю, то мы находимъ тамъ процвѣтаніе, а не упадокъ магометанства: сѣверная Индія, Ява сдѣлались раемъ для магометанъ. Такой порядокъ вещей продолжался до самаго появленія европейцевъ въ водахъ индійскаго океана, но вмѣстѣ съ этимъ появленіемъ магометане должны были преклониться передъ европейской цивилизаціей, религія пала передъ раціонализмомъ.

Перейдемъ теперь къ той знаменательной эпохѣ, когда возобновилось умственное движеніе, которое отличило греко-римскую цивилизацію отъ всего предшествовавшаго ей культурнаго развитія, когда обно-

вились наука и раціонализмъ, а религія усмотрѣла въ нихъ смертельнаго своего врага. Въ теченіе среднихъ вѣковъ, во время такъ называемаго возрожденія наукъ и во время реформаціи не совершилось ничего такого, что могло бы отличить современную цивилизацію отъ культурныхъ странъ въ Азіи, Африкѣ и у краснокожихъ Америки. Міровоззрѣніе, господствовавшее въ Европѣ было религіозное и изъ конца въ конецъ безсмысленное и ложное, идея нравственности также религіозная, инстинктивная и дѣтски нелѣпая; — въ области политической преобладала анархія со всѣми ей прирожденными свойствами, между которыми на первомъ планѣ стояла жажда организаціи и полная неумѣлость въ ея созданіи и осуществленіи, а потому стремленіе къ приручению, идеи котораго и брали верхъ надъ всѣми прочими политическими воззрѣніями. Европейцы въ теченіе вѣковъ ходили въ школу къ греко-римской мудрости, но изъ этого не выходило ничего подобнаго тому, что отличило греко-римскую цивилизацію отъ всѣхъ ей предшествовавшихъ.

Сдѣланы были открытія, которыя прославляются въ нашихъ исторіяхъ великими: компасъ, книгопечатаніе, порохъ, открытіе Америки, но они казались великими только съ точки зрѣнія европейской близорукости. По сравненію съ истинно великими открытіями инстинктивной міровой культуры они представляютъ собою весьма малую величину. Велика ли ихъ цѣна, если ихъ сравнить съ тѣми подвигами ума человѣческаго, которые обратили дикаго, двурукаго звѣря въ человѣка, голаго потому, что онъ создалъ для себя возможность ограждать себя отъ холода и жара искуственной температурой и шерсть сдѣлалась для него излишней и стѣснительной. Что значатъ они въ сравненіи съ изобрѣтеніемъ орудій охоты и рыбной ловли, топора, лопаты, искуства приручения животныхъ, этого величайшаго изъ умственныхъ подвиговъ: и до сихъ поръ ни въ одной отрасли труда одинъ человѣкъ не можетъ производить такой массы цѣнностей, какую производитъ пастухъ степей Австраліи, Африки и Америки.

Можно ли сравнить ихъ съ изобрѣтеніемъ искуства насажденія растеній и ихъ орошенія, которое безъ всякой помощи науки дало человѣчеству возможность создавать густоту населенія до двадцати тысячъ человѣкъ и болѣе на квадратную милю. Это изобрѣтеніе создало великое и плодоносное начало труда, который распложалъ жизнь на землѣ вмѣстѣ того, чтобы убивать ее въ безобразной сутолокѣ борьбы за существованіе. Какъ ничтожны изобрѣтенія временъ возрожденія по сравненію съ изобрѣтеніемъ искуства производить по своему произволу огонь, выдѣлять металлы изъ ихъ химическихъ соединеній, ковать ихъ и превращать въ орудія труда. Сравните изобрѣтеніе пороха съ такими великими открытіями, какъ стекло, которое дало возможность людямъ жить въ теплыхъ и свѣтлыхъ жилищахъ, съ изобрѣтеніемъ желѣзнаго топора, давшаго возможность рубить деревья и строить жилища, съ желѣзными земледѣльческими орудіями; сравните изобрѣтеніе компаса съ изобрѣтеніемъ лодки и паруснаго судна, книгопечатанія [1]), съ изобрѣтеніемъ письма и алфавита. Если сравнить не только эти изобрѣтенія, но все, что сдѣлала техника и механика въ западной цивилизаціи, то никакъ нельзя сказать, что это сдѣланное составляетъ въ ней такую черту, которая ее рѣзко отличаетъ отъ предшествующихъ инстинктивныхъ цивилизацій. Она сдѣлала много, но инстинктивныя цивилизаціи сдѣлали еще больше. Она сдѣлала второстепенное, а инстинктивныя цивилизаціи сдѣлали главное. Инстинктивная культура сняла съ человѣка звѣриный образъ, усилила этимъ обмѣнъ веществъ посредствомъ дыханія кожей и такимъ путемъ создала столь благопріятныя условія для умственнаго развитія.

Въ политикѣ и религіи эпоха возрожденія наукъ отличается двумя прямо противуположными теченіями,

[1]) Сверхъ того компасъ и книгопечатаніе изобрѣтенія китайской культуры, только возобновленныя европейской цивилизаціей.

но оба эти теченія были настолько же инстинктивными, какъ и тѣ, которыми характеризуются инстинктивныя цивилизаціи. Политическое теченіе централизовало власть, создало государей, которые производили свою власть отъ бога и старались воспользоваться религіозными инстинктами для того, чтобы къ себѣ внушать повиновеніе, превратившееся въ религіозный инстинктъ. Религіозное теченіе наоборотъ стремилось къ разрушенію религіозной централизаціи и къ водворенію анархіи. Если въ политикѣ всего сильнѣе ощущались страданія, производимыя анархіей, то въ религіи наоборотъ больное мѣсто составляло зло, порождаемое централизаціей. Все это повторялось безъ конца и прежде въ инстинктивныхъ цивилизаціяхъ; путь, которымъ народы стремились удовлетворять своей потребности, былъ такой же инстинктивный, какъ и въ былыя времена. Инстинктивная анархія замѣнялась инстинктивнымъ приручеміемъ, а религія даже по существу своему не могла быть ничѣмъ, кромѣ проявленія инстинктивности. Христіанская религія не могла даже замѣниться другой; возроставшій раціонализмъ сдѣлался неодолимой преградой для возникновеніе новой формы того инстинктивнаго безобразія, которое называется религіей. Сущность спора сосредоточивалась на догматическихъ тонкостяхъ и въ этой области одни нелѣпыя воззрѣнія замѣнялись другими столь же нелѣпыми. Малѣйшій проблескъ раціональнаго мышленія вызывалъ противъ себя единодушный отпоръ и подавлялся окончательно. Такова была судьба попытки признать Іисуса Христа человѣкомъ. Въ окончательномъ результатѣ новыя религіи въ основномъ принципѣ ничего не измѣнили, а только приблизили религію съ одной стороны къ магометанству а съ другой къ китайскимъ возрѣніямъ на вѣру.

Эти два религіозныя воззрѣнія магометанское и китайское находятся между собою въ такомъ непримиримомъ противурѣчіи, что изъ двойственнаго теченія временъ религіознаго обновленія въ западной Европѣ ничего, кромѣ необозримаго сумбура не могло выйдти.

Мы уже видѣли, что магометанство характеризуетъ себя какъ кульминаціонный пунктъ централизаціи въ инстинктивныхъ обществахъ. Духовенство, войско и власть сливаются въ одно компактное, неразрывное цѣлое. Религіозныя реформы устремились создать государства, въ которыхъ государь считался бы получившимъ свою власть отъ бога и стоящимъ во главѣ правовѣрныхъ и ихъ духовенства. Ради упроченія собственныхъ своихъ правъ государи должны были поддерживать духовенство въ его борьбѣ съ раціонализмомъ. Къ счастью для человѣчества эта комбинація могла осуществиться только въ такихъ малыхъ размѣрахъ, что нигдѣ лютеранское и англиканское духовенство не получило и пятой доли того вліянія, какое магометанское получило въ Турціи. Религіозныя реформы сами были продуктомъ зачатковъ раціоналистическаго движенія въ умахъ и распространялись вмѣстѣ съ другими продуктами этихъ зачатковъ; они распранились всего шире именно тамъ, гдѣ всего шире распространялся раціонализмъ; а потому духовенство, порожденное этими реформами, никакъ не могло получить окончательнаго перевѣса надъ интеллигенціей, которая не разъ брала даже надъ нимъ верхъ.

Къ китайскимъ воззрѣніямъ на вѣру послѣреформенное христіанство приблизилось чрезъ идею вѣротерпимости; тутъ западная цивилизація ушла дальше китайской культуры, но это потому, что идея вѣротерпимости была вовсе не религіознаго, а напротивъ антирелигіознаго, раціоналистическаго происхожденія. Во время реформаціи христіанская религія обличила передъ глазами человѣчества всю ту бездну безнравственности, грубости и жестокости, какую она воспитала своимъ многовѣковымъ господствомъ въ ея поклонникахъ. Религіозныя звѣрства XVI-го и XVII-го вѣка живо напоминаютъ своимъ безчеловѣчіемъ подвиги Атиллы, Чингисхана и Тамерлана. По гнусности своего варварства, они составляютъ вполнѣ достойную тройцу съ нашествіемъ дикарей, которые съ христіанскими проповѣдниками во главѣ разрушили греко-римскую циви-

лизацію и съ нашествіемъ испанцевъ и турокъ, которые подъ покровительствомъ духовенства христіанскаго и магометанскаго уничтожили аравійскую и обломки византійской цивилизаціи. Христіане очутились въ ужасномъ положеніи; они не въ силахъ были вернуться къ централизаціи, потому что централизація грозила усугубить, а не излѣчить ихъ страданія,— и они были слишкомъ неразвиты для созиданія и распространенія въ своей средѣ раціональной идеи нравственности, которая бы устранила и уничтожила религію. Поэтому имъ оставалось одно: прибѣгнуть къ жалкой полумѣрѣ, къ идеѣ вѣротерпимости.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Чѣмъ отличается современная западная цивилизація отъ всѣхъ ей предшествовавшихъ.

Судьба правильнаго синтеза и рола его при созиданіи обобщеній и основъ міровоззрѣнія.

Если мы послѣ всего сказаннаго выше спросимъ себя: когда же началось то движеніе, которое отличило западно-европейскую цивилизацію отъ всѣхъ предшествовавшихъ ей и въ чемъ оно заключалось? — то намъ придется отвѣтить: въ примѣненіи къ наукѣ правильнаго синтеза. Синтезъ этотъ не былъ изобрѣтенъ наукой, онъ существуетъ съ незапамятныхъ временъ. Онъ никогда не былъ и никогда не будетъ исключительнымъ достояніемъ науки, а всегда имѣлъ всеобщее распространеніе. Опредѣлять его — нѣтъ ничего легче, а практиковать — нѣтъ ничего труднѣе. Правильный синтезъ такое описаніе явленія или такое понятіе объ немъ, въ которомъ каждое звѣно добыто вѣрнымъ и точнымъ наблюденіемъ и не выходитъ изъ предѣловъ этого наблюденія. Въ практической жизни

человѣкъ постоянно прибѣгаетъ къ нему и только тогда имѣетъ успѣхъ, когда имъ руководствуется. Если кухарка хочетъ успѣшно испечь хлѣбъ, она сначала должна имѣть въ головѣ правильный синтезъ этого явленія; она должна наблюденіемъ достигнуть способности вѣрно отличать муку и дрожжи наиболѣе годныя для этого дѣла, точно знать шагъ за шагомъ весь ходъ процесса и его условія, только тогда она получитъ хорошій хлѣбъ. Во всякой практической дѣятельности, начиная отъ дѣятельности охотника, пастуха и пахаря, и кончая дѣятельностью фабриканта, государственнаго человѣка и биржевого туза, люди съ незапамятныхъ временъ упражнялись въ искуствѣ созиданія правильнаго синтеза; — этотъ правильный синтезъ они называли знаніемъ дѣла, и тогда только и успѣвали, когда обладали точнымъ и правильнымъ знаніемъ путей для достиженія своихъ цѣлей. Но внѣ предѣловъ этой дѣятельности они постоянно имъ пренебрегали и употребляли другіе, болѣе легкіе пріемы мыслительнаго процесса; часто усвапвали себѣ первое попавшееся понятіе и укореняли его въ себѣ путемъ привычки. Такой способъ созиданія и распространенія понятій очень вредно отзывался на судьбѣ человѣчества.

Когда люди достигали своихъ цѣлей, они стремились къ правпльному синтезу, а когда они ставили себѣ цѣли, они вовсе объ этомъ не заботились. Человѣку казалось, что онъ чувствуетъ, что ему надобно; что онъ лучше всякого другого, лучше величайшаго изъ философовъ непосредственнымъ чутьемъ своимъ понимаетъ въ чемъ заключается его счастье и къ чему ему нужно стремиться. Но это было вовсе не такъ; понятіе свое о счастьѣ человѣкъ составлялъ себѣ неизбѣжно путемъ мышленія, но мышленія случайнаго и неправильнаго, лѣниваго и порывистаго; въ основаніи у него лежали невыясненные потребности, порывы и капризы, вліяніе авторитета, подражаніе, инстинкты. Созидая случайно изъ этого негоднаго матерьяла человѣкъ порождалъ себѣ страсти, происхожденіе кото-

рыхъ ускользало отъ его лѣниваго самонаблюденія и на основаніи этихъ страстей мучилъ себя и другихъ неисчислимое множество столѣтій. Люди никогда не понимали, да и теперь не понимаютъ, что всякому человѣку необходимо для жизни имѣть міровоззрѣніе и идею нравственности, основанныя на правильномъ синтезѣ.—Построеніе такого синтеза и распространеніе его между людьми и составитъ то дѣло, которымъ завершится современная цивилизація.

Возрожденіе наукъ началось съ того, что синтезъ этотъ былъ примѣненъ къ изслѣдованію природы. До этого времени, человѣкъ примѣнялъ его только тамъ, гдѣ того требовало практическое дѣло; съ возрожденіемъ наукъ ученые стали примѣнять его къ изслѣдованію природы, не имѣющему никакой другой цѣли, кромѣ полученія истиннаго понятія о томъ явленіи, которое изслѣдуется. До этого времени изученіе природы безъ прямыхъ практическихъ цѣлей казалось скорѣе забавой, чѣмъ серіознымъ дѣломъ; чтобы сдѣлать его плѣнительнымъ старались разукрашать его разными дѣйствовавшими на воображеніе нелѣпостями; вмѣсто астрономіи получалась астрологія, вмѣсто химіи — алхимія, вмѣсто физики — натурфилософія, вмѣсто ботаники — колдовство. Возрожденіе наукъ устремилось къ тому, чтобы замѣнить его мудрованіе точнымъ изученіемъ съ примѣненіемъ правильнаго синтеза и результаты получились поразительные.

Примѣненіе правильнаго синтеза къ наукѣ встрѣтило такія препятствія, которыхъ въ практической жизни не было и это существенно мѣшало успѣху дѣла. Въ практической жизни существуетъ дисциплина природы, которая служитъ лучшимъ изъ всѣхъ учителей логики потому, что она неумолима; за всякой ошибкой въ наблюденіи или въ заключеніи неизбѣжно слѣдуетъ наказаніе, которое прямо пропорціонально размѣру ошибки. Если фабрикантъ кумача сдѣлаетъ ошибку въ синтезѣ кумача, онъ можетъ получить пѣгій, а не одноцвѣтный кумачъ и понести тысячъ тридцать убытку. Правда, что и при такой дисциплинѣ природы люди

часто упорно стоятъ на своихъ заблужденіяхъ и предпочитаютъ свою гибель благоразумію, но все таки это остается наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ, какое можно придумать. Въ наукѣ наоборотъ, ученый можетъ не только не страдать черезъ то, что отступаетъ отъ истины, но выигрывать; мало того, ученые, которые составляютъ въ наукѣ господствующую силу имѣютъ интересъ гнать истину, а не поощрять ее. Гукъ, считавшійся первымъ ученымъ своего времени, съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдовалъ Ньютона, что послѣдній одно время вынужденъ былъ рѣшиться прекратить свои изслѣдованія явленій свѣта впредь до смерти Гука. Путемъ такихъ преслѣдованій открытіе паровой машины затянулось болѣе, чѣмъ на столѣтіе.

Чтобы дать понятіе объ отношеніи ученыхъ къ открытіямъ въ наукѣ, скажемъ нѣсколько словъ по вопросу о раздѣленіи половъ въ растеніяхъ. Во второй половинѣ XVII-го вѣка Камераріусъ потратилъ много труда для выясненія существованія пола у растеній, но его открытія до такой степени игнорировались, что ученіе о существованіи разнополыхъ растеній приписывалось Линнею. Во второй половинѣ XVIII-го вѣка Келрейтеръ опубликовалъ свои знаменитыя нынѣ открытія объ оплодотвореніи и помѣсяхъ, Но въ теченіе этого столѣтія ученые, вмѣсто того, чтобы научиться цѣнить открытія, научились враждебно относиться къ нимъ. Изслѣдованіе Келрейтера, указывая на заблужденія тогдашнихъ научныхъ дѣятелей, вызвали противъ него ожесточенныя преслѣдованія. Первый существенный шагъ послѣ него сдѣлалъ Шпренгель, но тутъ ученые, познавъ зловредность вражды, обращавшей общее вниманіе на предметъ ненависти, научились искусству умышленно игнорировать. Шпренгеля не признавали даже ученымъ, ему пришлось жить въ горькой нуждѣ уроками языковъ; его издатель отказался печатать вторую часть его трудовъ. Судьба Галилея была по истинѣ завидная по сравненію съ горькой участью Шпренгеля. Онъ былъ затоптанъ въ грязь и забытъ,

и только полъ вѣка спустя Дарвинъ извлекъ его изъ забвенія. Одинъ изъ трехъ великихъ творцовъ химіи Шееле до такой степени презирался шведскими учеными, что долженъ былъ существовать ремесломъ провизора.

Такъ было въ XVII-омъ и XVIII-омъ вѣкѣ, когда естественно-научныя занятія восхищали всѣ умы и обращали на себя всеобщее вниманіе, когда науки были мало развиты, научные факты легко было обнять. Теперь, разумѣется, дѣло находится еще въ худшемъ положеніи. И какихъ только низостей это господствующее ученое сословіе не придумывало: и замалчиваніе, и клевета, и похищеніе чужой мысли, и оспариваніе истины на основаніи національнаго соперничества. Всѣ эти гнусныя проявленія злобы и зависти прославлялись и практиковались съ восхищеніемъ. Для того, чтобы пробраться въ храмъ науки, утвердиться и господствовать тамъ, существовалъ только одинъ путь: нужно было проникать въ него незамѣтно, понемногу втираться и самый этотъ путь поощрялъ въ ученыхъ пронырство, ненависть къ честному исканію истины, а не любовь къ ней. Къ этому надо присовокупить матерьяльную зависимость отъ сильныхъ міра, въ которой всегда находятся ученые и которая заставляетъ ихъ примѣняться къ предразсудкамъ этой силы, вмѣсто того, чтобы искать истины. Сверхъ того истина обыкновенно лежитъ вовсе не тамъ, гдѣ желаютъ ее видѣть люди, а направляетъ ихъ всѣхъ въ такую сторону, которой противудѣйствуютъ выработавшіеся въ нихъ инстинкты и страсти. Чѣмъ глубже научная истина, тѣмъ труднѣе ее понять и оцѣнить ея значеніе для человѣчества, тѣмъ болѣе у ней враговъ и тѣмъ тѣмъ менѣе у ней сторонниковъ, тѣмъ легче ее замолчать, забить въ грязь и заставить погибнуть въ неизвѣстности. Поэтому глубокая научная истина, въ особенности въ началѣ своего существованія, требуетъ поддержки, поощренія, а не суроваго и враждебнаго къ ней отношенія.

Вмѣсто того, чтобы болтать разный вздоръ о какихъ

то особенныхъ логическихъ пріемахъ науки, ученые сдѣлали бы гораздо лучше, если бы поняли, что мыслительный процессъ вездѣ и всегда одинъ, что только однимъ путемъ правильнаго синтеза можно получить истину и что всѣ другіе пути, напр. подражаніе самому себѣ, подражаніе авторитету и т. п. хотя и сокращаютъ его, но за то уменьшаютъ его достовѣрность и способны вводить въ заблужденіе, вмѣсто того, чтобы давать истину. Имъ слѣдовало бы обратить самое серіозное вниманіе на неблагопріятныя условія, въ которыхъ находится составленіе правильнаго синтеза въ наукѣ и употребить всѣ усилія для ихъ устраненія. На первомъ планѣ должно быть установленіе между ученымп энергическаго общественнаго мнѣнія, которое бы искореняло въ ихъ средѣ пріемы, мѣшающіе развитію истины. Если ученые не будутъ въ состояніи установить въ своей средѣ общественное мнѣніе, которое было бы благопріятно, а не вредно для развитія науки, то отъ кого же можно будетъ ожидать проявленій сознательной нравственности. Вмѣсто того, чтобы поощрять своими похвалами среди ученыхъ мелкое чванство научными подвигами, ученые должны созидать своимъ общественнымъ мнѣніемъ широкое доброжелательство къ исканію истины. Ученый долженъ стоять въ ихъ мнѣніи тѣмъ выше, чѣмъ больше въ немъ такого доброжелательства и чѣмъ искреннѣе въ немъ любовь къ истинѣ. Проявленіе чванства, мелкой зависти и всѣхъ тѣхъ качествъ, которыми такъ богата ученая братья, должны унижать ученаго въ глазахъ своихъ собратій, какъ врага науки; ученые никогда не должны забывать тотъ неисчислимый вредъ, который эти качества принесли успѣху ихъ дѣла.

Въ XVI-мъ вѣкѣ Коперникъ обнародовалъ свою солнечную систему. Его открытіе возбудило противъ него такой градъ клеветы и насмѣшекъ, что они сдѣлали его настолько несчастнымъ, наскокько люди могутъ сдѣлать несчастнымъ подобнаго человѣка. Во главѣ вѣнца стояло духовенство, которое не только раздувало всячески вражду противъ Коперника, но даже сто лѣтъ спустя подвергло Галилея гоненіямъ только за то, что онъ осмѣлился сказать, что идеи Коперника не противурѣчатъ священному писанію. Откуда такое ожесточеніе? — Развѣ во время Коперника и Галилея существовалъ хотя одинъ папа, хотя одинъ католическій государь, епископъ, прелатъ или какое бы то ни было высокопоставленное лицо, которое бы вѣрило въ истину ученія Христа. Всякій изъ этихъ господъ счелъ бы себя круглымъ дуракомъ, если бы онъ подставилъ лѣвую щеку тому, кто ударилъ его по правой или отдалъ бы и другую одежду тому, кто взялъ у него одну. Всякій изъ нихъ провозглашалъ въ издаваемыхъ имъ законахъ величайшимъ преступленіемъ, достойнымъ смертной казни, ударить его по щекѣ или отнять у него что нибудь. Однако же въ этихъ своихъ законахъ они не видѣли противурѣчія съ евангеліемъ. Хотя ниспроверженіе христіанства изъ конца въ конецъ тутъ было слишкомъ ясно, однакоже они считали себя правовѣрными и добрыми христіанами. Бьющее въ глаза противурѣчіе между законами папы, между признаніемъ его непогрѣшимымъ и ученіемъ Христа было слишкомъ очевидно; однако же это не мѣшало ему считаться главою правовѣрныхъ и источникомъ, изъ котораго почерпалось истинное пониманіе горной проповѣди. Почему же они отнеслись такъ сурово къ астрономическому ученію Коперника, которое съ евангеліемъ ничего общаго не имѣло. Евангеліе менѣе всего учебникъ астрономіи; чтобы найдти противурѣчіе между ученіемъ Коперника и ученіемъ

Христа нужно было натворить всевозможныхъ прицѣпокъ и натяжекъ, въ то время, когда законы папы били это ученіе по лицу, безъ малѣйшихъ натяжекъ.

Въ чемъ же кроется причина, по которой духовенство и христіане такъ ожесточились противъ Коперника? — Имъ показалось, что ученіе Коперника открываетъ возможность созданія міровоззрѣнія путемъ правильнаго синтеза. Они чутьемъ угадывали, что правильный синтезъ заключаетъ въ себѣ столько неотразимой убѣдительности, что никакая вѣра противъ него устоять не можетъ. Въ виду возможности созданія міровоззрѣнія правильнымъ синтезомъ они чувствовали себя на краю погибели и сдѣлались неумолимыми врагами зарождающейся науки. Наука эта все таки пролагала себѣ путь и до ихъ сердецъ, и они не всегда могли бороться противъ желанія узнать; но это только до тѣхъ поръ, пока она не грозила создать міровоззрѣніе. Опытъ показалъ, что ихъ страхъ былъ ея крайности преувеличеннымъ. Порождать обобщенія, годныя для созиданія міровоззрѣнія, было окончательно не подъ силу ученымъ того времени. Въ теченіе XVII-го вѣка труженики науки сдѣлали множество славныхъ открытій путемъ правильнаго синтеза и открытія эти стали достояніемъ человѣчества навсегда. Разъ изслѣдованіе сдѣлано было безъ ошибки, оно дѣлалось достояніемъ науки, а наука съ ея несомнѣнными синтезами достояніемъ человѣчества; единообразіе во взглядѣ установлялось само собою; употребленіе насилія, преслѣдованій и вообще всего того варварства, которое употреблялось духовенствомъ было совершенно излишнимъ. Но созданіе общихъ идей, годныхъ для міровоззрѣнія, встрѣчало неодолимое препятствіе. Руководствуясь правильнымъ синтезомъ невозможно было сдѣлать даже первыхъ обобщеній, необходимыхъ для того, чтобы привести въ стройную систему добытые изслѣдованіемъ факты, а между тѣмъ безъ такихъ руководящихъ идей окончательно нельзя было обойдтись. Поэтому пришлось замѣнять синтезы гипотезами.

Иногда эти гипотезы составлялись такъ искусно, что

пхъ мало по малу стали принимать за правильные синтезы и считать неоспоримыми истинами. Однако даже такія гипотезы, какъ законы инерціи и тяготѣнія не составляютъ правильныхъ синтезовъ. Законъ инерціи утверждаетъ, что неорганическая матерія мертва, обладаетъ только механической силой, не способной къ самодѣятельности, а потому не измѣняетъ своего состоянія покоя или движенія до тѣхъ поръ, пока не явится новая, внѣшняя сила, которая подѣйствуетъ на нее, и тогда измѣненіе этого движенія будетъ прямо обусловлено дѣйствующей силой. Никакъ нельзя отличать великую пользу, принесенную наукѣ этой гипотезой; польза эта тѣмъ болѣе очевидна, что кругъ, въ которомъ она дѣйствовала, былъ рѣзко очерченъ и что ея примѣненіе создавало правильные синтезы безъ числа. Но съ другой стороны она приносила не менѣе великій вредъ тѣмъ, что считалось несомнѣнною и мѣшала этимъ получать правильное понятіе о матеріи. Она, какъ и всѣ ей подобныя гипотезы, считается несомнѣнною только потому, что противурѣчащіе ей факты игнорируются самымъ близорукимъ образомъ. Если вы твердое тѣло напр. пулю какой нибудь силой (порохомъ) выпихните изъ винтовки, въ которой она сидѣла, то она вылетитъ и по инерціи будетъ продолжать то вращательное и поступательное движеніе, которое получила въ ружьѣ, но при этомъ останется по прежнему твердымъ тѣломъ, а если пуля будетъ ржавая, то и ея кислородъ останется по прежнему въ твердомъ видѣ, онъ останется въ такомъ видѣ по инерціи. Теперь вы выпихиваете изъ тѣла кислородъ или водородъ, находящійся въ твердомъ видѣ, путемъ химическимъ; такъ какъ онъ разъ получилъ твердый видъ, то онъ по закону инерціи и выпихнутыйт долженъ былъ бы оставаться въ твердомъ видѣ; однакоже наблюденіе показываетъ противное: въ немъ отчасъ начинаетъ проявлятся самодѣйствующая сила [1]), онъ приметъ

[1]) Новѣщія гипотезы сохраненія энергіи и кинетическая стремятся дать механическое объясненіе переходу твердыхъ и жидкихъ

видъ газообразный и будетъ разширяться до тѣхъ поръ, пока его самодѣйствующая сила не будетъ связана въ своемъ стремленіи вліяніемъ другихъ силъ. Въ видѣ объясненія вы скажете, что переходъ въ газообразное состояніе произошелъ отъ того, что сила кислорода была связана химическимъ соединеніемъ; — но если она была связана, то слѣдовательно существовала, самодѣйствовала и не была уничтожена, а вѣдь по закону инерціи сила уничтожается съ переходомъ въ другое состояніе. Когда тѣло перешло отъ покоя къ движенію, то въ немъ уже нѣтъ никакого стремленія перейдти къ покою, а остается одно стремленіе сохранить свое движеніе.

Вообще безъ понятія о самодѣйствующей силѣ нельзя объяснить огромнаго числа явленій въ неорганическомъ и въ особенности въ органическомъ мірѣ, а самодѣйствующая сила заключаетъ въ себѣ прямое отрицаніе инерціи. Тѣ явленія, которыя породили идею закона инерціи, объясняются просто наболѣе низкимъ изъ всѣхъ пріемовъ мыслительнаго процесса: дѣйствіемъ по подражанію самому себѣ. Разъ тѣлу удалось уклониться отъ впечатленія, создавъ въ себѣ извѣстное состояніе сравнительнаго покоя или движенія, оно сохранитъ это состояніе до тѣхъ поръ, пока не будетъ вынуждено его перемѣнить, чтобы уклониться отъ новыхъ впечатлѣній [1]). Такой мыслительный процессъ уже самъ по себѣ есть результатъ самодѣятельности, а потому отнюдь не можетъ предполагать въ матеріи отсутствія способности къ самодѣятельности.

тѣлъ въ газообразныя и обратно; но тутъ дѣло не въ томъ, какъ совершился переходъ, а въ томъ, что ему вовсе не слѣдовало совершиться; тѣла, выпихнутые изъ химическихъ своихъ соединеній должны были бы по инерціи сохранять свой прежній видъ, а не измѣнять его.

[1]) Для такого объясненія придется конечно согласиться съ синтезомъ о мыслительномъ процессѣ въ природѣ, изложенномъ въ философіи, опубликованной подъ заглавіемъ: „Философія безсознательнаго, дарвинизмъ и реальная истина.“

Точно также и понятія о всемірномъ тяготѣніи нельзя считать порожденіемъ правильнаго синтеза. Астрономическое открытіе, выясняющее отношеніе между разстояніемъ небесныхъ тѣлъ, ихъ массою и ихъ взаимнымъ сближеніемъ создано путемъ правильнаго синтеза, точно такъ же, какъ и законъ паденія тѣлъ на землѣ; но причина существованія этихъ фактовъ, какѣ была, такъ и осталась неизвѣстной. Изъ нихъ отнюдь не слѣдуетъ, что въ тѣлахъ существуетъ особая, неизмѣнно дѣйствующая сила, которая заставляетъ ихъ сближаться по законамъ тяжести и тяготѣнія. Какъ близоруко и поверхностно сочиняются эти идеи, видно изъ того, что понятіе о подобной самодѣствующей силѣ окончательно уничтожаетъ понятіе объ инерціи, которая доказываетъ, что въ матеріи никакой самодѣйствующей силы нѣтъ. Уже въ семнадцатомъ вѣкѣ понимали и даже лучше, чѣмъ в наше время, что идея всемирнаго тяготѣнія должна считаться гипотезой потому, что явленіе тяготѣнія не поддается непосредственному наблюденію, а разъ нѣтъ такого наблюденія, то остающаяся въ неизвѣстности часть явленія не можетъ считаться разъясненной пока подходящее наблюденіе не будетъ найдено [1]).

[1]) Въ томъ и заключается громадная разница между идеей всемірнаго тяготѣнія и идеей, что всякое движеніе въ природѣ есть результатъ мыслительнаго процесса, что тяготѣніе вымышлено помимо непосредственнаго наблюденія а понятіе о мыслительномъ процессѣ получено путемъ такого наблюденія и остается только съ помощью подходящихъ пріемовъ показать, почему мыслительный процессъ есть одно изъ звеньевъ явленія движенія. Препятствіемъ для созданія синтеза служитъ неправильное понятіе людей о мыслительномъ процессѣ, а для его распространенія почти неодолимые предразсудки людей. Если мы буудемъ объяснять неподдающіяся непосредственному наблюденію части нашего синтеза такимъ явленіемъ, которое взято изъ непосредственнаго наблюденія, то правильность нашего объясненія постоянно остается подъ контролемъ наблюденія, но если мы для объясненія явленія создадимъ гипотезу, а возраженія будемъ устранять ссылками на другія гипотезы, то ничего, кромѣ безпредѣльной путаницы не произойдетъ. Если мы возраженія противъ инерціи устранимъ ссылкою на кинетическую теорію газовъ, не замѣчая, что если одна гипотеза вѣрна, то

Что касается до противурѣчащихъ этой идеѣ фактовъ, то числу ихъ нѣтъ конца. Прежде всего мы видимъ, что въ природѣ настолько же распространены движенія, противурѣчащія закону тяготѣнія, насколько и движенія, согласующіяся съ нимъ; намъ извѣстны: диффузія, при которой тяжелыя тѣла поднимаются вверхъ, а легкія остаются внизу; растворы, которые были бы невозможны, если бы тяжелые тѣла не могли подняться выше легкихъ; наконецъ, кислородъ, азотъ и водяные пары составляютъ постоянную смѣсь, хотя они имѣютъ различный вѣсъ и никогда не располагаются слоями. Всѣ попытки согласить эти противурѣчія оказываются вполнѣ неудачными. До появленія кинетической теоріи газовъ противурѣчіе это игнорировалось самымъ грубымъ образомъ. Кинетическая теорія сдѣлала такую попытку уничтожить его, по крайней мѣрѣ по отношенію къ газамъ, которая привела ученыхъ въ восторгъ: она пріобрѣла славу остроумнѣйшей и самой глубокомысленной изъ гипотезъ. Однако же ея судьба такова же, какъ судьба всѣхъ человѣческихъ ученій, имѣющихъ въ своемъ основаніи произвольное измышленіе вмѣсто непосредственнаго наблюденія; она была такова же, какъ судьба ученія о божествѣ, судьба метафизической философіи и т. п. Есль вы представляете себѣ право класть въ основаніе вашего ученія произвольное измышленіе и замѣнять его по вашему произволу съ цѣлью устраненія возраженій, то вы съ помощью глубокомысленныхъ увертокъ можете до такой степени запутать дѣло, что оно будетъ стоять вѣка и люди окажутся безсильными опровергнуть самую очевидную ложь. Вотъ почему такой пріемъ созиданія понятій и слѣдуетъ считать непростительнымъ въ наукѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что понятіе о существованіи божества со-

другая не можетъ быть истинной, такъ какъ она одновременно признаетъ и инерцію и тяготѣніе, то мы конечно откроемъ себѣ широкій путь къ гипотезамъ, но откажемся отъ всѣхъ правилъ логической послѣдовательности.

ставляетъ такое измышленіе, которое опровергается фактами въ концѣ; однакоже съ помощью всевозможныхъ увертокъ и хитросплетеній, оно поставлено было на такую твердую почву, что увѣренность въ существованіи божества и въ настоящее время имѣетъ громадное распространеніе и стоитъ на самыхъ твердыхъ ногахъ. Такова же участь метафизики; одна измышленная метафизикою основная идея проваливалась за другою, но изворотливость человѣческая безконечна; на мѣсто низвергнутыхъ являлись другія еще болѣе хитро придуманныя, еще болѣе трудно опровержимыя и метафизика вѣчно возрождается, какъ фениксъ изъ пепелища. Такимъ образомъ плевела вѣчно растутъ рядомъ съ пшеницею и заглушаютъ эту пшеницу; къ такимъ плевеламъ принадлежитъ и кинетическая теорія. Простительно ли въ наукѣ измышлять мельчайшія тѣла, которыя не могутъ быть изслѣдуемы непосредственнымъ наблюденіемъ? Наши свѣденія о природѣ такъ ограничены, что измыслить какое бы то ни было тѣло — крупное или мелкое, значитъ создать несомнѣнную ложь. Приведеніе въ извѣстность путемъ наблюденія какого-либо тѣла, въ особенности открытіе такихъ тѣлъ, какъ органическая клѣтка, мелчайшія микроскопическіе тѣла, конечно великая заслуга въ наукѣ, но измыслить ихъ не только не заслуга, но средство размножать плевела. Изученіе мельчайшей части всѣхъ организмовъ — клѣтки, до очевидности показываетъ намъ, что никакими измышленіями невозможно было бы создать о мельчайшихъ частяхъ организма что либо подходящее къ истинѣ помимо наблюденія; все, что было бы измышлено другимъ путемъ, могло бы только вводить въ заблужденіе. Изученная наблюденіемъ клѣтка показала, что въ природѣ все происходитъ совсѣмъ не такъ, какъ мы предполагаемъ; она показала намъ такія основоначала въ развитіи организма, какія намъ и во снѣ не снились; послѣ этого дико, глупо и смѣшно даже подумать о томъ, что измышленная мелчайшая часть организма могла бы привести къ чему либо, кромѣ распространенія лжи. Тоже конечно было бы,

если бы оказалось возможнымъ путемъ наблюденія привести въ извѣстность мельчайшія части тѣлъ вообще.

Всѣ относящіяся сюда измышленія, и кинетическая теорія, можетъ быть, болѣе другихъ, направлены были только къ тому, чтобы новыми, хитроумными изворотами оправдать предвзятыя идеи инерціи и тяготѣнія; точно такъ же, какъ хитроумныя измышленія духовенства направлены были къ тому, чтобы оправдать предвзятую идею божества. Сначала она объясняла диффузію газовъ отскакиваніемъ молекулъ, ударявшихся другъ о друга; онѣ отскакивали и въ направленіи противуположномъ тяготѣнію на томъ же основаніи, на которомъ движущееся безусловно упругое тѣло отскакиваетъ во всевозможныхъ направленіяхъ. Но прежде всего тутъ обнаруживалось то же противурѣчіе, какое явленіе лежанія тѣлъ другъ на другѣ даетъ съ закономъ тяготѣнія; если тѣла лежатъ другъ на другѣ, то они соприкасаются хотя нѣкоторыми точками, тутъ притяженіе должно было сдѣлаться почти безпредѣльнымъ и тѣла должны были бы слиться, а не лежать другъ на другѣ; при столкновеніи молекулъ притяженіе точно такъ же должно было брать верхъ надъ центробѣжною силою. За тѣмъ, если бы всѣ тѣла состояли изъ безусловно упругихъ атомовъ и молекулъ, то въ дѣйствительности отдѣльныхъ твердыхъ, жидкихъ и другихъ тѣлъ вовсе бы и не существовало; существовали бы только молекулы и атомы, которые представлялись бы намъ въ формѣ деревьевъ, камней и т. д. вслѣдствіе разнороднаго отраженія отъ нихъ свѣта. Во всѣхъ случаяхъ движенія и столковенія камней, пуль и всевозможныхъ тѣлъ сталкивались бы не эти тѣла, а безусловно упругія молекулы, изъ которыхъ они состоятъ. Результатъ столковенія былъ бы слѣдозательно тотъ, какой даютъ безусловно упругія тѣла. Камень находился въ покоѣ; молекулы изъ которыхъ онъ состоитъ находились по отношенію другъ къ другу въ извѣстномъ равновѣсіи. Рука взяла его и бросила. Равновѣсіе молекулъ осталось прежнимъ, къ нему присоединилось одно обстоятельство: рука сооб-

щила ближайшимъ къ ней молекуламъ камня толчекъ и дала имъ движеніе извѣстной скорости и въ извѣстномъ направленіи, эти молекулы сообщили толчекъ сосѣднимъ и дали имъ такое же движеніе, все тѣло полетѣло съ той же скоростью и въ томъ же направленіи. Оно ударилось о другое тѣло, ближайшія къ неподвижному тѣлу молекулы получили толчекъ и отскочили отъ него по закону безусловно упругихъ тѣлъ, такъ какъ онѣ безусловно упруги; точно такъ же, какъ въ первомъ случаѣ, онѣ должны были свое движеніе съ той же силой и въ томъ же направленіи сообщить всему тѣлу и оно отскочило бы по закону безусловно упругихъ тѣлъ. Однако же въ дѣйствительности явленіе происходитъ совсѣмъ другимъ образомъ. Кромѣ того круглыя, безусловно упругія молекулы не годились для химиковъ, имъ нужны были для своихъ гипотезъ молекулы разныхъ формъ и разныхъ свойствъ, а потому создано было новое измышленіе. Молекулы не сталкиваются, а только лѣтятъ другъ мимо друга и подъ вліяніемъ притяженія тѣхъ молекулъ, мимо которыхъ пролетаютъ измѣняютъ свое направленіе. При такомъ условіи нѣтъ надобности, чтобы молекулы были круглыя и даже безуловно упругія. Всего этого было, конечно, мало, послѣдовали дальнѣйшія усложненія; и они не удовлетворятъ, создана будетъ наука измышленій необъятная и неодолимая, а вмѣстѣ съ тѣмъ неодолимое препятствіе къ отысканію истины. Такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока ученые не рѣшатся отказаться отъ измышленій и ограничиваться сферой наблюденія. Послѣ всѣхъ хитросплетеній кинетической теоріи противъ тяготѣнія все еще найдется безконечное число возраженій. При извѣстныхъ условіяхъ тѣла обнаруживаютъ стремленіе сближаться, при чемъ сила стремленія возростаетъ съ уменьшеніемъ разстоянія, но не соотвѣтствуетъ массѣ, вся картина явленія получаетъ другой видъ. Стремленіе тѣлъ къ сближенію опять таки не имѣетъ ничего общаго съ массой во всей той обширной области, гдѣ стремленіе это проявляется въ видѣ химическаго сродства; тутъ оно часто

происходитъ прямо обратно массѣ тѣла. Вся масса земли не въ состояніи превратить кислородъ въ твердое тѣло, а кусокъ фосфору ничтожной массы загорится и совершитъ это чудо.

При паденіи тѣла съ высоты сила тяготѣнія накопляясь нагрѣваетъ тѣло, которое представляетъ сопротивленіе движенію падающаго тѣла, а если одно тѣло лежитъ на другомъ, то сила эта не обнаруживаетъ такого свойства. Ударъ тѣла при паденіи представляетъ собою прижатіе и порождаетъ будто бы то движеніе атомовъ, которое является намъ въ видѣ теплоты; но вѣдь такое же прижатіе существуетъ и при лежаніи одного тѣла на другомъ и отъ той же причины, т. е. отъ притяженія, которое только усилилось отъ паденія тѣла, точно такъ же, какъ оно усилилось бы, если бы къ нему приблизилось тѣло большей массы. Если бы первое явленіе произошло отъ постояннаго накопленія тяготѣнія, то и тутъ постоянное сопротивленіе тяготѣнію должно было бы постоянно усиливать движеніе атомовъ, представляющееся намъ теплотою. Всѣ тѣла должны были бы все болѣ нагрѣваться отъ тяготѣнія, а такъ какъ тяготѣніе всеобщее явленіе,то оно должно было бы порождать всемірное возростаніе теплоты.

Тутъ все дѣлается, какъ въ религіи. Богъ всемогущъ, всевѣдущъ и милосердъ, значитъ онъ могъ бы сдѣлать всѣхъ людей вполнѣ счастливыми, почему онъ этого не дѣлаетъ? Вмѣсто отвѣта — изворотьі безъ конца. Притяженіе усиливается съ уменьшеніемъ разстоянія по вычисленному въ математикѣ закону, слѣдовательно съ уничтоженіемъ разстоянія при соприкосновеніи тѣлъ оно должно было быть безконечно. Почему же тѣла не сливаются, когда лежатъ другъ на другѣ? — вмѣсто отвѣта увертки, какъ и въ вопросѣ о милосердіи бога. Какъ и почему все вышеуказанное происходитъ въ природѣ никто еще не разгадалъ, но догадки ученыхъ несомнѣнно невѣрны. Однимъ словомъ тѣла сближаются и расталкиваются по причинамъ до такой степени сложнымъ, что онѣ окончательно неуяснимы.

Всякое предположеніе существованія особой силы, напр. силы электричества, встрѣтитъ необозримое поле противурѣчащихъ ему явленій, понятія силы и тяготѣнія, химическаго сродства [1]) и т. д. не состоятельны даже въ качествѣ гипотезъ — это просто выраженія, указывающіе на рядъ явленій, слѣдующихъ законамъ, причина существованія которыхъ неизвѣстна.

Существованіе мыслительнаго процесса въ качествѣ звѣна, составляющаго переходъ отъ впечатленія къ проявленію матеріи объясняется въ этой области только тѣмъ, что между впечатлѣніемъ и проявленіемъ существуетъ извѣстное соотношеніе. Во всей области явленій мы можемъ непосредственно наблюдать причину, порождающую соотвѣтствіе между впечатленіемъ и проявленіемъ только въ одномъ мыслительномъ процессѣ; одинъ мыслительный процессъ порождаетъ соотвѣтствіе между впечатленіемъ и проявленіемъ путемъ сравненія впечатленій и заключенія, соразмѣряющаго силу дѣйствія съ силою впечатленія. Впечатленіе и проявленіе не могутъ быть безъ переходнаго звѣна, такъ какъ между ними нѣтъ ничего общаго. Сказать, что переходное звѣно составляетъ сила, значитъ сдѣлать вещь совершенно непозволительную съ точки зрѣнія правильнаго синтеза. Слово сила останется словомъ безъ смысла, безсмыслицей; словомъ, которое замѣняетъ понятіе, вмѣсто того, чтобы его выражать. Между тѣмъ, какъ мыслительный процессъ имѣетъ весьма точный смыслъ, составляетъ понятіе съ опредѣленнымъ содержаніемъ, такъ какъ оно выясняется наблюденіемъ. Наблюденіе показываетъ, что химическія тѣла: углеродъ, кислородъ, азотъ, водородъ и пр.

[1]) Стоитъ вспомнить, что химическая формула служитъ только приблизительнымъ указаніемъ на тѣ отношенія, въ которыхъ соединяются тѣла. Понятіе о тяготѣніи гораздо ближе къ гипотезѣ, чѣмъ понятіе о химичечкомъ сродствѣ; каково бы ни было отношеніе между массами двухъ небесныхъ тѣлъ, законъ тяготѣнія всегда оказывался вѣрнымъ, а велика ли сфера, въ которой напр. вѣрна формула $Cn\ Hn+_2$.

обладаютъ способностью совершать мыслительные процессы; если бы они ею не обладали, то и человѣкъ не могъ бы совершать ихъ.

Далѣе мыслительные процессы, совершаемые этими тѣлами, обусловливаются тѣми впечатлѣніями, которыя ими получаются; безъ способности получать тѣ впечатлѣнія, которыя необходимы для сравненія и заключенія и мыслительный процессъ дѣлается невозможнымъ. Способность получать впечатлѣнія съ своей стороны обусловливается формой, въ которой находится химическое тѣло. Химическое тѣло, входящее въ составъ человѣческаго организма и способное концентрировать въ себѣ все разнообразіе впечатлѣній, получаемыхъ человѣкомъ, можетъ совершать мыслительные процессы самаго высокаго порядка и соотвѣтственно этому разнообразить свои проявленія; разнообразіе этихъ проявленій уменьшается соотвѣтственно съ уменьшеніемъ впечатлительности и органовъ впечатлѣній. Единица [1]) азота, находящаяся въ воздухѣ въ газообразномъ состояніи, имѣетъ весьма ограниченную впечатлительность къ свѣту по сравненію съ такой же единицей, помѣщающейся въ человѣческомъ тѣлѣ; — эта послѣдняя отнюдь не утрачиваетъ способности совер-

[1]) Наблюденіе показываетъ намъ, что матерія дѣлится на единицы, обладающія различными свойствами. Къ мельчайшимъ единицамъ принадлежатъ кристалы, органическія клѣтки и т. д. По видимому существуютъ такія тѣла, которыя составляютъ единицы въ любомъ количествѣ, пока они не будутъ отдѣлены отъ окружающей среды посторонними тѣлами. Сюда принадлежатъ напр. однородные газы и жидкости можетъ быть нѣкоторыя монеры: противъ давленія они реагируютъ единообразно во всѣ стороны, пропускаютъ лучъ свѣта единообразно чрезъ всю свою массу, вообще даютъ единообразные отвѣты но единообразныя впечатлѣнія какъ бы ни было велико количество, въ которомъ они безраздѣльно занимаютъ пространство, въ то время какъ каждая пылинка, каждый кристалъ или клѣтка имѣютъ отдѣльное существованіе. Единицы матеріи бываютъ простыя и сложныя, онѣ составляютъ форму тѣла; ихъ однакоже не слѣдуетъ сочинять, а надо брать изъ наблюденія, тамъ же гдѣ наблюденіе даетъ только неопредѣленные образы ихъ надо оставлять въ данной неопредѣленности.

шать тѣ же мыслительные процессы и тѣ же движенія, какіе совершаетъ въ воздухѣ, если она получаетъ такія же впечатлѣнія, но кромѣ того, находясь внутри человѣческаго тѣла и не получая никакихъ непосредственныхъ впечатлѣній, она получитъ чрезъ существованіе глаза такое разнообразіе посредственныхъ, что совершаетъ мыслительные процессы, которые сдѣлаются для нея окончательно не доступными, лишь только она перейдетъ въ воздухъ. Съ точки зрѣнія единицы азота, находящейся въ клѣткѣ человѣческаго организма, весь организмъ представляется ея органомъ или орудіемъ для полученія сложныхъ впечатлѣній. Чрезъ посредство нервныхъ нитей мозговая клѣточка сосредоточиваетъ въ себѣ, какъ въ фокусѣ отраженіе впечатлѣній, получаемыхъ всѣми видящими клѣточками глаза, одно непосредственное впечатлѣніе замѣняется цѣлой сферой посредственныхъ. Отъ искуственнаго разширенія впечатлительности вашего глаза и способность азота вашего тѣла совершать мыслительные процессы разширится; такъ изобрѣтеніе микроскопа, телескопа и пр. сильно разширило мыслительные процессы азота и кислорода человѣческаго тѣла. Тотъ же самый азотъ, попавшій въ тѣло животнаго, не имѣющаго глазъ, утрачиваетъ всю область мыслительныхъ процессовъ, какою онъ обладалъ въ человѣкѣ. Однимъ словомъ, способность всякаго химическаго тѣла къ мыслительнымъ процессамъ развивается сообразно съ формой существованія, увеличивающей его впечатлительность и атрофируется вмѣстѣ съ формой, уменьшающей эту впечатлительность. Какъ это дѣлается мы объяснимъ послѣ.

Невозможность создавать общія идеи путемъ правильнаго синтеза побуждала ученыхъ XVII-го вѣка, сосредоточиться на тѣхъ явленіяхъ, которыя можно было получать такимъ путемъ, но потребность въ созданіи міровоззрѣнія была такъ сильна, что оказались такіе ученые, которые пытались творить его путемъ гипотезъ. Наиболѣе яркими представителями ученыхъ перваго рода были Галилей и Ньютонъ, а второго Де-

картъ. Первые имѣли прочный и великій успѣхъ, а вторые, по крайней мѣрѣ въ сферѣ гипотезъ, безплодно толклись бы на одномъ мѣстѣ, точно такъ же, какъ толкутся религіи, если бы они не имѣли надъ религіями одного существеннаго преимущества. Религіи пользуясь невѣжествомъ людей и ихъ ограниченностью, которая заставляла ихъ вѣрить, что человѣкъ можетъ получать вдохновеніе свыше, выдавали себя за непогрѣшимыя изрѣченія божества и превращали тѣмъ людей въ гонителей истины; творцы гипотетическихъ и метафизическихъ міровоззрѣній не пользовались, да и не могли пользоваться этимъ гнуснымъ средствомъ — и одно это обстоятельство вынудило ихъ въ извѣстной степени совершенствоваться вмѣстѣ съ развитіемъ науки. Жалкое стремленіе попрать науку и въ нихъ продолжало жить, но оно только робко прицѣплялось къ религіи, вмѣсто то, чтобы подобно вѣрѣ наглымъ страшилищемъ стоять надъ головою науки съ поднятой сѣкирой палача въ рукахъ. Только одно міровоззрѣніе, основанное на правильномъ синтезѣ и только настолько, на сколько оно основано на такомъ синтезѣ, можетъ быть гуманнымъ и стремящимся поощрять истину. Кто хочетъ истины а не лицемѣрія, пусть не соблазняется никакой религіей, никакимъ гипотетическимъ или метафизическимъ міровоззрѣніемъ.

Ученые, работавшіе надъ явленіями природы съ пріемами правильнаго синтеза, накопили массу полезныхъ для человѣчества знаній въ самое короткое время. Казалось, что теперь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣлалось столько же, сколько прежде въ теченіе столѣтій, трудъ человѣка былъ оплодотворенъ, изобрѣтательность окрылилась. Естественныя науки пріобрѣли великую славу, и слава эта принадлежала всецѣло правильному синтезу. Ученые съ энтузіазмомъ сосредоточились на немъ; для совершенія этихъ правильныхъ синтезовъ они изобрѣли безчисленные, хитро задуманные пріемы. Математика, какъ готовая дедукція, служила имъ въ особенности въ астрономіи и физикѣ ве-

ликую службу, и они разширили ее съ громаднымъ успѣхомъ. Увеличительные стекла оказали неоцѣнимую услугу въ астрономіи, ботаникѣ, зоологіи, — и такихъ пособниковъ наука натворила множество. Дошло до того, что богатство народа стало имѣть значеніе въ области открытій; стали говорить, что Фарадей обязанъ былъ своими открытіями дорогимъ инструментамъ, которыми его снабжала Англія; не подлежитъ сомнѣнію, что русскіе сдѣлали бы болѣе для науки, если бы ихъ публичныя библіотеки и кабинеты не были такъ позорно и нищенски бѣдны; ученые Германіи и Франціи не были бы тѣмъ, чѣмъ они стали теперь, если бы у нихъ не было Берлина и Парижа. Этотъ усцѣхъ правильнаго синтеза доставилъ естественнымъ наукамъ славу точныхъ наукъ, которыя обладаютъ наиболѣе совершенными путями для достиженія истины. Ученые стали преимущественно сосредоточиваться на описаніи тѣхъ явленій, которыя можно было добывать путемъ правильнаго синтеза и смотрѣли свысока съ одной стороны на безплодныя потуги создавать общія идеи, а съ другой на такъ называемыя эмпирическія отрасли естественныхъ наукъ, медицину и пр., гдѣ господствовало подраженіе авторотету (ipse dixit).

Примѣненіе правильнаго синтеза къ естественнымъ наукамъ сильно отразилось на всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія, любознательность людей получила небывалое развитіе и вездѣ стрѣмились получать болѣе вѣрные и точные факты. Но вмѣстѣ съ тѣмъ потребность въ общихъ идеяхъ стала дѣлаться настоятельной прежде всего въ сферѣ политической.

Въ XVII-мъ вѣкѣ ощущалась потребность приручения и созиданія для этой цѣли неограниченныхъ монархій; но въ это самое время пробудившаяся любознательность до такой степени ознакомила западную Европу съ исторіей; что вѣра въ неограниченную монархію, какъ въ благодѣтельное божеское учрежденіе, никакъ не могла утвердится. Накопилось сколько свѣденій объ исторіи деспотическихъ государствъ въ Азіи, Африкѣ, Европѣ и Америкѣ, свѣденій, которыя изображали ихъ въ самомъ мрачномъ и непригляднмъ свѣтѣ, что невозможно было смотрѣть на возростающую силу неограниченныхъ монарховъ иначе, какъ со страхомъ и опасеніемъ. Дѣйствія этихъ монарховъ сразу доказывали, что и теперь будетъ не лучше, чѣмъ въ былыя былыя времена; — одни подвиги Филиппа II-го испанскаго чего стоили.

Понятно, что стали искать другой, лучшей формы государственнаго устройства, чтобы избавиться отъ бѣдствій анархіи. Инстинкту повиновенія противупоставили инстинктъ свободы. Созданная тогда идея свободы была менѣе всего правильнымъ синтезомъ. Обобщенія XVII-го вѣка, порожденныя естественными науками: теоріи свѣта, тяготѣнія и т. д., хотя и не были правильными синтезами, но они все таки вызваны были къ жизни стремленіемъ сгруппировать факты, добытые такими синтезами, и сдѣлать изъ нихъ выводъ, который бы возможно болѣе приближался къ истинѣ; — между тѣмъ, какъ идея свободы того времени сочинена была совсѣмъ другимъ путемъ. Творцы и распространители этой идеи дѣйствовали вовсе не такъ, какъ дѣйствовали въ наукѣ, а такъ, какъ проповѣдывали въ религіи; требовалось не отысканіе истины, а созданіе такой идеи, которая могла бы производить впечатлѣніе на какой либо изъ наиболѣе сильныхъ человѣческихъ инстинктовъ. Въ книгѣ: „Философія безсознательнаго и т. д.“ доказывается, что всякая сила, именно потому, что она сила, стремится проявить себя, внести свое

въ среду всемірнаго движенія, создать и осуществить свою собственную мысль. Для того, чтобы это сдѣлать возможнымъ, она стремится расширить свою впечатлительность. Это стремленіе расширить свою впечатлительность и на основаніи этой впечатлительности создать новую мысль и дѣлается источникомъ прогресса въ природѣ. Такимъ образомъ произошелъ наконецъ организмъ и человѣческій организмъ. Въ человѣкѣ эта самодѣятельность воли получила сравнительно громадное развитіе; — съ помощью разнородныхъ органовъ человѣкъ расширилъ свою впечатлительность до небывалыхъ размѣровъ и пріобрѣлъ то, что онъ называетъ свободою воли, произволомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ и условіе этой свободы. Мыслящая сила въ человѣкѣ не есть сила, которая представляетъ собою какую либо часть организма, имѣющую свой личный интересъ и желающую эксплуатировать другія части. Мыслящій человѣкъ можетъ представлять себя только организмомъ въ цѣломъ его составѣ; онъ не имѣетъ никакого спеціальнаго эгоизма, который заставлялъ бы его ради благополучія одной клѣточки эксплуатировать другую. Только такимъ образомъ и осуществилось то интимное взаимодѣйствіе частей, которое дало человѣку свободу воли. Стремленіе дѣлать что хочешь, стремленіе къ свободѣ уже потому составляетъ неискоренимую потребность человѣка, что онъ есть сила, но осуществиться она можетъ только тогда, когда онъ достигнетъ того, что у него не будетъ никакого эгоистическаго, эксплуататорскаго желанія, когда онъ будетъ смотрѣть, какъ смотритъ организмъ, — исключительно съ точки зрѣнія общаго блага. Синтезъ, исторію свободы, условіе ея существованія при тогдашнемъ состояніи науки развить было невозможно, а пользовались просто тѣмъ обстоятельствомъ, что, благодаря такому инстинкту, можно было увѣрить людей, что если всякій будетъ дѣлать, что хочетъ, то всѣ будутъ счастливы. Успѣхъ оправдалъ ожиданія, въ людяхъ можно было дѣйствительно вызвать энтузіазмъ свободы, и тѣ стороны, гдѣ этотъ энтузіазмъ дѣйствовалъ всего сильнѣе, Англія,

Голландія, цвѣли и богатѣли, а тѣ, гдѣ произволъ монархической власти проявлялся съ наибольшей силою Испанія, Италія, приходили въ упадокъ. Послѣ этого считали излишнимъ вникать въ то обстоятельство: правильно ли составлено понятіе о свободѣ и дѣйствительно ли дѣло шло къ увеличенію свободы.

Къ чему могла привести свобода при тѣхъ понятіяхъ о счастьѣ и при тѣхъ міровоззрѣніяхъ, которыя господствовали? Если бы человѣкъ сливалъ свое личное счастье съ общественнымъ благомъ, то свобода могла бы дѣйствительно господствовать въ государствѣ, но на дѣлѣ было наоборотъ; — человѣкъ противупоставлялъ свое счастье и общественному благу, и благу каждаго другого человѣка. По отношенію къ государству, къ общинѣ онъ старался уклониться отъ податей и повинностей или воспользоваться общественнымъ достояніемъ; по отношенію къ своимъ согражданамъ онъ старался эксплуатировать ихъ насколько возможно. Поэтому развитіе государственной жизни дало результаты прямо противуположные ожидаемымъ. Плодились не свобода а законы, ограничивавшіе гражданъ въ ихъ дѣятельности; принудительно взыскиваемыя подати и повинности не уменьшались, а увеличивались и развивались. Въ Англіи законодательство приняло небывалые размѣры; сложность и запутанность законовъ сдѣлались недугомъ, отъ котораго Англія страдала болѣе, чѣмъ какая бы то ни была изъ великихъ державъ Европы, эта сложность увеличивалась еще обширной и сложной дѣятельностью суда, общинъ, городовъ и графствъ. Когда сдѣланъ былъ дальнѣйшій шагъ впередъ на такъ называемомъ пути свободы и создана была первая въ мирѣ обширная демократія, тогда вмѣстѣ съ тѣмъ и законодательная дѣятельность получила небывалое развитіе. Въ Соединенныхъ Штатахъ Америки каждый штатъ создавалъ свое уголовное и гражданское законодательство и вмѣсто одного уголовнаго и гражданскаго кодекса для всего государства ихъ явилось столько, сколько штатовъ; канцлеръ каждаго штата законодательствовалъ отдѣльно и т. д. Что

касается податей и повинностей, то бюджетъ Голландіи сдѣлался относительно населенія самымъ богатымъ бюджетомъ на материкѣ Европы, точно такъ же и доходы Англіи сдѣлались сравнительно громадными, а издержки государственныя неслыханными, такъ что Англія и Голландія прославились обширностью своего государственнаго долга.

Къ чему могла привести свобода при тѣхъ понятіяхъ о своемъ счастьѣ, которое господствовало у людей? Если человѣкъ былъ убѣжденъ, что онъ тѣмъ болѣе будетъ счастливъ, чѣмъ успѣшнѣе будетъ богатѣть на счетъ общества и своихъ согражданъ, то свобода могла привести только къ господству сильныхъ и къ безжалостной эксплуатаціи слабыхъ. Въ наибольшихъ размѣрахъ свобода господствовала въ глухихъ мѣстахъ средней Азіи и Африки; тамъ дѣйствительно всякій бралъ все, что его прельщало, гдѣ онъ можетъ, шолъ, куда угодно, и дѣлалъ, что онъ хочетъ; — не было ни законовъ, ни регламентовъ, да и не могло быть, потому что ихъ никто и слушать бы не сталъ. Въ результатѣ выходила мрачная погибель слабыхъ и безобразное господство сильныхъ. Нелѣпость понятія о свободѣ, какъ и о благѣ была на лицо, и чтобы отъ этого уклониться употребили такой же наивный пріемъ, какой употребляли религіи: — взяли два слова, тождественныя по своему значенію: свобода и произволъ; и примѣняли слово свобода къ каждому, дѣйствію, которое нравилось, а произволъ къ тому, которое не нравилось. Такимъ образомъ каждое дѣйствіе можно было по своему усмотрѣнію произвозглашать проявленіемъ свободы и верхомъ добродѣтели или произволомъ и преступленіемъ. Про Азію говорили, что тамъ господствуетъ произволъ; польскую республику, гдѣ царили сеймики и добровольныя конфедераціи, считали горниломъ произвола и безпорядка, и съ отвращеніемъ отвергали лозунгъ свободы: „Польша жива безпорядкомъ.“ Такъ называемыя свободныя государства провозглашали свободу, а наперекоръ польской идеѣ свободнаго соглашенія прославляли ограниче ie произвола

жизненнымъ нервомъ свободнаго государства; всякая власть должна быть ограничена въ своемъ произволѣ и народъ точно такъ же; онъ долженъ дѣствовать только чрезъ своихъ представителей, а представители эти должны дѣйствовать по своему усмотрѣнію и народъ не имѣетъ права диктовать имъ свою волю; — конституція, гдѣ изложены всѣ эти ограниченія имѣютъ принудительную силу для всѣхъ и потому служитъ великой хартіей свободы. Одно изъ главныхъ преимуществъ свободныхъ государствъ заключалось въ усиленіи власти и ея способности облагать гражданъ большими податями: слабость финансоваго управленія принудила всѣ неограниченныя монархіи западной Европы перейдти къ конституціонному режиму; Турція, которая не въ состояніи была сдѣлать такого перехода, превратилась въ игрушку для великихъ конституціонныхъ державъ, ея доходы не превышали одно время доходовъ Бельгіи; она разщепилась на части и изъ нея накропли конституціонныхъ державъ. Россія во время господства неограниченныхъ монархій на западѣ разширилась на югѣ на счетъ Турціи, поглотила остзейскій край, Финляндію и львиную часть Польши. Передъ французской революціей, низвергнувшей Карла X-го, она была могущественнѣйшей изъ европейскихъ державъ, а съ водвореніемъ конституціоннаго режима въ Европѣ она пала такъ низко, что Франція и Англія достали ее изъ за моря и могли побѣдить подъ Севастополемъ. Воевать черезъ море такъ трудно, что если бы современная, демократизированная Канада съ ея горстью жителей вздумала взбунтоваться противъ Англіи, то она сдѣлалась бы свободною и Англія не въ силахъ была бы ее удержать; Франція была побѣждена Мексикой и Наполеонъ III-тій долженъ былъ перенести позоръ разстрѣлянія Максимильяна, хотя населеніе Мексики въ десять разъ малочисленнѣе населенія Россіи и Максимильянъ имѣлъ партію въ Мексикѣ. Если сравнивать страны, гдѣ господствуетъ и господствовалъ такъ называемый анархическій произволъ, съ современными западными республиками и конституціон-

ными государствами, то невозможно будетъ рѣшить, гдѣ больше свободы, но станетъ совершенно яснымъ, что въ республикахъ и конституціонныхъ государствахъ ограниченій несмѣтное число сравнительно съ анархіями и что причина процвѣтанія такъ называемыхъ свободныхъ обществъ заключается вовсе не въ свободѣ, а въ условіяхъ прогресса, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Общественный договоръ. Условіе организаціи.

Другое ученіе, порожденное стремленіемъ создать политическое мировоззрѣніе и служившее дополненіемъ и поясненіемъ ученія о свободѣ, гласило, что основнымъ принципомъ государства можетъ быть только свободный договоръ свободныхъ гражданъ. Идея эта по своей концепціи гораздо ближе къ естественно-научной гипотезѣ чѣмъ идея свободы. Политическій договоръ игралъ весьма выдающуюся роль въ созиданіи средневѣковыхъ государствъ; не только въ Англіи и Голландіи договоры съ городами и королями были существеннымъ источникомъ политическаго права; liberum veto, попытка основать государство на единодушномъ и свободномъ выборѣ гражданъ играла славную и великую роль въ жизни польскаго народа; Гуго Гроцій и тѣ, которые вслѣдъ за нимъ создали науку международнаго права, доказали, что можетъ существовать право, которое питается политическимъ договоромъ.

Руссо, унаслѣдовавшій это ученіе отъ XVII вѣка, былъ самымъ успѣшнымъ его распространителемъ; но стоитъ прочесть знаменитый его памфлетъ «общественный договоръ», чтобы убѣдиться, что въ немъ нѣтъ и тѣни слѣда научнаго изложенія, правильнаго синтеза. Онъ написанъ такъ, какъ писались пламенныя религіозныя проповѣди и всякому очевидно, что именно въ этомъ заключалась причина его успѣха. Противорѣчія, несообразности въ немъ бьютъ въ глаза точно такъ же, какъ въ евангеліяхъ,— и такъ же, какъ въ

евангеліяхъ онъ овладѣваетъ людьми, дѣйствуя на ихъ инстинкты и страсти. Магометъ доказалъ, что можно создать религію безъ помощи чудесъ; Руссо доказалъ, что можно породить ученіе религіознаго типа, оставляя въ сторонѣ идею бога. Если бы онъ былъ настолько же энергиченъ и смѣлъ, какъ проповѣдники христіанства и какъ Магометъ, если бы онъ былъ настолько фанатикомъ, чтабы выступить соперникомъ Христа и отдать свою жизнь за свою идею то мы могли бы получить доказательство, что новая религія можетъ создаваться и въ наше время: мы всѣ были бы страстно преданы его ученію, не замѣчали бы его нелѣпостей и раздѣлились бы на поклонниковъ Христа и учениковъ Руссо, покрывающихъ западную цивилизацію демократическими государствами. Но Руссо былъ мечтателемъ, а не пророкомъ, за нимъ явились другіе проповѣдники, болѣе близкіе къ типу творцовъ религій, но объ нихъ послѣ.

Польша сдѣлала наиболѣе выдающуюся попытку основать государство на свободномъ соглашеніи и она доказала, что свободная конфедерація не можетъ стать на мѣсто государства. Немыслима комбинація, при которой власть превратилась бы въ судъ, единственное назначеніе котораго приводить въ извѣстность и выполнять волю гражданъ, непринужденно соединившихся въ конфедерацію. Поклонники свободы только мечтали о подобномъ государствѣ, въ дѣйствительности же выходило совсѣмъ другое; — въ такъ называемыхъ свободныхъ государствахъ власть не судила, а управляла точно такъ же, какъ въ деспотическихъ, но въ управленіи своемъ проявляла несравненно болѣе энергіи и дѣятельности. Выяснилось, что государства погрязали бы въ бѣдности и невѣжествѣ, если бы граждане предоставлены были однимъ своимъ силамъ и одному своему произволу. Заработная плата, установленная свободнымъ договоромъ, отнюдь не давала громадному большинству того, что неизбѣжно необходимо было для его благосостоянія. Власть должна была путемъ насильственныхъ сборовъ учреждать школы для безплатнаго обученія дѣтей, потому что люди не въ состояніи были платить за это обученіе; она должна была установлять подать для бѣдныхъ, чтобы обезпечивать суще-

ствованіе дѣтей-сиротъ и тѣхъ, которыя погибли бы отъ нужды безъ помощи власти. Такъ какъ граждане не могли путемъ свободнаго договора, которымъ они добывали свои заработки ни обезпечивать, ни кормить, ни учить, ни лѣчить себя и свои семейства, то власти пришлось вступаться во все;—не судить а управлять. Она тратила мильоны и сотни мильоновъ, собранныхъ насильственно, чтобы защищать государство. О томъ, чтобы граждане добровольно защищали свое государство и подумать было невозможно; — если они кормиться не могли путемъ свободнаго договора, то куда имъ было на свой собственный счетъ и рискъ ходить на войну за государство. Власть общинъ, графствъ, штатовъ и государствъ должна была содержать почту, строить пути сообщенія, ограждать и лѣчить отъ повальныхъ и заразительныхъ болѣзней; мало этого, она должна была здоровье рабочихъ ограждать и въ ихъ квартирахъ и на фабрикахъ, настаивать на выполненіи санитарныхъ условій; защищать семьи отъ пьянства отцовъ, опредѣлять количество рабочихъ часовъ, регулировать и подымать заработную плату посредствомъ высокой заработной платы на публичныхъ работахъ. Этотъ послѣдній пріемъ сдѣлался до того популярнымъ, что въ Австраліи и въ разныхъ штатахъ Америки правительства входили иногда въ неоплатные долги, практикуя его. Чѣмъ внимательнѣе дѣлались правительства къ гражданамъ, тѣмъ большее число задачъ, осуществляемыхъ насильственнымъ путемъ выпадало на ихъ долю.

Въ XVII и XVIII вѣкѣ кричали о свободѣ, о свободномъ взаимномъ договорѣ народа чрезъ посредство своихъ представителей, а между тѣмъ въ Англіи и Голландіи только меньшинство и притомъ только случайное меньшинство гражданъ были избирателями; колоніи эксплуатировались метрополіями, завоеванныя области завоевателями и никто не заботился о томъ, что это дѣлается противъ ихъ воли. Провозглашались свобода рѣчи, собраній, ассоссіяцій, а между тѣмъ даже въ парламентѣ рѣчь ограничивалась судомъ, но только по особой формѣ, самый простой рабочій союзъ для обезпеченія своихъ членовъ на случай болѣзни и смерти былъ фактически запрещенъ, свобода передвиженія и рабо-

ты для обезпеченія своего существованія была въ наиболѣе безобидныхъ своихъ проявленіяхъ еще болѣе стѣснена, чѣмъ свобода рѣчи. Ничего подобнаго свободному хозяйству на польскихъ сеймикахъ и конфедераціяхъ не допускалось и успѣхъ государствъ новаго типа приписывался именно тому, что проявленія подобной свободы обуздывались желѣзной рукой. Однимъ словомъ, свобода для конституціонныхъ государствъ служила такой же завлекательной вывѣской, какъ христіанское братство для христіанства,— это были рекламы и не болѣе, за ними не скрывалось и тѣни истины. Но въ чемъ же заключалась эта истина?— Почему такъ называемыя свободныя государства новаго типа сдѣлали столько великаго и полезнаго? Для того, чтобы это понять намъ нужно уяснить себѣ начала, которыя лежатъ въ основаніи у всякой успѣшно дѣйствующей организаціи.

Въ природѣ существуютъ организаціи, гдѣ начала эти развивались десятки тысячъ лѣтъ и при условіи такого тѣснаго общенія, которое далеко оставляетъ за собою близость отношеній даже въ семьѣ, не говоря уже объ общинѣ, государствѣ и т. д. Эти организаціи называются на научномъ языкѣ живыми животными организмами. Постараемся разглядѣть ихъ внутреннюю экономію. Единство дѣйствія въ государствѣ не представляетъ собою даже и тѣни подобія единства дѣйствія въ организмѣ; государство только мечтаетъ о томъ, чтобы создать себѣ нѣчто подобное такому единству. Дойдти до того, чтобы государство дѣйствовало, какъ одинъ человѣкъ, составляетъ мечту всякаго государственнаго человѣка. Рознь въ государствѣ главный аргументъ, выставляемый противъ такъ называемыхъ свободныхъ республикъ; аргументъ основательный,— рознь и внутренніе безпорядки составляютъ ахилесову пяту самоуправляющихся об-

ществъ. Пелопонезскія войны погубили греческія республики, конфедерація Польшу;— благодаря внутреннимъ смутамъ Мехика лишилась половины своей территоріи. Къ несчастью съ водвореніемъ деспотическаго режима и монархій дѣло не улучшается, а ухудшается. Въ Испаніи, Португаліи и Бразиліи было отнюдь не менѣе смутъ, чѣмъ въ американскихъ республикахъ, отдѣлившихся отъ Испаніи. Исторія Турціи, Азіи и Африки съ ихъ деспотическими государствами есть исторія нескончаемыхъ неурядицъ. У народовъ болѣе спокойныхъ и цивилизованныхъ республиканское управленіе отнюдь не располагало болѣе къ безпорядкамъ, чѣмъ неограниченное монархическое, Соединенные Штаты имѣли возстаніе рабовладѣльцевъ, но Россія имѣла возстанія Польши; неограниченное управленіе въ западно-европейскихъ государствахъ породило рядъ насильственныхъ переворотовъ. Разница между республиками Соединенныхъ Штатовъ и Швейцаріи и европейскими неограниченными монархіями заключалась только въ томъ, что неограниченныя монархіи искуственно вызывали безпорядки путемъ подавленія умственнаго движенія въ странѣ, а если народы оставались спокойными, то окончательно убивали въ нихъ жизнь и благосостояніе. Англія, которая управлялась парламентомъ и общественнымъ мнѣніемъ была спокойна, а Индія, гдѣ тѣ же англичане управляли деспотически видѣла мятежи и кровавыя возстанія. Отъ розни не спасаютъ ни деспотизмъ, ни конституція. Въ чемъ же заключается истинное условіе солидарности — это намъ покажетъ принципъ организма.

Чтобы проложить себѣ путь къ пониманію принципа организма мы должны сначала разсмотрѣть, какъ въ немъ совершается мыслительный процесъ. Организмъ состоитъ изъ клѣточекъ; клѣточки эти связаны, но не слиты въ одно цѣлое,— напротивъ онѣ функціонируютъ совершенно отдѣльно другъ отъ друга; между ними существуетъ такое дробное раздѣленіе труда, о какомъ человѣческое общество не имѣетъ и понятія. Такъ какъ кромѣ клѣточекъ и того матерьяла, которымъ онѣ питаются и изъ котораго образуются въ организмѣ ничего нѣтъ, то ясно, что мыслятъ эти клѣтки. Клѣточка, находящаяся у меня въ мозгу, получаетъ впечатлѣнія

только отъ другихъ, окружающихъ ее клѣточекъ, — какимъ образомъ она можетъ знать, что это впечатлѣніе не есть просто результатъ дѣйствія этихъ клѣточекъ, а есть отраженіе впечатлѣній, полученныхъ отъ органовъ глаза, слуха и т. д. — и указываетъ на существованіе внѣшняго мира и различныхъ въ немъ предметовъ? — вѣдь она съ этимъ внѣшнимъ міромъ никогда не соприкасалась? — Чтобы понять это, вы должны понять, что клѣточки, которыя въ настоящее время живутъ въ вашемъ живомъ организмѣ, живутъ уже десятки тысячъ лѣтъ и никогда не умирали. Клѣточки могутъ умирать и умираютъ въ большомъ числѣ не только при смерти организма но и во время его жизни; но тѣ, которыя живы въ васъ теперь ничто иное, какъ клѣточка организмъ, отъ которой произошелъ человѣкъ, а потомъ и вы. По возрасту своему ваши клѣточки несомнѣнно старше человѣка, и вѣроятно даже старше земли. Эта клѣточка амиба, способная къ амебообразнымъ движеніямъ, когда то выпускала ложныя ножки; тогда она получала впечатлѣнія отъ приближающихся къ ней тѣлъ сначала чрезъ посредство ложной ножки, а за тѣмъ и по непосредственному ощущенію При этомъ она научилась понимать, что впечатлѣніе, полученное ею отъ ложной ножки, есть не только непосредственное впечатлѣніе, произведенное ложной ножкой, но и указаніе на то, что ложная ножка сама получила впечатлѣніе отъ внѣшняго тѣла. Такъ какъ клѣточки, изъ которыхъ въ настоящее время состоитъ вашъ организмъ суть ни что иное, какъ эта клѣточка амиба, раздѣлившаяся на безчисленное множество клѣточекъ и никогда не умиравшая, то и ясно почему нервная клѣточка, находящаяся въ вашемъ мозгу и никогда не соприкасавшаяся съ внѣшними предметами, все таки способна понимать, что впечатлѣніе, полученное ею отъ окружающихъ ее и развившихся изъ ней дѣленіемъ клѣточекъ, есть не только непосредственное впечатлѣніе, произведенное этой клѣточкой, но выражаетъ впечатлѣнія, полученныя изъ внѣшняго міра клѣточками поверхности вашего тѣла.

Человѣкъ когда то былъ амебоидомъ, состоялъ изъ одной клѣточки, онъ выпускалъ ложныя ножки и получалъ

впечатлѣнія сначала черезъ ложную ножку, а потомъ непосредственно. Такъ онъ научился понимать, что впечатлѣніе, полученное имъ отъ ложной ножки, выражаетъ, что ложная ножка получила впачатлѣніе отъ внѣшняго предмета. Амебондъ раздѣлился на нѣсколько клѣточекъ, оставшихся въ соединеніи и составившихъ организмъ, однѣ клѣточки стали внѣшними, другія внутренними; но эти внутреннія когда то въ качествѣ амебонда были съ внѣшними одной клѣточкой, выпускавшей ложныя ножки и эти ложныя ножки превратились въ внѣшнія клѣточки, а потому у внутреннихъ сохранилось пониманіе, что впечатлѣніе, получаемое отъ внѣшнихъ клѣточекъ, есть отраженіе внѣшнихъ впечатлѣній и это пониманіе не могло изчезнуть потому, что постоянно поддерживалось получаемыми впечатлѣніями. Такое происхожденіе мыслительнаго процесса доказываетъ между прочимъ и то, что мыслитъ весь организмъ. Онъ мыслилъ въ цѣломъ своемъ составѣ и тогда, когда состоялъ изъ одной плазмы, переносилъ внѣшнія впечатлѣнія отъ внѣшнихъ на внутреннія клѣточки, и тогда, когда имѣлъ только мускулы, когда онъ получалъ внѣшнюю оторочку изъ нервовъ, которые, подобно ложнымъ ножкамъ, передавали внѣшнія впечатлѣнія нервнымъ узламъ, также лежавшимъ на поверхности и которые поэтому непосредственно могли убѣдиться, что впечатлѣнія, передаваемыя нервными нитями прямо выражаютъ собою впечатлѣнія, получаемыя отъ внѣшнихъ предметовъ; тогда эти нервные узлы опять таки передавали свои впечатлѣнія цѣлому организму и превратились наконецъ въ органы чувствъ (глаза). Съ помощью такого пониманія создается дѣятельность мыслительнаго процесса.

Впечатлѣнія, полученныя органами зрѣнія, слуха, осязанія и пр. сосредоточиваются въ нервныхъ клѣткахъ мозга и оттуда разносятся по всему организму;— такимъ образомъ организмъ получаетъ тотъ импульсъ, то одновременное, такъ сказать потрясающее впечатлѣніе, которое служитъ матеріяломъ для общаго мыслительнаго процесса. Такое единство дѣйствія, мышленія и пониманія могло сохраниться въ организмѣ потому, что хотя клѣточки, изъ которыхъ онъ состоитъ и размножились дѣленіемъ, но онѣ никогда не

отдѣлялись другъ отъ друга вполнѣ, какъ онѣ отдѣляются въ организмахъ, состоящихъ изъ одной клѣточки и размножающихся дѣленіемъ. Отдѣлились окончательно только вѣчно живыя клѣточки отъ умирающихъ или обреченныхъ на смерть. Вѣчно живыя клѣточки зародыша, отъ котораго вы произошли, отдѣлились отъ организмовъ вашихъ родителей, обреченныхъ въ теченіе времени на смерть и разрослись въ вашъ собственный организмъ и такъ было всегда изъ поколѣнія въ поколѣніе. Клѣточки вашего организма, живущія въ неразрывной связи между собою, не могутъ мыслить ваши мысли иначе, какъ въ составѣ цѣлаго вашего организма. Если вы разложите организмъ на составныя части, какъ онъ разлагается въ физіологіи, то вы увидите, что каждая клѣтка имѣетъ свое опредѣленное отправленіе, каждая система клѣточекъ тоже. Въ качествѣ химическихъ тѣлъ, онѣ совершаютъ химическія реакціи точно такъ же, какъ онѣ совершаются тѣлами въ неорганической природѣ; въ качествѣ тѣлъ органическихъ онѣ производятъ въ себѣ физіологическія перемѣны. Эти перемѣны приводятъ къ тѣмъ движеніямъ и процессамъ, которые называются физіологическими, автоматическими и рефлекторными. При томъ клѣточки и системы клѣтокъ обнаруживаютъ низкую степень пониманія, большую односторонность въ мыслительныхъ процессахъ и въ проявленіяхъ, онѣ всѣ поставлены въ такія условія, при которыхъ до нихъ доходятъ въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ только извѣстнаго рода впечатлѣнія, — впечатлѣнія, которыя отличаются большей или меньшей силой, но малымъ разнообразіемъ. Перенесенныя въ чрезвычайную для нихъ обстановку, подвергаемыя впечатлѣніямъ совершенно иного рода, они и на эти впечатлѣнія даютъ такіе же отвѣты, какъ на обычныя; мускулъ сокращается въ отвѣтъ на постороннія впечатлѣнія точно такъ же, какъ онъ сокращается въ отвѣтъ на впечатлѣнія, производимыя нервомъ; рефлекторный центръ отвѣчаетъ рефлекторнымъ движеніемъ и на постороннія раздраженія: — сердце точно такъ же на постороннія раздраженія отвѣчаетъ усиленіемъ и ослабленіемъ своихъ автоматическихъ движеній. Въ нихъ дѣйствуетъ мыслительный процессъ по подражанію самому себѣ, о которомъ

мы уже говорили. Такова общая судьба всего узкаго, односторонняго, рутиннаго и инстинктивнаго; у него всегда и на все тѣ же отвѣты. Въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ они кстати,— въ чрезвычайныхъ составляютъ безсмыслицу. Вотъ почему въ глазахъ физіологовъ эти клѣточки и системы превратились въ безсмысленные центры физіологическихъ, автоматическихъ и рефлекторныхъ движеній. Они забываютъ, что односторонность этой впечатлительности произошла изъ необходимости уловить впечатлѣнія, недоступныя общему чувству и требующія спеціальнаго упражненія. Самостоятельная дѣятельность отдѣльныхъ системъ вызвана необходимостью сокращать размѣры общаго мышленія. Для того, чтобы вспомнить слово или понятіе, созданное общимъ мышленіемъ, также нужна дѣятельность всего организма, отдѣльная система при своей дѣятельности можетъ сравнивать только мысли, созданныя ея спеціальной впечатлительностью, въ которой не участвовали органы всего организма,— отсюда ея узкость и односторонность.

Общее мышленіе организма отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ этими односторонними мыслительными процесами. Ни въ какой части не можете вы его сосредоточить и ни какую часть вы не можете исключить изъ акта общаго мышленія. Вы не можете сказать, что мыслитъ вашъ мозгъ; — почему мозгъ а не всѣ нервы, — почему одни нервы, а не мускулы также; есть множество животныхъ организмовъ, не имѣющихъ нервовъ, а все таки совершающихъ процессы общаго органическаго мышленія, — есть такіе, которые совершаютъ ихъ не имѣя мускуловъ. Когда человѣкъ находится въ состояніи напряженнаго мышленія, тогда это выражается во всемъ его тѣлѣ; усталость отъ мышленія также чувствуется во всѣхъ частяхъ тѣла безъ исключенія. Хотя весь организмъ и раздѣленъ на рядъ системъ, которыя, независимо отъ дѣятельности отдѣльной клѣточки и всего организма въ качествѣ цѣлаго, имѣютъ свою спеціальную впечатлительность и свое спеціальное назначеніе и у которыхъ отвѣты на разныя полученныя впечатлѣнія однородными дѣйствіями и движеніями сдѣлался неодолимой рутиной и инстинктомъ, но рутинными путями этихъ системъ никогда

бы общаго мышленія не могло состояться. Оно возникло изъ общихъ органическихъ ощущеній бодрости, вялости, энергіи, слабости; они выражаютъ собою не спеціальное впечатлѣніе, передающееся путемъ извѣстной системы, а общее состояніе всѣхъ клѣтокъ организма, передающееся отъ одной клѣтки къ другой и суммирующееся во всѣхъ клѣткахъ организма, такъ какъ онѣ всѣ произошли другъ отъ друга и составляютъ одно цѣлое. Приписать спеціально такія ощущенія какимъ либо отдѣльнымъ клѣткамъ и указать точно путь ихъ распространенія нельзя, — они вызываются общими потребностями всѣхъ клѣтокъ организма:— возьмите напр. ощущеніе жажды. Когда въ организмѣ находится соль, то всѣ клѣтки организма выдѣляютъ изъ себя воду, чтобы растворить эту соль и вывести ее путемъ кровообращенія наружу; но такъ какъ недостатокъ воды вредитъ состоянію клѣтки, то и порождается общее ощущеніе жажды, изъ котораго выходитъ общее мышленіе, стремящееся устранить этотъ вредъ принятіемъ воды извнѣ. Общія ощущенія необходимѣйшихъ потребностей всѣхъ клѣтокъ въ родѣ жажды, голода, холода, жара принадлежатъ къ первоначальнымъ источникамъ общаго мышленія и ощущаются всѣми клѣтками, цѣлымъ организмомъ такъ же, какъ они ощущались всей той клѣткой родоначальницей, отъ которой онъ когда то произошелъ. Такимъ образомъ создается связь между спеціальными впечатлѣніями клѣтокъ и системъ и общимъ ощущеніемъ и мышленіемъ организма. Ощущеніе страха напр. можетъ истекать изъ спеціальныхъ системъ и ихъ впечатлѣній и превратиться въ общее ощущеніе и наоборотъ; оно можетъ возникать изъ общаго состоянія клѣтокъ организма и вызывать къ дѣятельности спеціальныя системы. На яву ощущеніе страха порождается спеціальными системами, находящимися подъ впечатлѣніемъ страшнаго предмета, а во снѣ состояніе организма, соотвѣтствующее его состоянію во время страха, вызываетъ страшныя видѣнія.

Всякое впечатлѣніе, произведенное на спеціальную систему, достигая извѣстной силы, можетъ превратиться въ общее ощущеніе организма, — и въ этомъ выражается органическая солидарность всего тѣла. Боль есть спеціальное

впечатлѣніе, превратившееся въ общее ощущеніе. Совокупленіе впечатлѣній, идущихъ отъ различныхъ спецьяльныхъ системъ, дѣлается самымъ обильнымъ источникомъ общихъ мыслительныхъ процессовъ, но для этого они должны сначала превратиться въ общее ощущеніе организма, что доказывается тѣмъ, что общій мыслительный процессъ въ каждую данную секунду можетъ заниматься только однимъ предметомъ, а спецьяльныя системы и отдѣльныя клѣточки, не исключая системъ и клѣтокъ головного мозга, продолжаютъ въ это же время производить свою спецьяльную автоматическую и другую дѣятельность. Пути и предѣлы распространенія общихъ ощущеній неуловимы; но несомнѣнно, что общее ощущеніе не можетъ сосредоточиться ни въ одной части организма, иначе часть эта сознавала бы себя отдѣльнымъ существомъ и противупоставляла бы себя прочимъ частямъ организма; между тѣмъ мы видимъ наоборотъ, что человѣку невозможно представить себя чѣмъ нибудь инымъ, кромѣ цѣльнаго и нераздѣльнаго организма. Связь между общими ощущеніями, общимъ мышленіемъ и спеціальными системами дѣлаетъ общее ощущеніе и мышленіе извѣстнаго рода регуляторомъ жизни и движеній въ организмѣ, — регуляторомъ, который то превращается въ задерживающее, то въ ускоряющее начало, но который при этомъ на столько же зависитъ отъ состоянія и дѣятельности клѣтокъ и системъ, насколько эти клѣтки и системы зависятъ отъ него.

Мышленіе ваше приводитъ васъ къ заключенію, что надо сдѣлать то посредствомъ такихъ или другихъ движеній и вы движенія эти совершаете. Тогда вамъ представляется слѣдующее; съ одной стороны имѣется механическая и химическая перемѣна въ мускулахъ и нервахъ,— такое же химическое соединеніе и разложеніе съ выдѣленіемъ напр. углекислоты и воды, какъ и всякое другое и слѣдуетъ оно такимъ же химическимъ законамъ. Если бы вы не могли знать, что дѣлается внутри человѣка; — что онъ сначала совершилъ мыслительный процессъ и что дѣйствіе завершило этотъ процессъ, то кромѣ химіи вы бы тутъ ничего и не увидали. Но вотъ вы узнаете, что причиною этого химическаго движенія была мысль, и если бы мысли не было, то

не было бы и химической перемѣны. Если бы вы не побѣжали, чтобы поспѣть на пароходъ, если бы у васъ не явилось мысли, заставившей васъ бѣжать, то не было бы усиленнаго выдѣленія углекислоты отъ учащеннаго дыханія и воды съ ея примѣсями чрезъ испареніе. Однимъ словомъ мыслительный процессъ является у васъ источникомъ перемѣны. Вы разсуждаете такъ: я не знаю причины химическихъ перемѣнъ. Вѣдь нельзя же сказать въ самомъ дѣлѣ, что законъ природы есть такая причина. Законъ природы слово, не имѣющее смысла, выраженіе, придуманное для того, чтобы скрыть отсутствіе знанія причины. Теперь я имѣлъ случай узнать причину подобнаго рода перемѣнъ, — причину эту составляетъ мыслительный процессъ. Разсмотримъ его подробнѣе; не уяснитъ ли онъ намъ темнаго дѣла, которое мы до сихъ поръ разсматривали всегда только съ одной стороны.

Прежде всего насъ поражаетъ безпредѣльная сложность мыслительнаго процесса. Самая простая мысль, переходящая въ дѣйствіе, напр. «Мнѣ нравится это вино, выпьемъ стаканъ.» —заключаетъ въ себѣ неуловимо длинный рядъ впечатлѣній, переходящихъ путемъ мыслительнаго процесса въ дѣйствіе съ тѣмъ, чтобы дѣйствіе это въ свою очередь сдѣлалось впечатлѣніемъ, имѣющимъ такой же результатъ. Прежде всего видъ вина, воспринятый вашимъ глазомъ, передаетъ это впечатлѣніе вашимъ центрамъ, центры распространятъ его по всему организму и создадутъ въ немъ образъ, который приведетъ васъ къ сравненіямъ и заключеніямъ относительно достоинства вина. Это заключеніе передается желѣзамъ и клѣткамъ вашихъ питательныхъ органовъ, которыя уже совершенно независимо отъ цѣлаго организма, или, какъ бы вы сказали, отъ вашей воли, будутъ сравнивать полученныя впечатлѣнія съ своимъ собственнымъ состояніемъ и тотчасъ же начнутъ дѣлать приготовленія къ воспріятію и перевариванію вина т. е. отдѣлять слюну и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ они о своемъ заключеніи дадутъ знать всему организму посредствомъ особыхъ впечатлѣній. Если это впечатлѣніе будетъ неблагопріятно, то оно породитъ чувство отвращенія и приведетъ организмъ къ заключенію отказаться отъ вина;

если благопріятно, то высказать вышеприведенныя слова. Но высказать ихъ опять актъ очень сложный; — для произнесанія каждой буквы организмъ долженъ произвести особое впечатлѣніе на органы, ее произносящіе; органъ, подобно вышеприведенной желудочной желѣзѣ, долженъ составить свой собственный мыслительный процессъ по сему поводу, произнести и дать знать о своемъ дѣйствіи организму впечатлѣніемъ. Если этого послѣдняго акта не будетъ, то фразы могутъ оставаться непроизнесенными; человѣкъ сохранитъ ложное убѣжденіе, что онъ ее произнесъ, — какъ бываетъ нерѣдко съ очень усталыми и слабыми людьми. Вотъ какъ сложенъ процессъ произнесенія шести самыхъ простыхъ словъ, а между тѣмъ они произносятся въ одинъ моментъ. Въ часъ человѣкъ прочтетъ полторы тысячи фразъ подобной длины, читая книгу труднаго научнаго содержанія. Какой громадной сложности мыслительный процессъ онъ переживетъ въ это время. Понятно, какъ велико должно быть сокращеніе и сжатіе этого процесса для того, чтобы онъ могъ укладываться въ такіе короткіе періоды времени. Вотъ почему установилось раздѣленіе труда не только между отдѣльными клѣтками организма, но между этими клѣтками и цѣлыми органами; между органами и цѣлымъ организмомъ.

До сихъ поръ мы можемъ наблюдать организмы, состоящіе изъ одной клѣточки; на низшей ступени своего развитія это комочекъ, представляющійся совершенно однороднымъ, онъ не имѣетъ ни отдѣльной оболочки, ни вакуолей (желудочковъ), этихъ первыхъ проявленій строенія, ни ядра, ни зернистаго содержанія; а между тѣмъ это несомнѣнно живой организмъ, онъ реагируетъ на впечатлѣнія мыслительными процессами и результатомъ этихъ мыслительныхъ процессовъ являются цѣлесообразныя дѣйствія, какъ у человѣка. Онъ выпускаетъ ложныя ножки и передвигается, чтобы уклониться отъ грозящихъ ему разрушеніемъ предметовъ, онъ совершаетъ разныя движенія, чтобы приблизиться къ пищѣ, схватить ее, поставить себя по отношенію къ ней въ положеніе, удобное для ея перевариванія; это такой же актъ мысли и воли, какой вы совершаете, когда обѣдаете. Движенія свои онъ производитъ, создавая въ себѣ химическую

и механическую перемѣну; если для него невозможно будетъ совершить въ себѣ химическую перемѣну, то не будетъ и механической, не будетъ движенія. Организмъ, къ которому прекращенъ доступъ кислорода, замираетъ и переноситъ безъ сопротивленія гибельныя послѣдствія, отъ которыхъ бы онъ въ противномъ случаѣ уклонился. Мы видѣли, что ощущая въ себѣ извѣстную перемѣну состоянія, голодъ, амебондъ совершаетъ мыслительные процессы, результатомъ которыхъ являются перемѣны, движенія. Такое же ощущеніе перемѣны въ состояніи организма приводитъ его къ дѣйствіямъ совершенно иного рода. Когда комочекъ протоплазмы питается, онъ увеличивается въ объемѣ, это увеличеніе объема совершается быстрѣе увеличенія его поверхности, оно относится къ увеличенію поверхности, какъ кубъ числа относится къ его квадрату. Между тѣмъ кислородъ, нужный организму, поглощается ея поверхностью, а потому съ увеличеніемъ объема и относительное количество поглощаемаго кислорода дѣлается все меньшимъ. Ощущеніе, производимое недостаткомъ кислорода, приводитъ къ мыслительному процессу и къ дѣйствію совсѣмъ иного рода; организмъ дѣлится, вмѣсто одного большого создаетъ изъ себя два малыхъ и такимъ образомъ дѣлаетъ отношеніе поверхности къ своему кубическому содержанію столь же благопріятнымъ, какъ прежде. Вотъ путь, которымъ размноженіе, наравнѣ съ питаніемъ вытекаетъ изъ мыслительнаго процесса.

Простѣйшій организмъ ухитряется достигать своихъ цѣлей и другими пріемами. Онъ выробатываетъ изъ себя оболочку, которая хотя уменьшаетъ его способность къ дѣятельности, но за то же уменьшаетъ быстроту обмѣна съ внѣшнимъ міромъ и облегчаетъ внутреннія перемѣны. Напитавшись и достигнувъ большого размѣра, онъ дѣлится подъ прикрытіемъ оболочки на множество малыхъ организмовъ и сбрасывая оболочку выходитъ наружу. Оболочка, циста является первымъ органомъ, который составляетъ съ организмомъ одно цѣлое, но имѣетъ свое отдѣльное назначеніе; циста питается на счетъ организма, но своеобразнымъ образомъ. Если вы будете сравнивать, какъ питается организмъ на счетъ какой нибудь водоросли съ тѣмъ, какъ циста питается

на счетъ организма, то однородность этихъ явленій вынудитъ васъ сказать: что организмъ по сравненію съ водорослію совершаетъ своеобразные мыслительные процессы для того, чтобы питаться, а потому и выработываетъ изъ себя нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ водоросль; — и что циста, по сравненію съ организмомъ, также совершаетъ своеобразные мыслительные процессы при питаніи и также выработываетъ изъ себя нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ организмъ. Циста по отношенію къ организму является паразитомъ *) такъ же, какъ организмъ является паразитомъ водоросли. Но эти два рода паразитизма имѣютъ существенно различный характеръ. Организмъ по отношенію къ водоросли является исключительно врагомъ и эксплуататоромъ, процвѣтающимъ на ея счетъ, — общаго мышленія у такихъ двухъ организмовъ не можетъ быть никакого. Циста же наоборотъ своимъ паразитизмомъ не только не вредитъ организму, но способствуетъ его процвѣтанію. Циста и выробатывающій ее изъ себя организмъ составляютъ одно цѣлое, въ которомъ первоначальный организмъ будетъ вѣчной, плодящейся частью, а циста органомъ, имѣющимъ извѣстный циклъ существованія и умирающимъ навсегда. По мѣрѣ своего развитія циста уплотняется, все болѣе мѣшаетъ живому органическому обмѣну между собою и организмомъ и наконецъ дѣлается уже вполнѣ неорганическимъ тѣломъ т. е. умираетъ.

Въ то время, когда органы продолжаютъ быть смертной частью организма, они вмѣстѣ съ тѣмъ являются частями, воспринимающими и распространяющими по всему организму впечатлѣнія, главнымъ проводникомъ и исполнителемъ мыс-

*) Для обозначенія безвреднаго сосуществованія двухъ клѣточекъ или двухъ организмовъ въ одномъ при общемъ питаніи имѣется терминъ симбіозъ, но онъ не выражаетъ того, что выражаетъ паразитизмъ. Типическая черта паразита заключается въ томъ, что онъ въ такой степени вполнѣ питается на счетъ другого организма, что самостоятельнаго питанія у него и быть не можетъ, а потому вся та сфера развитія, которая вытекаетъ изъ потребности самостоятельнаго питанія для него прекращается и организмъ деградируетъ. Я полагаю, что для читателя мысль, злѣсь проводимая, будетъ гораздо яснѣе, если не употреблять никакого другого термина, кромѣ словъ: паразитъ, паразитизмъ. Излишняя педантическая терминологія вмѣсто уясненія дѣла только запутаетъ его.

лительныхъ процессовъ, а вѣчныя клѣточки остаются сравнительно пассивными и бездѣятельными. Поэтому и масса химическихъ перемѣнъ въ органахъ на столько же больше, на сколько больше ихъ мыслительная дѣятельность. Органы развились чрезъ это въ такіе значительные и сложные организмы, какъ человѣкъ, слонъ, китъ, а вѣчная часть ихъ стала имѣть сравнительно ничтожный размѣръ. У самыхъ органовъ обычный циклъ роста сдѣлался весьма различнымъ смотря потому, какъ велика обычная дѣятельность органа и какой родъ химическихъ перемѣнъ она требуетъ. Голова растетъ медленнѣе прочаго тѣла, глазъ медленнѣе головы, иногда у насѣкомыхъ усы, служащіе для осязанія, растутъ такъ быстро сравнительно съ мускулатурой, что затрудняютъ движенія животнаго. Это отношеніе развитія органовъ измѣняется во время жизни смотря потому, на сколько они упражняются внѣшними и внутренними впечатлѣніями. — И вотъ; передъ вами является общій результатъ всего этого процесса развитія. Организмъ въ цѣломъ своемъ составѣ совершаетъ мыслительные процессы. Процессы эти строго ограничены кругомъ его впечатлительности, онъ можетъ знать только то, что даютъ ему впечатлѣнія, а кругъ его впечатлѣній ограничивается необходимостью сокращать ихъ разнообразіе ради сокращенія времени. Если бы путемъ особыхъ впечатлѣній каждая клѣтка давала организму подробный отчетъ о своемъ дѣйствіи и состояніи, то организмъ не могъ бы справиться съ такою массою впечатлѣній, а потому клѣтки вашего организма совершаютъ свои отдѣльные мыслительные процессы и дѣйствія, не давая объ этомъ точнаго и подробнаго отчета впечатлѣніями. Не получая впечатлѣній вы ничего и не знаете о томъ, какъ онѣ приводятъ въ исполненіе ваши мысли, какія нужны для этого механическія и химическія перемѣны, вы ничего не знаете ни объ ихъ видѣ, ни объ сущности. Вы узнаете о томъ, изъ чего состоитъ и какъ дѣйствуетъ ваше тѣло только изъ анатоміи, физіологіи, химіи и т. д.; вы заключаете о неизвѣстномъ составѣ вашего организма и о дѣятельности вашихъ клѣточекъ чрезъ сравненіе съ другими, постороннимъ организмами, которые могутъ быть предметомъ внѣшняго вашего наблюденія.

Независимо отъ того, что мыслительные процессы вашего организма строго обусловливаются получаемыми впечатлѣніями, они составляютъ рядъ неразрывнаго сплетенія между впечатлѣніями, мыслями и дѣйствіями, а потому они требуютъ здороваго и вполнѣ способнаго къ нормальной дѣятельности состоянія всѣхъ участвующихъ въ мыслительномъ процессѣ клѣточекъ. Мы видѣли уже, какой обмѣнъ впечатлѣній и дѣйствій нуженъ, чтобы произнести одно слово; вотъ почему во время усталости вы забываете имя, которое вы легко произносите въ бодромъ состояніи, во время сна мыслительные процессы дѣлаются крайне безпорядочными а въ глубокомъ снѣ все забыто. При бездѣятельности самая способность совершать извѣстные мыслительные процессы утрачивается, — что опять таки вытекаетъ изъ требованій экономіи. Точно такъ же, какъ въ цѣломъ организмѣ, мыслительные процесы дѣйствуютъ и въ каждой отдѣльной клѣточкѣ; — новый, не обычный мыслительный процессъ совершается сначала весьма медленно и съ трудомъ, а потомъ все быстрѣе и увѣреннѣе. Музыкантъ можетъ сначала весьма медленно производить звукъ за звукомъ, а потомъ, самъ не будучи въ состояніи дать себѣ отчетъ почему, онъ получаетъ способность играть съ возрастающей развязностью. Объ этомъ почему человѣкъ можетъ составить себѣ понятіе наблюдая за собственнымъ своимъ мышленіемъ. Созидая новую мысль, онъ идетъ къ ней длиннымъ путемъ подготовляющихъ ее мыслительныхъ проецессовъ, но разъ она выработана и готова, онъ ее повторяетъ уже легко, оставляя въ сторонѣ все то, что нужно было для подготовки. Тоже и съ клѣтками. Онѣ сначала приспособляются къ дѣлу, производя одна на другую ряды впечатлѣній, не приводящихъ къ цѣли, пока наконецъ отыщется истинный рядъ; но за тѣмъ онѣ пріобрѣтаютъ способность осуществлять его быстро и увѣренно. Если вы хотите произвести извѣстное гимнастическое движеніе, то вы дѣлаете иногда нѣсколько дней безплодныя попытки, а потомъ вдругъ неизвѣстно почему оказывается, что вы можете его совершить. Обучаясь гимнастикѣ, вы привыкнете повторять попытку совершать невозможныя для васъ движенія въ ожиданіи того дня, когда оно окажется для васъ возможнымъ;— при этомъ

иногда неожиданно обнаруживается, что какой нибудь мускулъ вашего тѣла, который былъ невидимъ подъ кожей, развился, увеличился и ясно обличается при вашихъ движеніяхъ. Такимъ образомъ выходитъ, что клѣтки организма, паразитируя въ немъ и утрачивая, какъ всякій паразитъ, способность къ самостоятельной жизни, непрестанно побуждаются къ такой дѣятельности, къ которой ихъ направляетъ весь организмъ. Ихъ питаніе, ихъ развитіе вполнѣ обусловливаются этой дѣятельностью; развитіе этой дѣятельности для нихъ на столько же полезно и необходимо, какъ и для всего организма. Но рядомъ съ этимъ вырабатываются и тѣ условія, которыя дѣлаютъ весь организмъ истиннымъ представителемъ интересовъ всѣхъ отдѣльныхъ его клѣтокъ.

Прежде всего по самому способу мышленія всего организма, ни одна клѣточка не можетъ завладѣть имъ и эксплуатировать его въ свою пользу, поэтому ни одна клѣтка, ни одинъ органъ не могутъ отнестись къ прочему организму такъ, какъ паразитирующій на водоросли организмъ относится къ этой водоросли. Чтобы создавать тѣ мысли, которыя мыслитъ организмъ, нужна дѣятельность всего организма; ни одна клѣтка организма не способна воспроизвести въ себѣ какую бы то ни было мысль цѣлаго организма; она можетъ воспроизводить только свои собственныя мысли. Чтобы вспомнить слово, нужна совокупная дѣятельность всѣхъ тѣхъ частей организма, которыя произносятъ слова мысленно или громко. Мысленное произношеніе есть ни что иное, какъ недоконченное громкое, —поэтому вы иногда даже шепчете слова, когда вы мыслите. Чтобы вы могли представить себѣ человѣка, въ этомъ представленіи должны участвовать всѣ клѣточки и всѣ органы, которые такъ или иначе участвовали въ созданіи этого понятія. Для отдѣльной клѣтки такъ же не возможно припомнить или совершить мыслительный процессъ цѣлаго организма, какъ для цѣлаго организма невозможно знать и совершать мыслительные процессы отдѣльныхъ клѣточекъ. Клѣточка знаетъ мысль только въ тотъ моментъ, когда она производится всѣмъ организмомъ и только тогда можетъ сообразовать съ ней свою дѣятельность; воспроизвести же ее самостоятельно она не въ состояніи, такъ

какъ не можетъ производить въ себѣ тотъ родъ впечатлѣній, какой получаетъ извнѣ отъ всего организма. Вотъ почему всякое химическое тѣло можетъ совершать только тѣ мыслительные процессы, которые допускаются его положеніемъ въ организмѣ или внѣ организма. Есть такіе мыслительные процессы, которые могутъ совершаться организмомъ въ болѣе совершенномъ видѣ и частями организма въ менѣе совершенномъ видѣ, напр.: если уколоть ногу булавкой, то и весь организмъ и часть его могутъ отдернуть эту ногу; весь организмъ, конечно, произведетъ дѣйствіе въ болѣе совершенномъ видѣ, потому что увидитъ и булавку и колющаго человѣка. Зато же часть можетъ совершить такое движеніе и послѣ смерти организма, если только она пока еще осталась живою, какъ, напр., у лягушки.

Если съ одной стороны клѣточки, изъ которыхъ состоитъ организмъ, находятся въ такой тѣсной связи и въ такой значительной зависимости отъ мыслительныхъ процессовъ цѣлаго организма, то съ другой стороны и весь организмъ находится въ самой существенной зависимости отъ своихъ клѣтокъ. Прежде всего дѣйствуетъ не онъ, а дѣйствуютъ его клѣточки и при томъ такъ, что онъ не можетъ осуществить ни одного своего движенія, если клѣточки не будутъ поставлены въ благопріятныя условія для его осуществленія: —онъ тогда только и можетъ дѣйствовать, когда онъ подготовилъ эти благопріятныя условія, напиталъ клѣточки и т. д.; иначе онъ встрѣтитъ отказъ и противъ этого отказа онъ безсиленъ. Мало этого, онъ самъ себя можетъ чувствовать хорошо только тогда, когда всѣ его клѣточки благополучествуютъ; онъ чувствуетъ себя хорошо или дурно на столько, на сколько его клѣтки чувствуютъ себя хорошо или дурно. Кость, зубъ кажутся почти неорганическимъ тѣломъ; можно спорить о томъ, живетъ ли зубъ или это неорганическая часть живого организма; подобный споръ можетъ казаться на столько же неразрѣшимымъ, какъ споръ о томъ, составляютъ ли слои дерева, образовавшіеся въ предшествовавшіе годы, живую или мертвую часть дерева; составляютъ ли слои извести, на которыхъ развиваются мелкія, выдѣляющія эту известь животныя, живую или мертвую часть

этихъ животныхъ; гдѣ тутъ кончается органическое и начинается неорганическое существованіе. Однакоже если клѣтки зуба или кости страдаютъ, то весь организмъ ощущаетъ такое мученіе, такую пытку, что онъ готовъ сдѣлать все, что въ его силахъ, чтобъ отъ ней избавиться.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Мыслительный процессъ, какъ причина явленій. Происхожденіе видовъ.

Въ умѣ человѣка существуетъ неискоренимое стремленіе отыскивать причину тѣхъ явленій, которыя онъ наблюдаетъ. Стремленіе это вытекаетъ изъ исконнаго наблюденія надъ самимъ собою; человѣкъ можетъ только тогда дѣйствовать сознательно и основательно, когда онъ ясно понимаетъ причину и цѣль своего дѣйствія. Исканіе причины мучительно безпокоило людей съ тѣхъ поръ, какъ послѣ возрожденія наукъ сталъ водворяться методъ правильнаго синтеза. Это стремленіе породило всѣ обобщенія, гипотезы и теоріи, но фіаско было полное и безпредѣльное: вмѣсто причинности получалась только неизмѣнно повторяющаяся послѣдовательность явленій. Принимать непонятную и ничѣмъ необъясняющуюся послѣдовательность за причину можно было только съ помощью самаго грубаго самообмана. Послѣ того, какъ послѣдовательность явленія доказана была самымъ несомнѣннымъ образомъ, по прежнему возникалъ вопросъ: а почему существуетъ эта послѣдовательность? —и убѣждалъ,что въ познаніи причины ученые не подвинулись даже на ширину волоса. Философія взялась было за это дѣло метафизическимъ путемъ, она хотѣла понять причину явленій, объясняя все существующее логически правильной дедукціей изъ нѣсколькихъ основныхъ положеній, угаданныхъ будто бы чутьемъ. Еслибы выводы философовъ совпали съ описаніемъ явленій,

произведеннымъ путемъ правильнаго синтеза, то они могли бы выдать свою дедукцію за логику природы; но, увы, эти выводы неизмѣнно отвергались данными, полученными путемъ правильнаго синтеза, а не подтверждались ими. Это привело между прочимъ Огюста Конта къ убѣжденію, что не слѣдуетъ доискиваться причины. Убѣжденіе безплодное, —человѣческій умъ не можетъ считать свое знаніе удовлетворительнымъ, пока онъ не понялъ причину явленій.

Къ несчастію ученые поставили науку такимъ образомъ, что они сами для себя окончательно закрыли путь къ отысканію причины. Причиною всѣхъ перемѣнъ въ природѣ служили мыслительные процессы матеріи, тѣ заключенія, которыя ею дѣлались изъ полученныхъ впечатлѣній. Перемѣны въ состояніи и движеніи были прямымъ порожденіемъ этихъ заключеній. Способность къ мыслительнымъ процессамъ и сила матеріи одно и тоже понятіе, обозначенное различными словами; при этомъ слово сила сбивчиво потому, что взято изъ общежитія, гдѣ имъ, какъ обыкновенно бываетъ въ общежитіи, обозначались самыя разнородныя явленія. Радикальное измѣненіе, которое дастъ будущей наукѣ иной видъ, будетъ заключаться именно въ отысканіи причины явленій посредствомъ выясненія мыслительныхъ процессовъ матеріи.*) Въ нѣкоторомъ числѣ случаевъ выясненіе причины можно произвести сравнительно легко. Всякое дѣйствіе организма, вытекающее изъ такихъ же впечатлѣній, какія получаются человѣкомъ, объясняется сравнительно легче. Точно такъ же, какъ человѣкъ можетъ распутать логическую причину своихъ дѣйствій, онъ можетъ распутать ее и для всѣхъ животныхъ, разсуждающихъ на основаніи однородныхъ впечат-

*) Мы можемъ непосредственно наблюдать только проявленія самостоятельно другъ отъ друга существующихъ единицъ матеріи; — эти проявленія вполнѣ самостоятельны и общаго между собою ничего не имѣютъ. Вотъ почему состояніемъ одной единицы матеріи вовсе не объясняется проявленіе другой единицы; но ея мыслительнымъ процессомъ ея дѣйствіе объясняется. Именно поэтому причина перемѣны въ единицѣ матеріи остается для насъ непонятной до тѣхъ поръ, пока мы не знаемъ мыслительнаго процесса, изъ котораго она произошла.

лѣній. Но даже такое распутываніе логической причины дѣйствія встрѣчало существенное препятствіе въ грубыхъ ошибкахъ логики, психологіи и философіи, которыя допускали такія безсмыслицы, какъ безсознательное мышленіе, прирожденныя идеи, всевѣдующіе инстинкты и тому подобную чушь. Пока человѣкъ не понимаетъ, что всякое понятіе есть выводъ правильный или неправильный изъ полученныхъ впечатлѣній и что для мыслительнаго процесса помимо впечатлѣній нѣтъ никакого другого источника заключеній, до тѣхъ поръ онъ окончательно неспособенъ отыскивать причину явленій. Но и при такомъ пониманіи трудностей не мало даже по отношенію къ человѣку и близкимъ къ нему по впечатлительности животнымъ.

Эти трудности возрастаютъ съ переходомъ къ животнымъ, впечатлительность которыхъ существенно разнится отъ впечатлительности человѣка; тутъ надо сначала ясно изобразить себѣ кругъ этой впечатлительности. Еще болѣе затрудненій при разграниченіи мыслительныхъ процессовъ всего организма отъ тѣхъ же процессовъ отдѣльныхъ клѣточекъ, его составляющихъ и при выясненіи мыслительныхъ процессовъ клѣточекъ. Впечатлительность клѣточки, вслѣдствіе ея строенія, существенно разнится отъ впечатлительности всего организма. Чрезъ непосредственныя впечатлѣнія весь организмъ получаетъ только весьма неудовлетворительное понятіе о химическомъ составѣ окружающей его среды; обоняніе и вкусъ даютъ ему объ этомъ свѣдѣнія, но весьма неполныя; между тѣмъ впечатлительность клѣточки въ этой области гораздо шире. Клѣточки могутъ отличать кислородъ, углекислоту и другія химическія тѣла въ воздухѣ и пр. Онѣ по мѣрѣ надобности для организма, то пропускаютъ ихъ, то задерживаютъ и послѣ смерти клѣточки химическія реакціи тѣла тотчасъ получаютъ другой видъ. Еще болѣе отличается впечатлительность неорганической матеріи; впечатлительность къ химическому составу окружающей среды тутъ разростается до того, что неорганическая матерія отличаетъ всякое измѣненіе въ химическомъ составѣ и дѣйствуетъ сообразно съ этимъ своимъ пониманіемъ. Мышленіе органической клѣточки относится къ мышленію химическихъ тѣлъ этой

клѣточки такъ же, какъ мышленіе клѣточки относится къ общему мышленію организма. Тутъ происходитъ такое же раздѣленіе труда, вслѣдствіе котораго химическое тѣло, входящее въ составъ клѣточки, можетъ помыслить извѣстныя мысли только путемъ общаго мышленія всей клѣточки.

Разумѣется, правильный и наиболѣе осторожный путь къ приведенію въ извѣстность причины перемѣнъ заключается въ поступательномъ движеніи изслѣдованія отъ тѣхъ явленій, гдѣ приведеніе въ извѣстность причины т. е. того мыслительнаго процесса, который послужилъ этой причиной, всего легче. Придется начинать съ человѣка, сферу впечатлительности котораго намъ опредѣлить всего удобнѣе; затѣмъ переходить къ животнымъ, гдѣ можно выяснить на сколько эта сфера сокращается и видоизмѣняется. Эти видоизмѣненія дадутъ намъ ключъ къ опредѣленію сферы впечатлительности животныхъ съ болѣе низкими и, наконецъ, низшими органами впечатленій, пока не приведутъ насъ къ простѣйшимъ животнымъ, образъ дѣйствія которыхъ дастъ намъ указаніе для выясненія дѣятельности клѣтокъ животныхъ, независимой отъ дѣятельности всего организма. Такая преимущественно физіологическая и химическая дѣятельность въ свою очередь дастъ намъ указанія къ разъясненію причинъ въ явленіяхъ растительнаго царства и неорганической природы. Но есть единообразно повторяющіяся явленія, которыя даютъ намъ возможность освѣтить извѣстную сторону явленій и помимо вышесказаннаго пути. Этимъ пріемомъ слѣдуетъ также пользоваться, потому что онъ составляетъ весьма полезное дополненіе для поступательнаго движенія при выясненіи причины явленій.

Въ неорганической матеріи мы можемъ уловить только одну всеобщую причину перемѣнъ и развитія — это мыслительный процессъ по подражанію самому себѣ, приводящій къ стройности. Стремленіе отвѣчать на тоже впечатленіе разъ удавшейся перемѣной, вытекающее изъ почти безпредѣльной ограниченности мыслительной способности, породило такія точныя отношенія между впечатленіемъ и отвѣтомъ, что, напр., единообразно повторяющіяся явленія свѣта могли распространиться на все міровое пространство; можно убѣдиться

безчисленными примѣрами, что неорганическая матерія неизмѣнно даетъ тотъ же отвѣтъ на то же впечатлѣніе и что она такъ вѣрно измѣряетъ усиливающееся или ослабѣвающее впечатлѣніе, что усиливаетъ и ослабляетъ отвѣтъ въ самомъ строгомъ соотвѣтствіи съ впечатлѣніемъ. Но если мы спросимъ себя почему дается именно такой, а не другой отвѣтъ, мы безсильны разгадать эту загадку. Въ органическомъ мірѣ мы можемъ уловить условіе прогресса; мы можемъ наблюдать, какимъ образомъ мышленіе организма приводитъ къ прогрессу; мы можемъ услѣдить зависимость этого прогресса отъ формы организма, поэтому мы можемъ раздѣлить организмы на высшіе и низшіе, можемъ наблюдать, какъ они совершенствуются путемъ впечатлѣній и мыслительныхъ процессовъ, вытекающихъ изъ этихъ впечатлѣній. Но въ неорганической природѣ мы не имѣемъ этой нити; путь всемірнаго прогресса намъ неизвѣстенъ. Конечно мы можемъ надѣяться освѣтить этотъ предметъ, если удастся уловить эволюцію организма изъ неорганической природы, но пока для такого разъясненія наука не даетъ никакихъ данныхъ. Связь между органической и неорганической природой слишкомъ очевидна, эволюція организма изъ неорганической природы также ясна, но это даетъ намъ одно указаніе, что угадать условіе развитія въ неорганической природѣ можно, можетъ быть, сравненіемъ такихъ явленій, какъ химико-физіологическіе процессы, внѣорганическія соединенія, относящіяся къ органической химіи и данныя химіи неорганической.

Въ растительномъ царствѣ сохраняется вся та сфера химическихъ и физическихъ мыслительныхъ процессовъ, которая господствуетъ въ неорганической природѣ и къ ней присовокупляется новая, вовсе отсутствующая въ неорганическомъ мірѣ т. е. сфера мышленія на основаніи органической солидарности. Мы видѣли, что животныя обладаютъ общимъ мышленіемъ всего организма, независимымъ отъ мышленія отдѣльныхъ клѣточекъ; такого рода общее мышленіе въ извѣстныхъ предѣлахъ существуетъ и у растеній. Плазма у растеній такъ же, какъ и у животныхъ, обладаетъ сократительностью, способностью совершать движенія и переда-

вать впечатлѣнія; но этотъ родъ мыслительныхъ процессовъ имѣетъ небольшіе размѣры. Главнымъ источникомъ перемѣнъ и вліяній на органическое развитіе служитъ обращеніе соковъ. Всякому изъ насъ очень хорошо извѣстенъ тотъ родъ органическаго мышленія, который вызывается у насъ кровообращеніемъ. Онъ порождаетъ въ насъ ощущенія состоянія организма и вытекающіе отсюда мыслительные процессы. Если составъ крови нормальный, способный хорошо и достаточно питать клѣточки, то организмъ чувствуетъ себя бодрымъ, склоннымъ къ дѣятельности и перемѣнѣ, въ противномъ случаѣ онъ сознаетъ себя вялымъ, утомленнымъ, стремится къ покою. Состояніе обращающихся соковъ крови и проч., дѣйствуя одновременно на всѣ клѣтки, направляетъ ихъ дѣятельность къ одной общей цѣли сохраненія и развитія организма. Для такого общаго мышленія не нужно даже чтобы клѣточка знала о существованіи организма. Какъ сложны тѣ мыслительные процессы, которые происходятъ этимъ путемъ, видно, напр., изъ развитія зародыша. Не имѣя ни какого другого стимула, кромѣ стимула окружающей питательной среды, обращенія крови и соковъ, зародышъ ежечасно мѣняется и мѣняется въ строго опредѣленномъ направленіи. Онъ строитъ самъ себя, строитъ по единообразно повторяющемуся плану. Единообразіе хода его развитія, понятно, обусловливается единообразіемъ тѣхъ впечатлѣній, среди которыхъ онъ развивается. Это единообразіе въ свою очередь создается искуственностью той среды, въ которую онъ поставленъ. И вотъ онъ строитъ, подготовляетъ ткани, сосуды, даетъ имъ форму, послѣдовательно измѣняетъ строеніе, и все это въ данный моментъ не имѣетъ ни малѣйшаго практическаго значенія, повидимому невызвано ни какой цѣлесообразною дѣятельностью. Въ общемъ же результатѣ выходитъ существенная цѣлесообразность, и выходитъ потому, что вся эта дѣятельность вызывается вѣками установившейся рутиной клѣточекъ. Какъ же это случилось? какъ произошла эта рутина?

Вамъ говорятъ: зародышъ повторяетъ исторію развитія типа; но если смотрѣть на развитіе зародыша непредубѣжденными глазами, то придется убѣдится совсѣмъ въ другомъ.

Зародышъ цыпленка, кролика, человѣка въ своемъ развитіи очевидно устремляется прямо къ одной цѣли: породить изъ себя цыпленка, кролика или человѣка. Ясно, что цѣли породить эти существа у клѣточекъ зародыша и быть не можетъ, онѣ просто развиваются подъ вліяніемъ окружающей среды путемъ вѣковѣчной рутины, обезпечивающей имъ благополучное существованіе, а выходитъ, что съ каждымъ шагомъ приближаются къ полному воспроизведенію организма, отъ котораго происходятъ. Мало того, дѣло идетъ къ этой цѣли, очевидно, кратчайшимъ путемъ. Вы имѣете полное основаніе утверждать, что всѣ помянутые организмы были когда то простѣйшими и развились изъ этихъ простѣйшихъ, но право это вы имѣете только потому, что путемъ извѣстной аргументаціи можете устранить всякій другой взглядъ на происхожденіе сложныхъ организмовъ. Человѣкъ развивается изъ простыхъ амебоидовъ, жгутиковой клѣточки и проч. но эта жгутиковая клѣточка въ свою очередь можетъ развиться только въ человѣкѣ. Выходитъ, что человѣкъ не можетъ явиться помимо помянутой клѣточки и клѣточка не можетъ явиться помимо человѣка. Какъ же было дѣло? Кто нибудь вѣдь долженъ былъ быть первымъ? На помощь приходитъ наблюденіе. Организмъ, подобный жгутиковому человѣческаго сѣмени, легко можетъ сдѣлаться паразитомъ, чрезъ это онъ видоизмѣняется такъ, что утрачиваетъ способность къ самостоятельной жизни. Поэтому остается заключить, что человѣкъ, кроликъ, курица когда то были одноклѣточными организмами, которые, создавая и развивая себѣ органы, постепенно превратились въ помянутыхъ животныхъ. Заключеніе довольно благонадежное, но если вы пойдете далѣе и захотите по развитію зародышей указать рядъ предковъ этихъ животныхъ, то вы скоро увидите, что вы избрали для такого изысканія путь самый ненадежный.

Съ самаго начала вы не только не можете сказать, что тѣ жгутиковые и амебоиды, отъ которыхъ они произошли, были такими же во время самостоятельной своей жизни, но наоборотъ, вынуждены думать, что многовѣковой паразитизмъ, чрезъ который они прошли, долженъ былъ несомнѣнно повліять на ихъ строеніе. Затѣмъ вы начинаете разсматривать

развитіе оплодотвореннаго яйца. Съ перваго шагу вы видите образованіе двухъ слоевъ: эктодермы и энтодермы; но вѣдь это не животное, ведущее самостоятельную, хотя бы и паразитическую жизнь; про нихъ нельзя даже сказать, что это животное, видоизмѣненное паразитизмомъ; это просто среда, въ которой развивается зародышъ. Разсматривая развитіе зародыша цыпленка т. е. тотъ, который лучше другихъ изученъ, вы видите уже въ первый день насиживанія спинную струну (chorda dorsalis), мозговой желобокъ и мозговые валики; однимъ словомъ съ перваго же дня вы видите измѣненный паразитизмомъ зачатокъ позвоночнаго животнаго. Какое же вы можете сдѣлать заключеніе о томъ рядѣ предковъ, которые начались одноклѣточнымъ амебоидомъ, прошли черезъ двухъ и трехслойное сложеніе и превратились наконецъ въ позвоночное? Въ первыя сутки появляются первичные позвонки. Если вы будете сравнивать курицу съ низшими позвоночными или съ ископаемыми птицами, то вы замѣтите, вообще, уменьшеніе а не увеличеніе числа позвонковъ; у ископаемаго archeopterux lithographica даже хвостовое перо было раздѣлено на позвонки. Нужно предположить, что позвоночный столбъ произошелъ путемъ слитія, а не путемъ размноженія позвонковъ. Между тѣмъ вы находите, что при развитіи позвоночнаго столба цыпленка дѣло начинается съ появленія одного первичнаго позвонка, потомъ двухъ, четырехъ и т. д. Ясно — развивается цыпленокъ, а не повторяется превращеніе типовъ изъ одного въ другой.

Затрудненіе увеличивается тѣмъ, что существованіе зачатка не даетъ указанія на существованіе развитого органа. Изъ того же зачатка можетъ развиться и легкое и плавательный пузырь рыбы; зачатокъ эктодермы съ подкладкою изъ мезодермы можетъ дать кожу, зубы, молочныя желѣзы, волоса, перья и т. д. Какое напр. можно сдѣлать заключеніе изъ существованія у зародыша цыпленка на третій день развитія висцеральныхъ дугъ? Можетъ быть онѣ и служатъ указаніемъ на то, что у цыпленка были предки, жившіе въ водѣ, но можетъ быть, и нѣтъ. Вообще развитіе зародыша можетъ дать только второстепенныя указанія на пред-

ковъ организма, оно можетъ только подтвердить данныя объ этихъ предкахъ, если они найдены, или указать ошибку въ изысканіи, сдѣланномъ другимъ путемъ. Этотъ то другой путь для объясненія происхожденія видовъ мы и будемъ теперь искать.

Если мы станемъ сравнивать различные организмы въ современномъ развитомъ ихъ состояніи и будемъ стараться выяснить дальнѣйшій путь ихъ развитія, то окажется: сравнивая крыло птицы съ рукою человѣка, вы можете сдѣлать весьма надежное заключеніе, что крыло птицы никогда не превратится въ руку человѣка, не смотря на то, что существуетъ общее въ планѣ ихъ построенія. У птицы не можетъ быть такой потребности, удовлетвореніе которой привело бы къ подобному превращенію, а потому не можетъ быть и мыслительныхъ процессовъ, при которыхъ такое превращеніе сдѣлалось бы возможнымъ. Главныя потребности, въ удовлетвореніи которыхъ участвуетъ крыло, составляютъ потребности питанія и размноженія, защиты отъ слишкомъ низкой или высокой температуры и защиты отъ враговъ. Удовлетвореніе всѣхъ этихъ потребностей можетъ привести только къ дальнѣйшему развитію крыла, а отнюдь не къ превращенію его въ руку. При недостаткѣ пищи птица будетъ дѣлать болѣе продолжительные перелеты для ея отысканія, спасаясь отъ крайнихъ температуръ она будетъ перелетать изъ одного климата въ другой или развивать свое оперѣніе подъ вліяніемъ холода; спасаясь отъ враговъ она научится быстро и продолжительно летать. При неблагопріятныхъ условіяхъ птицы будутъ погибать отъ нужды, цѣлые виды будутъ изчезать съ лица земли и, всетаки, спасая себя отъ своего горя, онѣ будутъ порождать дальнѣйшее развитіе крыла, а не превращеніе его въ руку. Наоборотъ, при вполнѣ благопріятныхъ условіяхъ птица будетъ развиваться, расти, увеличиваться въ объемѣ и въ вѣсѣ, быстро размножаться и, всетаки, она будетъ упражнять и развивать свои органы въ томъ самомъ направленіи, въ которомъ путь ихъ предначертался предшествующимъ развитіемъ; она можетъ пріобрѣсти способность, подобно куницѣ, нести громадное количество яицъ, утратить способность ле-

тать, но сохранить свое опереніе для жизни въ низкой температурѣ. Сравнивая организмы вы находите, что каждый организмъ имѣетъ общій планъ, планъ этотъ имѣетъ свои премущества и свои недостатки; —премущество человѣческаго организма, приноровленность къ работѣ, премущество птичьяго въ способности летать и переносить всякія температуры безъ искуственныхъ приспособленій и т.д. Планъ этотъ выработался общимъ мышленіемъ организма, но разъ онъ разработанъ многовѣковой рутиной, этимъ самымъ планомъ очерчивается и сфера дальнѣйшаго его развитія. Птица, собака никогда не превратятся въ дерево, а сложноцвѣтное въ человѣка.

Представьте себѣ клѣтки лишая, лежащаго на вывѣтрившемся камнѣ; верхнія будутъ почерпать свою пищу изъ воздуха и размножаться въ воздухѣ, нижнія будутъ внѣдряться въ вывѣтрившіяся части камня и почерпать свою пищу изъ водныхъ въ немъ растворовъ. Верхнія будутъ замѣчать, что чѣмъ въ большемъ изобиліи онѣ будутъ вырабатывать питательный матеріалъ изъ воздуха и дѣлиться имъ съ нижними, тѣмъ обильнѣе онѣ ихъ будутъ питать этимъ, тѣмъ болѣе онѣ будутъ сами получать отъ обильно питаемыхъ клѣтокъ; — нижнія также будутъ замѣчать пользу отъ усиленія своей дѣятельности для питанія верхнихъ клѣтокъ. —поэтому онѣ останутся въ связи и образуютъ организмъ по плану лишая. Затѣмъ вообразите себѣ водоросль, плавающую на водѣ съ верхними воздушными и подводными клѣтками, --составится другой планъ приспособленный къ жизни въ водѣ. Разсмотрите бодягу: клѣтки образуютъ трубки и въ нихъ усиленное обращеніе воды чрезъ ритмическое движеніе ихъ мерцательныхъ волосковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и усиленное питаніе. Теперь вы имѣете предъ глазами уже три различныхъ плана, изъ которыхъ каждый основанъ на одностороннемъ усиленномъ дѣйствіи клѣтокъ, при чемъ онѣ съ другой стороны остаются въ зависимости отъ клѣтокъ, дополняющихъ ихъ питаніе. Такая односторонность ведетъ къ ненормальному развитію и наконецъ къ смерти. Но за то каждая клѣтка имѣетъ строго установившійся, рутинный, сложный циклъ развитія, въ концѣ котораго орга-

низмъ возвращается приблизительно къ первоначальной своей формѣ въ видѣ двухъ или нѣсколькихъ клѣтокъ; поэтому тѣ клѣтки, которыя менѣе другихъ сдѣлались односторонними, возвращаются почти вполнѣ къ первоначальной формѣ организма и образуютъ зародышъ. Этотъ зародышъ уже по рутинѣ стремится къ осуществленію того плана развитія, котораго придерживался организмъ его породившій, въ тѣхъ же обстоятельствахъ кстати, а въ измѣнившихся, можетъ быть, вполнѣ не кстати. Вотъ основной принципъ организма.

Громадное преимущество, которое имѣетъ растеніе, заключается въ томъ, что оно всасываетъ своими наружными частями изъ земли, воды и воздуха газы и жидкіе растворы, нужные для его питанія и развиваетъ изъ этого матеріала свои клѣточки при помощи солнечнаго свѣта. Поэтому онѣ могутъ покрывать землю густымъ слоемъ и размножаться въ количествѣ экземпляровъ безъ сравненія превышающемъ число людей, лошадей, волковъ, птицъ и т. д. Но этимъ преимуществомъ опредѣлился и тотъ родъ мыслительныхъ процессовъ, къ которому эти организмы пріобрѣли способность. Общее мышленіе организма сдѣлалось для нихъ почти излишнимъ, все дѣло ограничивается у нихъ мыслительными процессами отдѣльныхъ клѣточекъ, которыя путемъ эмпирическаго мышленія приспособились вырабатывать изъ себя въ составѣ корней тонкіе волосные сосуды, высасывающіе жидкіе растворы изъ земли, потому что этимъ путемъ они получаютъ чрезъ обращеніе соковъ питательныя вещества, вырабатываемыя листьями и т. д. Для клѣточекъ сдѣлалась излишнею впечатлительность къ тому, что творится въ отдаленіи, а впечатлительность къ непосредственно окружающему въ одиночной клѣточкѣ гораздо живѣе и разнообразнѣе, чѣмъ въ животномъ организмѣ въ качествѣ мыслящаго цѣлаго. Но при такомъ планѣ своего строенія растеніе уже не въ состояніи развиваться тѣмъ путемъ, какимъ развивается птица, выработавшая себѣ очень сложный организмъ съ цѣлію получать понятіе объ отдаленныхъ отъ нея на большія растоянія предметахъ.

Если вы возмете всѣ организмы и постройте ихъ въ длинный рядъ, то вы найдете небольшую разницу между каж-

дымъ видомъ и непосредственно за нимъ слѣдующимъ; но отсюда никакъ нельзя сдѣлать заключенія, что они по такой лѣстницѣ развивались ступень за ступенью одинъ изъ другого. Чтобы объяснить происхожденіе одного организма отъ другого нужно доказать, что предшественникъ могъ совершить тѣ мыслительные процессы, которые необходимы, чтобы такой переходъ сдѣлался возможнымъ. Чтобы доказать, что курица могла произойти отъ гриба или другого растенія, мало сказать что и курица и грибъ развились изъ одноклѣточнаго амебоида. Мы видѣли выше разницу между зародышной клѣткой во время, предшествующее ея отдѣленію отъ организма, и клѣточкой органа. Органы подвергаются внѣшнимъ впечатлѣніямъ, а потому развиваются; зародышевыя же клѣточки ограждаются отъ внѣшнихъ впечатлѣній нахожденіемъ внутри организма, онѣ даже не служатъ подобно нервамъ и пр. передаточной инстанціей для впечатлѣній, а потому развиваются менѣе всѣхъ другихъ частей организма. Но зато ихъ внутренняя органическая солидарность беретъ рѣшительный верхъ надъ потребностью связи съ организмомъ. Стремленіе отдѣлиться, создать изъ себя самостоятельно солидарное цѣлое существуетъ въ каждой клѣточкѣ, иначе она не создала бы изъ себя отдѣльную клѣточку, а сливалась бы съ той изъ которой произошла; но между солидарными клѣтками стремленіе отдѣлиться парализуется ихъ взаимными услугами, такъ что онѣ переходятъ къ омертвѣнію прежде, чѣмъ отдѣлятся окончательно. Зародышевая же клѣточка никакихъ услугъ организму не оказываетъ и не связывается съ нимъ общей дѣятельностью; эта общая дѣятельность не удерживаетъ ее при организмѣ; она начинаетъ въ немъ паразитировать, какъ всякій другой паразитъ. Отсюда въ ней стремленіе замѣнить омертвѣніе самостоятельнымъ ростомъ и она дѣлается той вѣчной частью организма, которая изъ поколѣнія въ поколѣніе продолжаетъ типъ, создаетъ звѣно, связывающее отдаленнѣйшихъ потомковъ съ первобытными предками. Вслѣдствіи условій своего паразитизма зародышевая клѣточка можетъ измѣняться только въ томъ направленіи, въ которомъ измѣняется взрослый организмъ, въ средѣ котораго она существуетъ и растетъ.

Каждое измѣненіе въ клѣточкахъ органовъ, вызванное ихъ дѣятельностью или ихъ внѣшними впечатлѣніями, измѣняетъ весь организмъ. Прежде всего оно производитъ измѣненіе въ крови и обращающихся сокахъ, а это измѣненіе породитъ измѣненіе во всѣхъ клѣточкахъ организма, направленное къ установленію органическаго равновѣсія прихода и расхода питательныхъ веществъ. Измѣненіе это коснется и зародышевыхъ клѣточекъ и это будетъ единственное измѣненіе такихъ клѣтокъ, порожденное путемъ внѣшнихъ впечатлѣній. Что касается до внѣшнихъ впечатленій, то тоже самое внѣшнее впечатлѣніе, таже самая внѣшняя среда произведетъ весьма различное измѣненіе въ различныхъ организмахъ, смотря по плану ихъ организаціи. Тоже пониженіе температуры напр. заставитъ человѣка надѣть теплую одежду, кожа сдѣлается у него нѣжнѣй, работа легкихъ усилится, у собаки оно вызоветъ усиленный ростъ шерсти, у птицы развитіе оперенья, у дерева завяданіе и отпаденіе органовъ питанія, которое прекратитъ обращеніе соковъ и породитъ зимнее омертвѣніе. Вліяніе среды развиваетъ организмы, но такъ какъ каждый идетъ своимъ путемъ, то при этомъ развитіи они расходятся другъ съ другомъ, а не доразвиваются одинъ до другого и не переходятъ одинъ въ другого. Отъ развитія они не сливаются въ одинъ наиболѣе высшій типъ, а, наоборотъ, ращепляются на возрастающее число типовъ и разнородныхъ индивидуумовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои преимущества и свои недостатки; скрещиваніе и порожденіе помѣсей дѣлается новой причиной дальнѣйшаго разщепленія потому, что каждая плодоносная помѣсь укореняетъ въ себѣ во время своей жизни новый планъ и новый путь развитія. Путемъ развитія во всемъ органическомъ мірѣ повторяется то же, что происходитъ въ отдѣльномъ организмѣ. Клѣточки отдѣльнаго организма, развиваясь каждая въ направленіи плана своей организаціи, ведутъ все далѣе раздѣленіе труда въ организмѣ и увеличиваютъ все болѣе существующую между ними разницу; точно такъ же и организмы все большимъ числомъ путей стремятся эксплуатировать природу и этимъ увеличиваютъ и разнообразятъ существующую между ними разницу.

Отсюда выходитъ, что въ основныхъ планахъ организмовъ разница гораздо меньше, чѣмъ въ спеціальной ихъ разработкѣ. Вспомните напр. пятипалое строеніе и то разнообразіе ничего общаго неимѣющихъ формъ, которое изъ него произошло. Эта большая простота въ отдѣльныхъ чертахъ основныхъ плановъ и порождаетъ ложную мысль о происхожденіи организмовъ другъ изъ друга. Если мы будемъ сравнивать тѣ жгутиковые амебоиды, изъ которыхъ происходятъ разные виды животныхъ и растеній, то нельзя не замѣтить, что они даже по внѣшнему виду отличаются другъ отъ друга. У видовъ далеко другъ отъ друга отстоящихъ эти отличія дѣлаются очень рѣзкими: одни имѣютъ одинъ жгутикъ, другіе два, три, четыре; нѣкоторые вовсе не имѣютъ жгутика, а рѣснички, и при томъ у различныхъ видовъ различно расположенныя, форма тѣла также очень различная. Еще болѣе отличныя и фантастическія формы принимаютъ неподвижные зародыши цвѣтковыхъ растеній.

Ниспіе зоогонидіи, начиная свое развитіе, выдѣляютъ изъ себя целлюлезную оболочку (первый органъ). Ясно, что они отдѣлить ее могутъ только въ такомъ случаѣ, если ихъ собственный химическій составъ подъ вліяніемъ усиленнаго питанія способенъ создать целлюлезу и выдѣлить ее; химическій зачатокъ целлюлезы долженъ заключаться въ нихъ. Поэтому уже то обстоятельство, что зародыши различныхъ видовъ, развиваясь, порождаютъ каждый свой порядокъ химическихъ тѣлъ, доказываетъ, что химическій ихъ составъ съ самаго начала былъ различный и это первоначальное различіе составляетъ основную причину того, что изъ нихъ развиваются различные виды. Простѣйшіе организмы иногда сливаются между собой не только для половыхъ, но и для другихъ цѣлей; такое слияніе способствуетъ ихъ сохраненію или органическому развитію; но сливаются между собою непремѣнно только извѣстные организмы, если же они разнородны, то они погибнутъ въ неблагопріятныхъ условіяхъ а не сольются для своего сохраненія. Есть и болѣе сложные организмы, инфузоріи и даже черви, которые ростутъ, пріобрѣтаютъ вмѣсто одной двѣ или три головообразныя оконечности и дѣлятся. Такой ходъ дѣла возможенъ однакоже

только тамъ, гдѣ планъ развитія организма очень простъ, его способность къ измѣненію своего химическаго состава и формы своего тѣла очень незначительна. Онъ слѣдуетъ неизбѣжной участи всякаго организованнаго тѣла, съ перваго же шага на пути развитія его органическая солидарность начинаетъ ослабѣвать и до тѣхъ поръ, пока развитіе это продолжается, она ослабѣваетъ непрерывно и неизбѣжно, она все настойчивѣе грозитъ организму разрушеніемъ и смертью.

Но дѣло оказывается легко поправимымъ. Рутина развитія клѣточекъ уже выработала въ организмѣ тотъ химическій матеріалъ, который нуженъ для его спасенія; подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній онъ уже выработалъ разъ изъ этого матеріала извѣстныя рѣснички, ротовое отверстіе и т. д. Но мѣрѣ развитія химическій матеріалъ накопляется, настойчиво требуетъ возобновленія разъ пріобрѣтенной рутины; грозитъ, въ случаѣ непримѣненія его къ дѣлу, такими химическими реакціями, которыя разрушатъ организмъ. Простѣйшая клѣтка развивается и дѣлится такъ, что она сохраняетъ свое сложеніе, въ болѣе сложныхъ клѣткахъ образуется рутина сохраненія сложенія. Эта рутина вырабатываетъ и одинаковый химическій матеріалъ и одинаковую форму. Такая способность сохраняется до извѣстной степени и у низшихъ животныхъ. Послѣ головообразной оконечности, которая выработалась подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, начинаетъ вырабатываться другая, повидимому уже совершенно нецѣлесообразная, просто путемъ укоренившейся рутины, которая указываетъ намъ на путь, какимъ произошло съ виду вполнѣ лишенное цѣлесообразности развитіе зародыша. Клѣточки вашего организма дѣйствуютъ, стимулируемыя общимъ мышленіемъ вашего организма, но когда приходится возобновлять затраченный на дѣятельность матерьялъ, тогда онѣ дѣйствуютъ уже совершенно независимо отъ этого общаго мышленія, руководствуясь своей химико-физической впечатлительностью. Успѣхъ возмѣщенія затратъ обусловливается уже не общимъ мышленіемъ, а тѣмъ матерьяломъ, который находится въ обращающейся органической жидкости.

Дѣятельность клѣточекъ, порожденная общимъ мышленіемъ,

стимулируетъ дѣятельность желудка, но результаты дѣятельности желудка будутъ различны, смотря по той пищѣ, которую вы приняли. Эти результаты повліяютъ на состояніе крови, которая въ свою очередь будетъ различно стимулировать клѣточки къ питанію. При обиліи питательнаго вещества въ обращающихся жидкостяхъ клѣточки не только возобновятся, но породятъ въ организмѣ чувство бодрости и потребности въ новой дѣятельности. Если клѣточка способна къ образованію новой, видоизмѣненной клѣточки и въ обращающихся сокахъ накопится обиліе матерьяла для такого образованія или если дѣятельностью другихъ клѣточекъ такой матерьялъ будетъ привлеченъ къ ней, то она всосетъ его и обратитъ на образованіе такой новой клѣточки. При внѣматочной беременности матка безъ всякой цѣлесообразности разростается отъ прилива крови, порожденнаго беременностью. На разныхъ частяхъ тѣла образуются зубы, кости, волоса, хотя образованія эти уродливы и никакой цѣли не имѣютъ, только потому, что клѣточки, изъ которыхъ они выработываются получаютъ случайно пригодный для этого матерьялъ. Таковъ же путь развитія зародыша: клѣточки развиваются, стимулируемыя вѣковѣчной рутиной т. е. эмпирическимъ своимъ мышленіемъ (такъ я поступалъ, слѣдовательно такъ нужно поступать). Притекающій къ нимъ матерьялъ побуждаетъ ихъ къ дѣйствію безъ всякого понятія о цѣлесообразности того, что они изъ себя создаютъ. Таково же дѣйствіе червя, размножающагося дѣленіемъ. Въ окончательномъ результатѣ не цѣлесообразнаго образованія головообразной оконечности посреди тѣла получаются изъ одного два цѣлесообразныхъ организма, которые отдѣляются другъ отъ друга и продолжаютъ свою безсмертную жизнь путемъ новаго развитія и новаго дѣленія. Но за то же низшіе организмы, такъ легко возобновляющіе свою солидарность, оказываются весьма мало способными къ развитію; вы не рѣдко находите ихъ такими же теперь, какими они обрѣтаются въ пластахъ земли, указывающихъ на самыя отдаленныя отъ насъ эпохи.

Если вы отъ низшихъ организмовъ перейдете къ высшимъ, то вы увидите у нихъ одну основную общую черту т. е.

фатальное стремленіе къ разрушенію органической солидарности, которое неизбѣжно кончается дѣленіемъ или смертью. Высшіе болѣе сложные организмы отличаются тѣмъ, что прекращеніе солидарности путемъ омертвѣнія получаетъ рѣшительное преобладаніе. Борьба противъ этого основного хода дѣла безплодна; всякій органъ, развиваясь подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, неизбѣжно вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно утрачиваетъ свою солидарность съ тѣмъ организмомъ, изъ котораго развился и наконецъ умираетъ т. е. превращается въ неорганическую матерію. Тоже самое дѣлается со всѣмъ организмомъ; въ лицѣ совокупности своихъ органовъ онъ постепенно, но неизбѣжно утрачиваетъ свою органическую солидарность и умираетъ безъ всякой возможности спастись отъ фатальной необходимости, оставляя послѣ себя только то, что развилось изъ его вѣчно живущихъ виолнѣ солидарныхъ зачатковъ.

Для того, чтобы читателю легче было уяснить себѣ то, что будетъ говориться ниже, я дамъ ему въ нѣсколькихъ словахъ по возможности наглядное опредѣленіе выраженія: органическая солидарность. Органическая солидарность между клѣтками того же организма и между частями одной и той же клѣтки заключается въ способности клѣтокъ и ихъ частей доставлять другъ другу полную возможность не только возмѣщать окончательно всѣ свои потери, но развиваться и размножаться такъ, чтобы не утрачивать при этомъ первоначальной своей способности къ развитію и размноженію. Разумѣется, каждая клѣтка и каждая часть помогаетъ при этомъ прочимъ по своему и даетъ имъ то, чего онѣ сами себѣ дать не могутъ. Возьмите человѣческій зародышъ съ первыхъ дней его развитія и обратите вниманіе на его способность къ превращенію окружающей питательной среды путемъ химико-физіологической работы въ солидарное свое органическое тѣло, какъ быстро онъ увеличивается въ вѣсѣ. Возьмите его черезъ сорокъ лѣтъ, онъ едва способенъ возобновлять свои потери, а если и прибавляется въ вѣсѣ, то по большей части чрезъ накопленіе жировыхъ клѣточекъ, не увеличивающихъ, а почти на столько же уменьшающихъ органическую солидарность, какъ раковина

у мягкотѣлаго или древесана въ деревѣ. Когда человѣческій зародышъ впервые получаетъ выразившіяся формы и образъ человѣческій, васъ поражаетъ громадное развитіе головы, этого средоточія органической солидарности, центра поглощающаго и разносящаго по всему организму впечатлѣнія, полученныя клѣточками. За тѣмъ въ теченіе всей жизни человѣка голова развивается медленнѣе другихъ органовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ живость органической впечатлительности постоянно уменьшается.

Солидарность впечатлительности у ребенка такъ велика, что почти каждое впечатлѣніе, способное обезпокоить клѣточки, производитъ на организмъ потрясающее дѣйствіе. Голодъ у взрослаго человѣка долженъ быть очень силенъ, чтобы заставить его кричать и плакать, а ребенокъ кричитъ и плачетъ при первомъ его появленіи; перемѣна температуры, облитіе ребенка водой даже пріятно тепловатой вызываетъ у него потрясающій крикъ; какая нибудь соринка въ пеленкахъ заставляетъ его кричать до тѣхъ поръ, пока ее не отыщутъ и не удалятъ. Громадная впечатлительность порождаетъ громадную и плодоносную дѣятельность организма, успѣхъ его питанія и быстрый, солидарный ростъ. Но за то же организмъ ребенка требуетъ вмѣсто поощренія его впечатлительности, его огражденіе отъ впечатлѣній для того, чтобы они не принесли ему вреда на всю жизнь или даже смерти. Если вы напр. глаза новорожденнаго ребенка будете неосторожно подвергать впечатлѣніямъ свѣта, то вы ихъ можете испортить неисправимо на вѣкъ. Съ ростомъ и развитіемъ организма его впечатлительность къ потребностямъ клѣточекъ притупляется, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣваетъ успѣхъ его развитія, но этотъ недостатокъ въ нѣкоторой степени вознаграждается тѣмъ, что пріобрѣтается способность дѣлать изъ внѣшнихъ впечатлѣній болѣе цѣлесообразное употребленіе; впечатлѣнія дѣлаются болѣе слабыми, иногда едва касаются всего организма и преимущественно сосредоточиваются въ извѣстныхъ органахъ, но за то же организмъ можетъ хладнокровно и безъ всякаго потрясающаго ощущенія обсуждать ихъ и направлять сообразно съ ними свою дѣятельность. Общее направленіе этой дѣятельности идетъ къ

ослабленію фатально уменшающейся органической солидарности; чувство самосохраненія заставляетъ организмъ заботиться о своемъ благосостояніи; въ своей дѣятельности онъ старается идти такимъ путемъ, чтобы органическая солидарность его клѣточекъ разрушалась возможно менѣе отъ внѣшнихъ впечатлѣній.

При этомъ судьба различныхъ организмовъ весьма различна. Ни одинъ организмъ не сохраняетъ своей органической солидарности въ такой высокой степени, какъ организмъ человѣка. Голова лошади въ состояніи зародыша равняется третьей части всего тѣла; но мало того, что она растетъ медленнѣе прочихъ частей тѣла, животное рождается съ тѣломъ несравненно менѣе солидарнымъ, чѣмъ тѣло человѣка. Жеребенокъ покрытъ шерсью, которая ограждаетъ его отъ впечатлѣній температуры и другихъ неизмѣримо болѣе, чѣмъ огражденъ ребенокъ, на оконечностяхъ своихъ онъ имѣетъ такой мало впечатлительный органъ, какъ копыта. По этому съ перваго дня своего существованія онъ гораздо спокойнѣе и самостоятельнѣе ребенка — этой безпомощной жертвы своей безмѣрной впечатлительности. Но за то же его сообственность къ развитію на столько же незначительнѣе, на сколько органическая солидарность меньше.

Создавая себѣ съ перваго шага своего развитія мало солидарные или почти не солидарные съ организмомъ органы, организмъ въ тѣхъ же размѣрахъ утрачиваетъ способность свою къ развитію, но при этомъ онъ можетъ обезпечить себѣ весьма продолжительную жизнь. Низшіе организмы, ограждая себя отъ мира и его впечатлѣній раковиной и внѣшнимъ скелетомъ мѣшаютъ этимъ своему развитію и по большей части не увеличиваютъ долговѣчности, но дерево напр., создавая себѣ ограждающую его отъ впечатлѣній кору и древесину, дѣлается чрезъ это гораздо болѣе долговѣчнымъ, чѣмъ человѣкъ, и все таки жизнь дерева идетъ непрерывнымъ путемъ къ загрубѣнію своихъ многолѣтнихъ клѣтокъ и къ постепенному ихъ приближенію къ состоянію мертвой, неорганизованной матеріи. Въ сущности дерево похоже на полипнякъ, оно представляетъ собою напластываніе поколѣній, ежегодно умирающихъ вмѣстѣ съ его кам-

бѣльнымъ слоемъ и ежегодно нарождающихся въ формѣ новаго слоя; но въ животномъ царствѣ существуетъ стремленіе къ индивидуальной долговѣчности, которое слѣдуетъ отличать отъ развитія, создающаго успѣхъ не только для индивидуума, но для всего рода, такимъ развитіемъ отличается человѣкъ. Способность дерева и долговѣчнаго животнаго защищаться противъ гибельныхъ внѣшнихъ вліяній ничтожна по сравненію съ способностью человѣка; человѣкъ все болѣе размножается и царитъ на землѣ, а деревья и животныя начинаютъ принимать только тѣ размѣры, какіе для него полезны, индивидуумъ человѣка выигрываетъ отъ этого столько же, сколько и родъ. Степень впечатлительности органовъ служитъ мѣриломъ солидарности организма: чѣмъ значительнѣе эта впечатлительность во всѣхъ клѣточкахъ, чѣмъ болѣе она вызываетъ къ дѣятельности весь организмъ, чѣмъ медленнѣе она угасаетъ, тѣмъ быстрѣе развивается типъ или видъ и тѣмъ болѣе совершеннымъ онъ является по истеченіи вѣковъ. Эта впечатлительность дѣйствуетъ фатолько на его развитіе, онъ не можетъ не развиваться, впечатлѣнія принуждаютъ его къ развитію.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Образованіе видовъ. Происхожденіе полового размноженія. Два пути утраты органической солидарности.

Если однажды рутина органическаго развитія приняла такое направленіе, что организмъ быстро утрачиваетъ свою солидарность для своего огражденія отъ разрушительнаго дѣйствія внѣшнихъ впечатлѣній, онъ не можетъ уже возстановить прежнюю степень солидарности. Если бы возвращеніе къ утраченной солидарности было возможно, то организмы путемъ развитія этой способности дѣлались бы вѣчными. Но именно поэтому виды, быстро утрачивающіе свою солидарность, никогда не могутъ превратиться въ такіе виды, которые утрачиваютъ ее болѣе медленно, и это обстоятельство создаетъ непреложную грань между видами. Виды, построенные по разнородному плану, съ точки зрѣнія того пути, по которому у нихъ утрачивается органическая солидарность, отчуждаются другъ отъ друга на всегда; они не могутъ ни доразвиться одинъ до другого, ни копулировать другъ съ другомъ. Наоборотъ, индивидуумы, принадлежащіе съ этой точки зрѣнія къ одному виду и построенные по одному плану, какъ бы ни была между ними велика разница въ развитіи могутъ копулировать между собою и сравнительно весьма легко развиваются одинъ до степени другого.

Между человѣкомъ, составляющимъ цвѣтъ современной интеллигенціи, и дикаремъ, заброшеннымъ въ среднюю Африку или на пустынные острова тихаго океана, разница неизмѣримо бо́льшая, чѣмъ между обезъяной, собакой и

кошкой, а между тѣмъ человѣкъ этого высшаго типа можетъ легко встрѣтить дикарку, съ которой онъ свободно можетъ копулировать и порождать плодоносное потомство. Легко встрѣтить у дикарей грудного ребенка, который могъ бы быть взятъ въ цивилизованную среду, получить въ ней воспитаніе, и при выдающихся способностяхъ сдѣлаться выдающимся членомъ этой среды; въ безграмотномъ и одичаломъ народѣ постоянно оказываются люди, такихъ выдающихся способностей, которые дѣлаются свѣтилами цивилизаціи. Такимъ образомъ для перехода человѣка отъ низшей ступени развитія къ высшей иногда не нужно даже поколѣнія; индивидуумъ, родившійся на низшей ступени прямо можетъ перейдти при благопріятныхъ условіяхъ къ высшему развитію. Между тѣмъ люди живутъ рядомъ съ человѣкоподобными обезьянами въ тѣхъ же условіяхъ природной обстановки неисчислимое число столѣтій и тысячелѣтій и обезьяны не развиваются до степени человѣка. Онѣ имѣютъ руки, глаза, уши, на первый взглядъ для нихъ нѣтъ никакого препятствія идти тѣмъ путемъ развитія, который можетъ быть пройденъ новорожденнымъ дикаремъ или нѣморожденнымъ въ теченіе своей жизни въ средѣ цивилизованныхъ людей. Но если вы разсмотрите и сравните физіологическій ходъ жизни организма обезьяны и человѣка, начиная отъ зародыша, то вы скоро убѣдитесь, что для пріобрѣтенія обезьяною человѣческой интеллигентности существуетъ неодолимое препятствіе въ быстрой утратѣ ея организмомъ той солидарности, которая, если она однажды утрачивается способомъ вѣковѣчно рутиннаго хода жизни организма, то утрачивается навсегда. Поэтому обезьяны родятся звѣрями и звѣрями кончаютъ свое поприще на землѣ. Если бы организмы развивались другъ изъ друга, какъ предполагаютъ эволюціонисты, то способность копулировать могла бы прекращаться только постепенно и составляла бы такую же непрерывную цѣпь, какъ и усовершенствованіе организаціи; какъ правило всякая особь могла бы копулировать съ такими низшими и съ такими высшими, которые копулировать между собою уже не могутъ.

Если мы послѣ этого постараемся обозрѣть путь развитія

всего окружающаго насъ органическаго мира, то передъ нами развернется слѣдующая картина. Чѣмъ внимательнѣе мы разсматриваемъ окружающій насъ миръ, тѣмъ болѣе мы склонны придти къ предположенію, что организованная и неорганизованная матерья существуетъ рядомъ вездѣ и всюду, не только на землѣ, но и на солнцѣ, на небесныхъ тѣлахъ и въ междузвѣздномъ пространствѣ. Чѣмъ неблагопріятнѣе среда для развитія организмовъ, тѣмъ они дѣлаются болѣе мелкими, болѣе неуловимыми для нашей впечатлительности, но намъ стоитъ усовершенствовать наши пріемы изслѣдованія природы, чтобы ихъ открыть тамъ, гдѣ мы никакъ не могли ожидать существованія органической жизни. При развитіи этихъ организмовъ химическія и физіологическія измѣненія въ нихъ слѣдуютъ единообразнымъ, установившимся вѣковѣчной рутиной путемъ; древесина, паренхима, кости, кожа, мускулы всегда слѣдуютъ опредѣленному пути образованія. Для межклѣтной ткани можно указать напр. слѣдующій путь: 1) пузырчачая ткань, у высшихъ позвоночныхъ образуется только въ зародышевой спинной струнѣ; 2, студенистая зародышевая соединительная ткань; 3, рыхлая соединительная ткань, изъ которой происходятъ лимфатическія и кровяныя клѣтки- 4, перепончатая ткань жировая и пигментная; 5, волокнистая ткань сухожилій и связокъ; 6, хрящевая ткань; 7, костная ткань. По причинѣ обусловленнаго этимъ сходства въ путяхъ развитія различныхъ частей и органовъ организмовъ, ученые постоянно поддаются соблазну производить подобные организмы другъ отъ друга. Между тѣмъ суть дѣла заключается вовсе не въ томъ, а въ основныхъ планахъ развитія организмовъ, обусловленныхъ ихъ общимъ мышленіемъ. Въ вышеизложенномъ ходѣ развитія межклѣточнаго вещества напр. не только нѣтъ прогресса, но постепенный регрессъ, такъ что суть дѣла заключается не въ его переходахъ изъ одного состоянія въ другое, а въ томъ, какъ организмъ пользуется этой способностью къ переходамъ для осуществленія своего плана развитія.

Эти основные планы идутъ весьма издалека, уже при дѣленіи простой клѣтки вы встрѣчаетесь съ различными

планами прямого и не прямого дѣленія, при чемъ ходъ дѣла имѣетъ уже такую твердую, независимую отъ случайныхъ впечатлѣній рутину, что его можно было раздѣлить на періоды. Если мы возьмемъ самые мелкіе организмы, тѣ, существованіе которыхъ приведено въ извѣстность изслѣдованіями Пастера и его послѣдователей, то намъ ничего не стоитъ убѣдиться въ томъ, что въ той же средѣ каждый изъ нихъ развивается различно и при томъ каждый неизмѣнно повторяетъ свой собственный путь развитія; основная рутина этого развитія не только безъ сравненія преобладаетъ надъ возможными измѣненіями, но кладетъ на эти измѣненія свою неизгладимую печать, чрезъ которую организмы остаются на столько же различными и послѣ измѣненія. Такой ходъ дѣла у микроскопическихъ организмовъ поясняетъ намъ, почему зародыши различныхъ организмовъ такъ различны между собою и почему въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи они не сливаются, а все болѣе расходятся. Клѣточки развитыхъ организмовъ проявляютъ такое же различіе, какъ и зародышевые амебонды; у млекопитающихъ напр. кровяныя тѣльца малы и все таки различны, у собаки они 7 микроновъ, у овцы 5 микроновъ, у козы 4 микрона, у mochus jar $2^1/_2$ микрона — у землеводныхъ они гораздо значительнѣе и все таки у разныхъ видовъ различны; у rana tempor ихъ длина 22 микрона, у proteus anguin 58 микроновъ.

Такъ какъ степенью утраты органической солидарности во время развитія и хода жизни обусловливается быстрота этого развитія, то само собою понятно, что организмъ быстро утрачивающій свою солидарность неизбѣжно долженъ все болѣе отставать отъ организма, утрачивающаго эту солидарность съ меньшей быстротой, а потому эти два рода организмовъ пойдутъ различными путями развитія и иначе идти не могутъ. Но даже и такіе организмы, которые утрачиваютъ свою солидарность въ степени приблизительно одинаковой, но различнымъ способомъ, должны точно также идти во всемъ своемъ развитіи различными путями. Для поясненія сравнимъ организмы собаки и кошки. Они очень близки другъ къ другу и могутъ питаться той же пищей;

но пути, которыми они добываютъ эту пищу у нихъ существенно различны. Собака прежде всего возлагаетъ свои надежды на чутье и такія преимущества впечатлительности, которыя дозволяютъ ей приближаться къ добычѣ также днемъ. Но такъ какъ днемъ эта добыча непремѣнно увидитъ своего преслѣдователя и обратится въ бѣгство, то собака нуждается въ быстротѣ бѣга, чтобы ее нагнать, а потому лапы собаки въ своемъ развитіи стремятся приблизиться къ лошадиному копыту-этому идеалу быстроногости. Кошка, при отысканіи добычи, преимущественно разсчитываетъ на свою способность видѣть въ темнотѣ и вообще стремится къ внезапному нападенію на спящую и неприготовленную къ нападенію добычу; поэтому ей необходимы ноги, ловко прыгающія и лапы, искусно хватающія; развитіе лапы у ней направляется въ сторону, прямо противоположную т. е. въ сторону руки. Этими двумя направленіями въ способахъ обезпеченія своего существованія обусловливается разница въ развитіи всѣхъ органовъ: глаза, морда, шерсть, хвостъ-все другое; собака создала себя, чтобы нападать, кошка, чтобы подкрадываться,—первая умна и смѣла, послѣдняя хитра и терпѣлива. Собака и кошка живутъ тысячелѣтія въ прирученномъ состояніи и не нуждаются въ тѣхъ качествахъ, которыя у нихъ развились изъ потребности преслѣдовать добычу, однако же эта жизнь въ одинаковыхъ условіяхъ нисколько не изгладила существенной разницы въ ихъ организмахъ. Отчасти искуственно и съ помощью человѣка они раздѣлились на множество типовъ и помѣсей, но всѣ эти видоизмѣненія ни на волосъ не приблизили ихъ другъ къ другу и не облегчили возможности перехода одного вида въ другой.

Такое явленіе сдѣлается для васъ вполнѣ понятнымъ если вы вникните въ условія развитія зародыша; для того, чтобы создалось цѣлесообразное цѣлое посредствомъ развитія такихъ клѣточекъ, которые объ этой цѣлесообразности не могутъ имѣть ни малѣйшаго понятія, каждая клѣточка организма до того должна быть пропитана рутиной, воспитанной этимъ организмомъ, что она иначе, какъ въ направленіи общаго плана этого организма и развиться не можетъ. Вотъ почему за-

родышная клѣточка кошки можетъ развить изъ себя только одинъ организмъ — кошку. Но эта необходимость вѣковѣчной рутины показываетъ намъ, что и всѣ предки кошки и собаки всегда отличались другъ отъ друга точно такъ же, какъ въ настоящее время отличаются какъ ихъ зародыши, такъ и развитые ихъ организмы. Съ этой точки зрѣнія должно показаться весьма легкомысленнымъ предположеніе, что современная лошадь произошла отъ трехъ или четырехпалой лошади; если даже лошадь и оселъ копулируютъ съ такимъ затрудненіемъ, то никакъ нельзя предположить, что трехъ и четырехпалая и современная лошадь могли копулировать или происходить другъ отъ друга. Четырехпалая лошадь принадлежитъ къ многокопытымъ, а однопалая къ однокопытымъ Сложеніе четырехпалой лошади до такой степени низко-солидарное неуклюжее что можно допустить только одно предположеніе, что она составляла видъ существенно отличный отъ современной лошади и изчезла не оставивъ потомковъ. Тоже можно сказать о всѣхъ тѣхъ неуклюжихъ видахъ, которые оставили свои кости и слѣды въ прежнихъ формаціяхъ земной коры; они всѣ изчезли, не оставивъ никакихъ потомковъ.

Предки человѣка, точно такъ же, какъ и человѣкъ, несомнѣнно отличались отъ современныхъ имъ организмовъ способностью медленнѣе всѣхъ прочихъ утрачивать свою солидарность. Указать этихъ предковъ при современномъ состояніи знаній нѣтъ никакой возможности. Чтобы возможно было узнать ихъ по скелету, объ этомъ и мечтать нечего; какъ близки скелеты человѣка и горрилы, а между этими видами непроходимая бездна. Но если бы даже удалось найдти предка человѣка въ такомъ видѣ, въ какомъ находили мамонтовъ, съ кожей и мясомъ, то ученые не имѣли-бы никакого достаточнаго основанія утверждать, что это дѣйствительно предокъ человѣка. Человѣкъ отличается отъ другихъ видовъ крайне высокой степенью своей впечатлительности, но эта степень отзывается только самымъ неудовлетворительнымъ образомъ на внѣшнихъ формахъ его клѣточекъ и его организаціи. Если передъ естествоиспытателемъ положить два неизвѣстныхъ ему человѣческихъ трупа,

то онъ можетъ сдѣлать самую жалкую ошибку въ опредѣленіи степени ума, знаній, способностей и другихъ качествъ, опредѣляющихъ кругъ и размѣры впечатлительности каждаго изъ нихъ; психіатры, анатомируя умалишенныхъ, не рѣдко напрасно стараются отыскать въ мозгу больного тѣ отличительныя черты, которыми обусловливался крайній, болѣзненный упадокъ его умственныхъ силъ. Такъ трудно опредѣлять степень органической солидарности живущаго среди насъ человѣка, при опредѣленіи же его предковъ, затрудненія эти такъ велики, что при настоящей степени знаній, окончательно ни на чемъ невозможно остановиться. Одно можно сказать, что предковъ человѣка въ настоящее время нѣтъ болѣе на нашей планетѣ; родъ человѣческій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и условія, благопріятныя для его появленія и жизни, существуютъ на землѣ такъ давно, организмъ этого животнаго одаренъ такой высокой способностью при этихъ условіяхъ быстро развиваться, что едва ли подлежитъ сомнѣнію, что всѣ предки человѣка или погибли или доразвились до степени человѣка. По сіе время наука не дала никакихъ данныхъ для указанія предковъ какого бы то ни было организма, въ которомъ паразитически развивается его зародышъ; нѣтъ ни одного вида, котораго предки, начиная отъ его зародыша, были бы извѣстны; мало этого, нѣтъ ни одного вида, у котораго неизвѣстна была бы утраченная форма зародыша, въ которой онъ велъ самостоятельную жизнь. Только случайно извѣстны для нѣкоторыхъ видовъ кой какіе предки. Несомнѣннымъ въ наукѣ можно считать только то, что всѣ виды развились изъ ихъ зародышевыхъ клѣтокъ, что начало этого развитія идетъ очень далеко, что самыя клѣтки имѣютъ путь развитія, что виды развивались различно уже тогда, когда они были одноклѣтными организмами и съ того времени до настоящаго они все болѣе расходятся, такъ какъ они измѣняются подъ вліяніемъ различныхъ условій и различныхъ впечатлѣній.

Теперь мы можемъ приступить къ опредѣленію основныхъ условій и общаго направленія въ развитіи организмовъ. Извѣстно, что въ наиболѣе древнихъ пластахъ земной коры вовсе не находятъ остатковъ организмовъ; ясно, что

было время, когда органическая жизнь на землѣ была развита сравнительно слабо. Бросьте вашъ взглядъ на каменистую пустыню и перейдите оттуда къ крайнему сѣверу: вы найдете тамъ сравнительно минимумъ органической жизни и при томъ убѣдитесь, что въ этихъ мѣстахъ всего удобнѣе процвѣтать такимъ организмамъ, которыхъ органы отличаются наименьшей степенью органической солидарности. Изъ среды растеній тамъ господствуютъ тайнобрачныя и прежде всего сухіе лишаи, изъ животныхъ мелкіе организмы, которые легко цистируются и могутъ очень долгое время пребывать въ сухомъ, безжизненномъ видѣ. Благопріятныя условія для органическаго развитія появляются тутъ случайно и изчезаютъ на очень долгое время. Низшіе тайнобрачные, цистированные амебоиды, которыхъ не беретъ ни жаръ, ни холодъ и которые, создавъ себѣ органы, при благопріятныхъ обстоятельствахъ могутъ преспокойно ждать новаго появленія удобныхъ условій тепла и влаги для своего развитія, естественные цари на земной корѣ, лишенной органической жизни. Они совершаютъ тутъ великое дѣло, они замѣняютъ неорганическія соединенія органическими и этимъ подготовляютъ условія для развитія болѣе совершенныхъ организмовъ. Развитіе органической жизни идетъ при этомъ условіи крайне медленно. Батибій, которымъ покрыто дно глубокихъ морей и океановъ, состоитъ изъ организмовъ, представляющихъ изъ себя минимумъ органическаго развитія. Тамъ, гдѣ земля покрыта хвойными растеніями, дѣло существенно измѣняется къ лучшему. Иглы хвойныхъ постоянно увядаютъ, опадаютъ и возобновляются; постоянно появляется новый слой удобренія. Однако же всякому извѣстна чистота хвойныхъ лѣсовъ; вы можете гулять по нимъ совершенно свободно, не встрѣчая препятствія со стороны растительности;— деревья растутъ не густо, а при небольшомъ увеличеніи густоты утрачиваютъ свои вѣтви и сохраняютъ только шапку, освѣщаемую солнцемъ. На каменистой почвѣ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, напр. при жаркомъ солнцѣ и дождяхъ, являются уже лиственные кустарники, но у нихъ листья малы и господствуютъ колючки;— листья тотчасъ даютъ больше удобренія, лишаи замѣняются

мхами и сухими цвѣтковыми растеніями. Такая флора занимаетъ большія пространства на скалахъ Кавказа. Въ заключеніе является лиственный лѣсъ. Въ лѣсахъ ростъ листьевъ этихъ растеній даетъ въ теченіе года несравненно большую массу органическаго матеріяла и удобренія, а кромѣ того, по причинѣ обилія этого удобренія въ лиственныхъ лѣсахъ подымается такое множество постороннихъ растеній что они дѣлаютъ ихъ непроходимыми.

На поляхъ покрытыхъ лишаями, вы находите ихъ изъ году въ годъ почти въ томъ же неизмѣнномъ видѣ, а, отдѣливъ ихъ вмѣстѣ съ грыбницею, находите подъ ними ту же безплодную почву; между тѣмъ на поляхъ, занятыхъ цвѣтковыми растеніями, удобреніе отъ увядшихъ растеній напластывается ежегодно цѣлымъ слоемъ. Независимо отъ этого цвѣтковыя растенія создаютъ въ самой почвѣ болѣе благопріятныя условія для развитія органической жизни. Поля, покрытыя лишаями, оставляютъ почву до такой степени сухою, что достаточно проѣхать по нимъ въ телегѣ два или три раза, чтобы образовалась дорога, которая сохранится на очень долгое время. Хвойные лѣса удерживаютъ въ почвѣ болѣе влаги и все таки они замѣчательны своей сухостью, а лиственные лѣса, обработанныя поля и луга до такой степени пропитываютъ почву влагою, что влага сохраняется въ ней и въ то время, когда освѣщенныя солнцемъ дороги испорошились въ мельчайшую пыль. Въ американскихъ преріяхъ при влажной погодѣ почва, разрыхленная цвѣтковыми растеніями, до такой степени пропитывается водой, что дѣлается непроѣздной, какъ болото. Даже количество рыбъ въ озерахъ увеличивается, смотря потому чѣмъ окружены озера; хвойные лѣса увеличиваютъ его гораздо менѣе, чѣмъ лиственные. Вслѣдствіе такого хода дѣла, земля, которая вначалѣ была весьма благопріятна для развитія организмовъ съ наименѣе солидарными органами, для водорослей и лишаевъ, процвѣтающихъ или прямо въ водѣ или на самыхъ сухихъ почвахъ, постепенно дѣлалась менѣе благопріятной для ихъ развитія и болѣе благопріятной для цвѣтковыхъ растеній, самымъ своимъ размноженіемъ удобряющихъ и

дренирующихъ почву и способствующихъ болѣе правильному и повсемѣстному распредѣленію влаги.

И такъ первое условіе въ ходѣ развитія органической жизни заключается въ томъ, что развитіе начинается съ мѣнѣе солидарныхъ организмовъ, которые подготовляютъ благопріятныя условія для болѣе солидарныхъ, высшихъ организмовъ, исчезаютъ и замѣняются ими. Не дурной эпизодъ въ этой области представляетъ отношеніе лишаевъ къ хвойнымъ. Въ неблагопріятныхъ условіяхъ лишаи рѣшительно господствуютъ; они не только покрываютъ почву, но даже тамъ гдѣ хвойнымъ удалось пустить свои корни, деревья увядаютъ и лишаи покрываютъ ихъ сплошь, замѣняя собою и листья, и кору и шишки. Когда же почва вѣковымъ удобреніемъ улучшилась, распредѣленіе влаги сдѣлалось болѣе правильнымъ, появляются прекрасные и здоровые экземпляры хвойныхъ; лишаи исчезаютъ и на ихъ мѣстѣ показываются растенія болѣе совершеннаго типа. Когда почва суха, то лишаи растутъ, а хвойные сохнутъ; въ водѣ водоросли растутъ, а хвойные гніютъ, что вы ясно видите по ихъ неестественно разбухшимъ клѣточкамъ при поперечномъ разрѣзѣ. Когда почва дренируется, то она дѣлается слишвлажной для лишаевъ и слишкомъ сухой для водорослей. Лишаи гніютъ а водоросли сохнутъ; и тѣ и другія превращаются въ удобреніе для хвойныхъ, которые уже не сохнутъ и не гніютъ, а процвѣтаютъ.

Рядомъ съ этимъ идетъ другое явленіе. Организмы, развивая свои органы, открываютъ себѣ этимъ возможность существовать при такихъ условіяхъ, при которыхъ они, безъ такихъ органовъ, или съ менѣе развитыми органами не могли существовать. Этимъ объясняется почему организмомъ утрачивается его солидарность ради развитія его органовъ. Амебондъ, изъ котораго развивается человѣкъ, обладаетъ несомнѣнно болѣе высокой степенью солидарности, но эти амебонды погибаютъ немедленно въ той средѣ, въ которой человѣкъ процвѣтаетъ. Такая неизбѣжная гибель конечно происходитъ отъ его вѣковѣчнаго паразитизма, но за то же и паразитизмъ этотъ прямо объясняется тѣмъ, что зародышъ не могъ существовать тамъ, гдѣ существовалъ развитой ор-

ганизмъ. Если вы будете слѣдить за развитіемъ зародышей разныхъ организмовъ, то вы убѣдитесь, что зародышъ тотчасъ отдѣляется, какъ скоро онъ можетъ вести самостоятельную жизнь въ той средѣ, куда попадаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ организмомъ, въ которомъ развился. Стремленіе къ выдѣленію у клѣточекъ, изъ которыхъ происходитъ зародышъ, такъ велико, что онѣ въ громадномъ большинствѣ случаевъ выдѣляются и при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ самостоятельная жизнь для нихъ немыслима. Нельзя сказать прямо, что паразитизмъ зародыша въ развитомъ организмѣ принимаетъ тѣмъ большіе размѣры, чѣмъ совершеннѣе организмъ и чѣмъ медленнѣе его органы утрачиваютъ свою органическую солидарность. Существуетъ не рѣдко большая разница между степенью паразитизма зародышей у весьма близкихъ другъ къ другу видовъ, но это объясняется тѣмъ, что всякій развитой видъ имѣетъ только опредѣленно очерченный циклъ существованія. Каждый видъ для своего существованія нуждается въ сосуществованіи съ нимъ другихъ органическихъ видовъ и неорганическихъ формъ. Въ прежнихъ стадіяхъ развитія этого организма условія для него были конечно другими, у однихъ организмовъ измѣненіе условій отъ развитія было значительнѣе, у другихъ менѣе значительно, а потому и условія паразитизма зародышей у разныхъ видовъ стало различнымъ. Одинъ видъ насѣкомыхъ или рыбъ присовокупилъ первоначальный способъ размноженія т. е. воспроизведеніе новаго организма изъ себя къ развитію яйца и сдѣлался живородящимъ, а другой сталъ размножаться самостоятельно развивающимися яйцами или икрой. У низшихъ организмовъ способъ размноженія измѣняется иногда смотря по условіямъ, въ которыхъ они находятся: въ теплое время они размножаются однимъ путемъ, въ холодное другимъ; или одинъ путь, представляющій однѣ выгоды, является постояннымъ, а другой, представляющій другія, становится рѣдкимъ и случайнымъ. Это объясняетъ вамъ причину оплодотворенія и зарожденія.

Растительный организмъ самъ подготовляетъ благопріятныя условія для своего существованія, удобряя своими увядшими органами почву; но за то же онъ самъ и истощаетъ

эту почву своимъ ростомъ. Разъ почва начинаетъ истощаться, питательный матеріялъ оскудѣваетъ и происходитъ слѣдующее: старые листья и корни могутъ еще существовать и процвѣтать, но на точкахъ возрастанія организмъ начинаетъ вмѣсто сочныхъ, переполненныхъ хлорофиломъ листьевъ, вырабатывать листья болѣе нѣжнаго и слабаго сложенія, наконецъ, тонкія, какъ иглы тычинки. Сначала листья могли въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ имъ нужно, обращать углеродъ на развитіе тканей и питательныхъ соковъ, возмѣщая съ лихвою то, что они потребляли изъ обращающихся соковъ, они способствовали росту растенія, но когда они обратились въ лепестки и тычинки, пищи оказывалось недостаточно уже для нихъ самихъ, они сами потребляли свой углеродъ и выдѣляли углекислоту; ростъ растенія на этой точкѣ возрастанія прекращался. Когда то организмъ этотъ состоялъ изъ одной солидарной клѣточки, которая могла развиваться въ условіяхъ, встрѣчавшихся только очень рѣдко; поэтому лишь только оскудѣвалъ матеріялъ для ея развитія, она принимала такую форму, въ которой она могла существовать долгое время безъ всякаго развитія. Эта рутина клѣточекъ возрождалась въ нихъ при оскудѣніи матеріяла. Вы видите, что сѣмя измѣняется смотря по развитію органовъ, такъ что оно воспроизводитъ растеніе въ томъ самомъ совершенномъ видѣ и съ органами той степени развитія, на которой оно произошло; измѣняется оно преимущественно чрезъ измѣненіе питательнаго вещества, окружающаго зародышъ. Отсюда вы видите прямо тотъ путь, какимъ образовалось сѣмя. Въ тѣ времена, когда органы организма были неизмѣримо менѣе развиты, въ организмѣ съ оскудѣніемъ матеріяла для развитія органовъ матеріялъ этотъ оставался просто въ недоразвитомъ, сухомъ видѣ, окружалъ солидарныя клѣточки и отдѣлялся, чтобы, носясь по волѣ стихій, выжидать, подобно цистированному организму, то время, или то мѣсто, гдѣ явятся для развитія благопріятныя условія. Такъ образовалась рутина завязи и поддерживадась тѣмъ, что питательный матеріялъ, создаваемый гніеніемъ увядшихъ растеній порождался не тотчасъ по завяданіи растенія, а черезъ нѣкоторое время, такъ что сѣ-

мени нужно было перенестись на другое мѣсто, гдѣ перегной уже успѣлъ образоваться.

У одноклѣтныхъ растеній цвѣтокъ развивается на точкѣ конечнаго развитія т. е. на той, до которой питательному матерьялу всего труднѣе достигать. Чашечка и завязь еще создаются клѣточками, порождающими хлорофилъ, хотя листочки чашечки болѣе мелки и менѣе сочны, чѣмъ листья. Лепестки вѣнчика отличаются отъ листьевъ своимъ нѣжнымъ сложеніемъ, недолговѣчностью и быстрымъ увяданіемъ; при этомъ наружные листья показываютъ признаки лучшаго питанія, внутренніе меньше и слабѣе, иногда на нихъ весьма явственно развиваются тычинки по мѣрѣ ихъ ослабленія, пока, наконецъ, они не дѣлаются нитевидными съ булавовидной тычинкой на концѣ. Цвѣтковыя растенія еще до такой степени малосолидарные организмы, что въ благопріятное время не рѣдко разныя ихъ части могутъ отдѣляться, пускать новые корни и создавать изъ себя новыя растенія, но для неблагопріятнаго времени господствуетъ размноженіе сѣменами. У низшихъ организмовъ первый органъ, т. е. оболочка, создается въ значительной степени просто тѣмъ, что подъ вліяніемъ окружающей его внѣшней, газообразной среды нѣкоторыя изъ химическихъ тѣлъ, входящихъ въ составъ организма, улетучиваются быстрѣе другихъ, оболочка дѣлается болѣе твердой и начинаетъ отличаться по химическому своему составу отъ содержимаго клѣточки. Такое образованіе органа можно назвать постепеннымъ его умираніемъ. Но за то же подъ его защитою организмъ можетъ обильнѣе питаться и быстрѣе расти, такъ какъ онъ отдѣленъ отъ окружающей внѣшней среды и она не отнимаетъ уже у него необходимыхъ для его образованія химическихъ тѣлъ. Затѣмъ, къ этимъ утратамъ внѣшней оболочки присоединяется преимущественное сосредоточеніе въ ней извѣстныхъ органическихъ тѣлъ, поглощаемыхъ организмомъ: оболочка дѣлается еще болѣе твердой, непроницаемой и нечувствительной, упадокъ солидарности, умираніе доводится въ ней до степени еще болѣе высокой. Въ человѣческомъ организмѣ постепенное уменьшеніе быстроты развитія идетъ рука объ руку съ постепеннымъ огрубѣніемъ и омертвѣніемъ клѣтокъ

и въ особенности образуемаго клѣтками межклѣтнаго вещества.

Когда изъ клѣточки выростаетъ другая, вполнѣ ей подобная, тогда солидарность между этими двумя клѣточками окончательно прекращается, но за то же каждая изъ клѣточекъ остается вполнѣ солидарной сама съ собою. Если организмъ составился изъ нѣсколькихъ клѣточекъ, еще не успѣвшихъ отдѣлиться, то можетъ случиться, что однѣ изъ этихъ клѣточекъ придутъ въ соприкосновеніе съ внѣшней средой одного, необходимаго для нихъ, питательнаго состава, а другія другого, однакоже столь же необходимаго для нихъ состава, однѣ сдѣлаются органомъ питанія, желудкомъ, — органомъ всасывающимъ питательную жидкость изъ земли; другія органомъ дыханія, поглощающимъ газы. При этомъ внутренняя солидарность этихъ клѣточекъ остается на такой степени совершенства, что лишь только клѣточка попадетъ въ условія, благопріятныя для всесторонняго развитія, напр., когда воздушная клѣточка внѣдряется въ землю, начинается ея развитіе въ самостоятельный организмъ и полное отдѣленіе. Эти два рода низшей степени солидарности органовъ организма прямо противоположны другъ другу. Въ первомъ случаѣ солидарность имѣетъ низшую степень развитія потому, что самое образованіе органа есть ничто иное, какъ быстрое его умираніе; во второмъ высокая степень слабости этой солидарности зависитъ отъ высокой степени солидарности внутри самой клѣточки; въ сущности это уже не органъ, а самостоятельный организмъ, который ожидаетъ только благопріятныхъ условій для проявленія своей самостоятельной жизни.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Послѣдствія возрастающей медленности въ утратѣ органической солидарности высшими организмами. Замѣна орудій, выробатываемыхъ организмомъ изъ себя внѣшними орудіями. Утрата клѣточками внутренней своей солидарности въ пользу солидарности съ организмомъ. Возрастающее стремленіе организма сохранить свою солидарность съ отдѣлившимися зародышами своими.

Клѣточка, способная при благопріятныхъ условіяхъ дать самостоятельный и вполнѣ развитой организмъ стремится къ тому же и при условіяхъ неблагопріятныхъ. Всякому извѣстно прорастаніе картофеля въ погребныхъ ямахъ, онъ создаетъ длинныя нити, на которыхъ нанизаны клубни, напрасно усиливаясь найди мѣсто, гдѣ бы онъ могъ дать воздушный побѣгъ; клѣточки этого побѣга подсыхаютъ, не находя себѣ пищи. Подобнымъ же образомъ у однолѣтняго растенія развивается листъ: на стеблѣ развивается и дѣлится клѣточка въ такихъ условіяхъ, при которыхъ она не можетъ получить полной самостоятельности, такъ какъ воздушное положеніе листа вынуждаетъ его къ одностороннему развитію; онъ можетъ воспринимать пищу только изъ воздуха, а не изъ земли. Но за тоже онъ получаетъ недостающую ему питательную жидкость отъ корней чрезъ посредство стебля. Вслѣдствіе этого онъ не отдѣляется и вмѣсто того, чтобы создать изъ себя самостоятельное растеніе, превращается въ органъ

растенія, который развивается до тѣхъ поръ, пока условія для его развитія благопріятны, а затѣмъ увядаетъ; потому что превратившись въ органъ и укоренивши въ себѣ извѣстную одностороннюю вѣковѣчную рутину, онъ утратилъ уже способность воспроизведенія изъ себя цѣлаго организма.

Листъ, развиваясь въ обыкновенныхъ условіяхъ, слѣдуетъ общей судьбѣ всякаго органическаго развитія. Изъ механическихъ и химическихъ условій его роста прямо вытекаетъ постепенное загрубѣніе его клѣтокъ, приводящее къ упадку солидарности, къ постепенному омертвѣнію и наконецъ къ превращенію въ неорганическое тѣло. На конечныхъ точкахъ возрастанія организма дѣло измѣняется. Тамъ ростъ клѣточки встрѣчаетъ препятствіе отъ недостатка питанія уже въ то время, когда внутренняя солидарность клѣточекъ еще только начинаетъ утрачиваться, а способность каждой клѣточки къ веденію самостоятельной жизни еще только начинаетъ прекращаться. Въ такихъ условіяхъ въ клѣточкѣ сильно возбуждается стремленіе къ отдѣленію и къ веденію самостоятельной жизни. Стремленіе къ развитію борется въ ней съ стремленіемъ къ самостоятельной жизни и къ тому подсыханію, которое создаетъ изъ клѣточекъ сѣмя, цисту и т.п. Отсюда слѣдующее: когда листъ получилъ такое положеніе, что его питаніе дѣлается все болѣе недостаточнымъ онъ превращается въ лепестокъ, который именно по причинѣ слабаго своего питанія вянетъ и опадаетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ листъ. Дальнѣйшій за лепесткомъ лепестокъ дѣлается тычинкой, его солидарныя клѣточки отъ недостатка питанія засыхаютъ и превращаются въ пыльцу, но, происходя отъ солидарныхъ клѣточекъ листа, онѣ вмѣстѣ съ ними успѣли уже путемъ вѣковѣчной рутины утратить способность къ самостоятельному развитію, такъ что подобно листу не могутъ развиться и тогда, когда подобно листу попадутъ въ среду, гдѣ могутъ дать и воздушные и подземные побѣги. Въ то время какъ солидарныя клѣточки листьевъ утрачиваютъ свойство образовать корень, солидарныя клѣточки стебля сохраняютъ два свойства: съ одной стороны питать клѣточки листа, а съ другой въ большей или

меньшей степени образовать корень. Извѣстно, что есть стебли, которые можно прямо посадить въ землю, и они создадутъ корень. Эта способность питать листъ и создавать корень и проявляется въ конечной точкѣ стебля, когда чрезъ ослабленіе питанія онъ превращается въ завязь. Когда на устье завязи попадаетъ пыльца, тогда, благодаря способности завязи питать эту пыльцу, она прорастаетъ и соединяется съ женскими клѣточками и съ питательнымъ запасомъ, созданнымъ, такъ сказать, путемъ подсыханія. Подсыханіе, порождаемое недостаточностью питанія, и приводитъ сѣмя въ то состояніе, въ которомъ оно можетъ выжидать благопріятныхъ для своего развитія условій иногда въ теченіе столѣтій, что, конечно, было необходимо въ тѣ первоначальныя времена, когда эти условія являлись для него слишкомъ рѣдко.

У многочисленныхъ растеній иногда мужской цвѣтокъ, развиваясь при ослабленіи питанія осенью, переживаетъ зиму а женскій развивается весной, когда питаніе еще слабо и до появленія листьевъ. Отсюда выходитъ, что появленіе мужскихъ и женскихъ органовъ оплодотворенія и необходимость совокупленія для порожденія новаго организма является результатомъ превращенія клѣточекъ, обладающихъ высокой степенью самостоятельной солидарности, въ органы, при чемъ онѣ утрачиваютъ долю этой солидарности въ пользу усиленія связи съ тѣмъ организмомъ, отъ котораго произошли. Дальнѣйшій шагъ къ утратѣ самостоятельной солидарности въ образующихъ органы клѣточкахъ заключается въ томъ, что онѣ, сохраняя способность самостоятельно развивать изъ себя органъ, окончательно утрачиваютъ способность воспроизводить цѣлый организмъ. На замирающемъ при неблагопріятныхъ условіяхъ стволѣ дерева, клѣточка, изъ которой развивается листъ, попадая въ условія благопріятныя для своего развитія, можетъ произвести изъ себя листъ и тогда, когда дерево продолжаетъ замирать, напр. если вы одну изъ вѣтокъ, засыхающаго отъ недостатка свѣта дерева, поставите въ условія, при которыхъ она будетъ освѣщаться солнцемъ, то вы можете достигнуть того, что вѣтка дастъ листья. Сравнивая листья съ лишаями, ко-

торые растутъ на стволѣ дерева, вы можете сказать, что листъ своеобразный, самостоятельный организмъ, который, подобно лишаю. паразитируетъ на стволѣ; разница между ними въ томъ, что листъ не пользуется всецѣло вырабатываемымъ имъ питательнымъ матеріяломъ и частью онаго мѣняется съ стеблями и корнями, а выдѣленія лишая вовсе не пригодны для такой цѣли; поэтому для лишая стволъ дерева составляетъ такую же почву, какъ и всякая неорганическая почва, и въ немъ не можетъ произойдти деградаціи въ способности самостоятельно солидарныхъ клѣточекъ къ воспроизведенію новаго организма; у него происходитъ деградація только въ органахъ питанія; они лишаются способности подобно дереву самостоятельно вырабатывать изъ земли нужныя имъ питательныя жидкости. Для клѣточки же листа дерево съ самаго начала не утратило свойства необходимаго дополненія для полной самостоятельности ея внутренней солидарности, а потому она уже съ самаго начала потерпѣла деградацію въ способности воспроизведенія. Клѣточки, создавшія дерево, ужь при самомъ его возникновеніи совокуплялись и дѣлились такъ, что для воспроизведенія новаго организма имъ нужно было снова совокупиться и дополнить другъ друга.

Если листъ имѣетъ такое положеніе, что его клѣточки могутъ производить излишекъ питательнаго вещества для обмѣна съ обращающимся сокомъ, онъ и будетъ функціонировать, какъ органъ, пока какая либо болѣе или менѣе внезапная причина (засуха, морозъ) не прекратятъ его дѣятельности. Наклонность къ отдѣленію въ качествѣ будущаго самостоятельнаго организма проявляется въ немъ только при условіяхъ роста, возрождающихъ вѣковѣчную рутину такого отдѣленія. Лепестокъ и тычинка изъ питающаго дерево листа превращаются въ клѣточки, получившія свойство чужеядныхъ грибовъ и пр., поглощающихъ кислородъ и выдѣляющихъ углекислоту. Они утрачиваютъ свойство органа, въ нихъ остается только одно свойство самостоятельныхъ клѣточекъ, но остается въ деградированномъ видѣ.

Если мы теперь перейдемъ къ животнымъ организмамъ,

то мы встрѣтимся тамъ съ тѣми же самыми началами существованіи и развитія, но съ тѣми видоизмѣненіями, которыя внесены особыми условіями существованія животныхъ, нуждающихся въ большомъ развитіи общаго мышленія съ цѣлью получать понятіе о внѣшнихъ и отдаленныхъ предметахъ и организмахъ, служащихъ имъ пищею. И они вначалѣ состоятъ изъ клѣточекъ вполнѣ солидарныхъ, но за то же и вполнѣ единообразно впечатлительныхъ. Это единообразіе впечатлительности дѣлаетъ связь между ними излишнею; они образуютъ изъ себя цѣпочки, комочки и тотчасъ дѣлятся ради удобства питанія. Такое состояніе заключаетъ въ себѣ минимумъ способности къ развитію и максимумъ отсутствія органической солидарности между двумя клѣточками. Клѣточка только что начнетъ развиваться подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, какъ дѣлится, переходитъ въ первоначальное свое состояніе и развитіе начинается опять сначала. За тѣмъ онѣ образуютъ изъ себя два рода органовъ: одни отличаются крайне быстрымъ омертвѣніемъ, другіе крайне высокой самостоятельной солидарностью; связь между тѣми и другими и организмомъ крайне слабая. По этой причинѣ подобные низшіе организмы иногда очень трудно ловить и еще труднѣе сохранять. Ктенофора Эмольція при малѣйшемъ неосторожномъ къ ней прикосновеніи лишается нитей, которыми захватываетъ добычу, мерцающія пластинки обрываются и эктодерма сдирается; наконецъ она распадается въ дребезги. Клѣточки низшихъ организмовъ вообще очень легко отдѣляются и превращаются или въ неорганическую матерію или въ самостоятельные организмы. Способность самостоятельно солидарныхъ клѣточекъ отправлять всѣ функціи организма такъ велика, что вы можете его вывернуть на изнанку: клѣточки желудка станутъ отправлять функціи внѣшней впечатлительности, клѣточки внѣшнихъ впечатлѣній станутъ дѣлать дѣло желудка. Вы можете его разрѣзать: клѣточки воспроизведутъ его снова въ цѣлости.

У организмовъ, способныхъ къ болѣе высокому развитію, органическая связь закрѣпляется во всѣхъ направленіяхъ;— органы, образующіеся путемъ омертвѣнія, медленнѣе утра-

чиваютъ свойства вполнѣ живыхъ органическихъ клѣточекъ, органы, образующіеся изъ солидарныхъ клѣточекъ, утрачиваютъ полноту своей внутренней солидарности въ пользу закрѣпленія связи съ цѣлымъ организмомъ. На низкихъ ступеняхъ своего развитія организмъ вырабатываетъ изъ органовъ, образующихся путемъ омертвѣнія, для себя орудія. Паукъ вырабатываетъ изъ клѣточекъ собственнаго организма паутину, шелковичный червь коконъ, пчела изъ собственнаго организма выдѣляетъ воскъ, который превращается въ чашку для помѣщенія меда съ дѣткой; многіе организмы вырабатываютъ клейкія жидкости, которыя служатъ имъ цементомъ, другіе ядъ для борьбы съ врагами и пр. Наклонность вырабатывать орудія изъ собственнаго своего организма не только не проявляетъ большаго совершенства у высшихъ животныхъ, но постепенно исчезаетъ. Нѣтъ ни одного животнаго, которое бы пользовалось такимъ громаднымъ количествомъ орудій, какъ человѣкъ, но всѣ свои орудія онъ беретъ изъ внѣшняго міра; онъ не вырабатываетъ изъ себя даже шерсти для своего огражденія отъ вліяній температуры, а замѣняетъ ее внѣшнимъ орудіемъ—одеждой. Такимъ образомъ онъ уменьшаетъ количество клѣточекъ и органовъ, происходящихъ путемъ омертвѣнія до минимума и, разумѣется, этимъ значительно задерживается быстрота упадка органической солидарности вообще.

Тоже можно сказать и о самостоятельно солидарныхъ клѣточкахъ. Способность извѣстныхъ клѣточекъ воспроизводить цѣлые органы, подобная способности извѣстныхъ клѣточекъ дерева воспроизводить листъ, существуетъ и у низшихъ организмовъ. Низшіе организмы обладаютъ такъ называемымъ метамернымъ сложеніемъ; они кажутся цѣпью, сосдоящей изъ отдѣльныхъ организмовъ, связанныхъ между собою; въ такомъ видѣ они напоминаютъ цѣпочки еще менѣе сложныхъ организмовъ, которые распадаются на отдѣльные организмы и начинаютъ самостоятельное существованіе, но даже для низшихъ колчатыхъ червей такое распаденіе невозможно. Всѣ эти признаки высокой самостоятельности клѣточекъ постепенно, но неравномѣрно исчезаютъ по мѣрѣ того, какъ мы восходимъ отъ низшихъ организмовъ къ выс-

шимъ. Вначалѣ самостоятельная способность клѣточекъ воспроизводить изъ себя цѣлые органы такъ велика, что не только оторванные органы снова выростаютъ, но существуетъ метаморфоза, при которой создается цѣлая система органовъ не существовавшихъ у личинки. Низшіе организмы набираютъ питательное вещество, цистируются и превращаютъ его чѣмъ то въ родѣ вторичнаго перевариванія въ нѣсколько новыхъ организмовъ; личинка набираетъ питательное вещество, дѣлается куколкой и вырабатываетъ изъ этого вещества тѣмъ же путемъ уже не новые организмы, а новые органы того же организма. У высшихъ организмовъ способность развитія подчиняется все болѣе вліянію общаго мышленія организма и самостоятельная дѣятельность въ этомъ направленіи отдѣльныхъ клѣточекъ ослабляется. Метамеры высшихъ организмовъ утрачиваютъ способность воспроизводить вполнѣ солидарныя клѣточки, изъ которыхъ могутъ разростаться новые организмы, даже въ томъ не совершенномъ видѣ, когда однѣ клѣточки представляютъ изъ себя только мужской, а другія только женскій элементъ.

Чѣмъ дѣятельнѣе органъ, чѣмъ болѣе онъ получаетъ ради потребностей общаго мышленія внѣшнихъ и внутреннихъ впечатлѣній, тѣмъ болѣе связь его съ организмомъ остается крѣпкой на счетъ его внутренней самостоятельности. Мы уже выше замѣтили, что клѣточки, изъ которыхъ развивается зародышъ, принадлежатъ къ тѣмъ клѣточкамъ, которыя обнаруживаютъ наименьшую дѣятельность подъ вліяніемъ общаго мышленія организма, поэтому онѣ остаются въ своемъ состояніи первобытнаго неразвитія, но за то же въ самой высокой степени сохраняютъ внутреннюю свою солидарность. Область этихъ клѣточекъ все болѣе съуживается по мѣрѣ того, какъ мы будемъ восходить отъ низшихъ къ высшимъ организмамъ. Часть тѣла, наиболѣе подвергающаяся всякаго рода впечатлѣніямъ внутреннимъ и внѣшнимъ, посредственнымъ и непосредственнымъ, составляетъ голову; но за то же она болѣе другихъ утрачиваетъ свою метамерность, а ея клѣточки самостоятельность своей солидарности. Въ то время когда у рыбъ органы воспроизведенія, молоки

и икра располагаются вдоль всей внутренней полости тѣла, голова уже вполнѣ изъята отъ этихъ продуктовъ. Если принять въ соображеніе, что внѣшнимъ впечатлѣніямъ подвергаются не только внѣшнія части тѣла, но желудокъ, жабры, легкія, нервы и пр., то окажется, что въ метамерахъ положеніе органовъ, производящихъ половыя клѣточки, находится именно тамъ, куда внѣшнимъ впечатлѣніямъ посредственнымъ и непосредственнымъ всего труднѣе проникнуть. Они размѣщаются вдоль дорсальныхъ стѣнокъ брюшной полости и все таки происходятъ отъ эктодермы, мѣсто ихъ въ полости между органами, работающими подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній и на ряду съ органами выдѣленія т. е. тѣми, которые всего менѣе участвуютъ въ работѣ организма надъ своими впечатлѣніями, а заняты выдѣленіемъ излишняго.

Такое положеніе есть уже признакъ высшей организаціи; у низшихъ организмовъ, плодящихся почкованіемъ, почки образуются на внѣшней, подвергающейся впечатлѣніямъ, сторонѣ организма. Это естественно для организмовъ, гдѣ солидарность между клѣточками еще слабо скрѣплена разнородной впечатлительностью и взаимной помощью органовъ, гдѣ клѣточки могутъ отправлять всякаго рода функціи и при случаѣ вырабатывать изъ себя совершенно самостоятельный организмъ. У высшихъ организмовъ и у человѣка область, въ которой вырабатываются яйца и живчики до того сокращается, что освобождаетъ отъ себя всѣ верхнія метамеры и сосредоточивается въ тазовой полости. Въ то время когда количество икры, выдѣляемое рыбой иногда равняется третьей части ея вѣса, женщина выдѣляетъ самое ничтожное количество яицъ во время оплодотворенія.

Дальнѣйшимъ развитіемъ этого хода дѣла, при которомъ организмъ тѣмъ болѣе старается закрѣпить связь свою съ самостоятельными клѣточками, чѣмъ совершеннѣе его организація, (хотя не равномѣрно) является стремленіе организма создать подобную же связь между собою и уже вполнѣ отдѣлившимися своими самостоятельными клѣточками. Это стремленіе порождается изъ того же самаго источника. Об-

щее мышленіе животнаго организма сначала вырабатываетъ себѣ органы для того, чтобы получать необходимое ему понятіе о внѣшнихъ предметахъ, а за тѣмъ старается изъ другихъ организмовъ своего вида создать себѣ нѣчто въ родѣ органовъ или орудій, которые расширяютъ это необходимое ему понятіе. Рыбы представляютъ собою по большей части организмы, солидарность которыхъ стоитъ на низкой степени. Для характеристики можно привести слѣдующій фактъ. Изъ икры вырабатывается зародышъ, какъ и у другихъ животныхъ, съ огромной головой и растетъ чрезвычайно быстро:—въ первый годъ щука достигаетъ величины 6 вершковъ, чебакъ или плотва двухъ, но по достиженіи половой зрѣлости щука увеличивается только на одну восемнадцатую своей длины, а чебакъ на одну шестнадцатую. Въ пищѣ рыбы нуждаются такъ мало, что при отсутствіи пищи въ теченіе недѣль онѣ до того мало уменьшаются въ своемъ вѣсѣ, что рыбаки долго держатъ въ садкахъ дорогую рыбу и не кормятъ ее, потому что расходъ на пищу далъ бы убытокъ. Пища рыбы преимущественно идетъ на ростъ, но въ то время, когда ростъ рыбы увеличивается такъ незначительно, какъ указано выше, половые продукты, образующіеся въ рыбѣ, доходятъ въ годъ до четвертой части ея вѣса и болѣе. Ясно, что большая часть принимаемой рыбою пищи идетъ на питаніе не тѣхъ клѣточекъ, которыя сохранили свою солидарность съ организмомъ, а тѣхъ, которыя окончательно ее разорвали, про которыя вѣрнѣе всего сказать, что онѣ паразитируютъ въ ней. Дѣятельность организма можетъ быть при такомъ условіи сравнительно только ограниченной. Выпустивъ и оплодотворивъ икру рыба смотритъ на нее, какъ на нѣчто вполнѣ ей чуждое и при случаѣ питается своимъ дѣтищемъ, и все таки уже у рыбъ весьма развиты привычки стадности.

Когда животное видитъ, какъ другое животное того же вида питается, оно спѣшитъ туда, гдѣ находилось это животное, предполагая, что тамъ есть пища; если оно видитъ что другое животное того же вида спасается бѣгствомъ и оно спѣшитъ укрыться, предполагая, что появилась невидимая ему опасность. Такія не мудреныя заключенія побуж-

дают животное интересоваться особями своего вида более чѣмъ другими животными и порождают стадность, при которой одно животное подражаетъ другому, какъ авторитету, предполагая, что движенія этого животнаго проистекают изъ усмотрѣнія такой пользы или опасности, которыя ему еще незамѣтны. Этимъ путемъ у рыбъ стадность порождается съ перваго дня ея самостоятельнаго существованія и въ первое стадо связываются особи, происшедшія на одномъ и томъ же мѣстѣ изъ той же икры; поэтому такъ часто встрѣчается, что цѣлое стадо рыбъ принадлежитъ одному и тому же возрасту.

У низшихъ животныхъ и у растеній организмомъ, клѣточки котораго наиболѣе сохраняютъ свою самостоятельную солидарность, является женскій организмъ. Онъ часто и долго можетъ вполнѣ воспроизводить свой собственный видъ почти не нуждаясь въ совокупленіи съ мужскимъ, иногда роль мужского организма можно просто замѣнить неорганизованными химическими соединеніями. Женскій организмъ является главнымъ, мужской побочнымъ; иногда случалось что мужской организмъ долгое время оставался неприведеннымъ въ извѣстность. Даже еще у рыбъ по большей части преобладаетъ число женскихъ организмовъ и при оплодотвореніи икры на нѣсколько женскихъ организмовъ является одинъ мужской, но бываетъ и прямо наоборотъ: при большой плодовитости самки икру одной самки оплодотворяетъ нѣсколько самцовъ. Разъ вы хотите разъяснить себѣ принципы развитія организмовъ, вы никогда не должны упускать изъ виду, что у самыхъ низшихъ организмовъ не только клѣточка воспроизводитъ вполнѣ подобную ей клѣточку, а инфузорія воспроизводитъ вполнѣ подобную ей инфузорію т. е. организмъ со всѣми своими органами воспроизводитъ самъ себя вполнѣ. Внутренняя самостоятельность клѣточекъ проявляется не только въ воспроизведеніи самихъ себя, но и въ воспроизведеніи органовъ и цѣлыхъ организмовъ. Поэтому на всѣхъ ступеняхъ органическаго совершенства встрѣчаются напр. живородящіе и всѣ выведенныя выше основоначала органическаго развитія претерпѣвютъ видоизмѣненія отъ вышеизложенной способности и окажутся вѣрными

только если принимать ее въ соображеніе. Развитіе такого сложнаго организма, какъ у человѣка, является лишь препятствіемъ такому простому ходу дѣла, какъ у инфузоріи, а полипнякъ становится прообразомъ стадности.

Такое положеніе, какъ у рыбъ, мы встрѣчаемъ даже у людей на низкой степени развитія, гдѣ одновременно существуетъ и полигамія и многомужіе. Но рядомъ съ этимъ обнаруживается слѣдующій ходъ развитія. Если мы постараемся разгадать какія измѣненія могъ претерпѣть организмъ, напр. человѣкъ, начиная отъ того времени, когда онъ былъ одноклѣтнымъ организмомъ, то намъ прійдется взяться за дѣло слѣдующимъ образомъ. Мы уже видѣли, что разъ утраченная организмомъ солидарность никогда не можетъ возродиться,—иначе организмы могли бы жить вѣчно, слѣдовательно всѣ предки человѣка утрачивали, создавая себѣ органы, свою органическую солидарность также медленно, какъ и человѣкъ. Въ чемъ же заключалось развитіе организма? Человѣкъ упражняя свой глазъ, можетъ значительно усовершенствовать его впечатлительность;—если это упражненіе будетъ продолжаться нѣсколько поколѣній, то отсюда можетъ произойти сравнительно весьма совершенный глазъ. Но самый совершенный и самый несовершенный глазъ человѣка въ своемъ развитіи, благосостояніи и процвѣтаніи находятся въ одинаковой степени зависимости отъ организма, къ которому они принадлежатъ и потому солидарная связь и того и другого глаза съ организмомъ одинакова. На низшей ступени своего развитія организмъ изъ котораго произошелъ человѣкъ, долженъ былъ, судя по его зародышу и развитію этого зародыша, имѣть весьма несовершенные органы, но степень ихъ солидарной связи съ организмомъ была такая же. По мѣрѣ того, какъ органы развивались, организмъ разширялъ предѣлы, въ которыхъ онъ могъ существовать. Вѣроятно въ началѣ предѣлъ существованія предковъ человѣка былъ уже того предѣла, въ которомъ существуютъ наиболѣе рѣдкія изъ обезьянъ, такъ какъ обезьяна можетъ вырабатывать себѣ одновременно и ограждающую ее отъ вліяній температуры шерсть и прекрасные зубы и кости; а человѣкъ, повидимому, можетъ вырабаты-

вать себѣ шерсть только на счетъ достоинства своихъ зубовъ и костей. Шерсть на человѣкѣ есть болѣзнь, связанная съ упадкомъ солидарности. Теперь человѣкъ открылъ себѣ возможность существованія всюду на сушѣ земного шара. Но каково было положеніе его зародыша во время такого развитія органовъ?

Если организмъ, благодаря развитію своихъ органовъ, перенесенъ въ такую среду, въ которой его вполнѣ солидарныя клѣточки т. е. зародыши, не могутъ существовать самостоятельно и въ особенности, если вмѣстѣ съ развитіемъ органовъ внутренняя солидарность зародышевыхъ клѣточекъ потеряла деградацію и онѣ раздѣлились на мужскія и женскія, то отдѣленіе этихъ клѣточекъ, разумѣется, уже не можетъ происходить съ прежней легкостью вездѣ и всюду, гдѣ существуетъ организмъ. Для такого отдѣленія долженъ установиться особый, новый рутинный путь. Прежде всего вначалѣ всѣ клѣточки организма, кромѣ умирающихъ, размножаясь дѣленіемъ, превращаются въ органы; только по достиженіи, такъ называемой, половой зрѣлости, когда упадокъ общей органической солидарности уже значительно подвинулся впередъ, появляются клѣточки на столько самостоятельно солидарныя, что въ нихъ замѣчается стремленіе къ отдѣленію отъ организма. При возникновеніи своемъ всѣ клѣточки самостоятельно солидарны и обладаютъ свойствами такихъ клѣточекъ, напр. быстрымъ ростомъ; но онѣ постепенно утрачиваютъ свою солидарность, функціонируя въ качествѣ органовъ. Необходима извѣстная степень упадка солидарности въ организмѣ, чтобы въ нарождающейся клѣточкѣ угасло стремленіе создать изъ себя органъ. Стремленіе тѣмъ болѣе сильное, чѣмъ труднѣе клѣточкѣ послѣ отдѣленія вести самостоятельную жизнь. Отсюда новое условіе существованія. У рыбъ, напримѣръ, самостоятельно солидарныя клѣточки уже не способны къ самостоятельной жизни, а составляютъ икру или живчиковъ, которые сначала должны соединиться, прежде чѣмъ изъ нихъ можетъ произойдти самостоятельное животное, отсюда является новое затрудненіе къ выдѣленію. Между тѣмъ, если выдѣленіе не произойдетъ, то икра начнетъ гнить въ рыбѣ и заразитъ ее

смертельной болѣзнью. Ясно, что послѣ этого у клѣточекъ организма, окружающихъ самостоятельныя клѣточки, должно появиться стремленіе создавать изъ себя такіе продукты, которые бы ограждали ихъ отъ подобной заразы, а у самостоятельныхъ клѣточекъ воспользоваться этими новообразованіями для такого своего развитія, которое бы облегчало имъ возможность перейти къ самостоятельной жизни. Не нужно упускать изъ виду сказанное нами выше о томъ, что для того, чтобы изъ клѣточки прародителя могъ развиться человѣкъ въ этой клѣточкѣ должна была заключаться въ зародышѣ способность подъ вліяніемъ обращающейся человѣческой крови развить изъ себя человѣка со всѣми его органами. Чѣмъ выше организмъ, тѣмъ болѣе помянутыя два стремленія приводятъ къ слѣдующему.

Мы уже видѣли, что высшіе организмы отличаются отъ низшихъ именно тѣмъ, что органы ихъ способны къ болѣе высокой степени развитія; чѣмъ болѣе эти органы развиваются, тѣмъ болѣе они выводятъ организмъ изъ предѣловъ той среды, въ которой онъ могъ существовать первоначально и тѣмъ большаго развитія требуетъ зародышъ прежде, чѣмъ онъ сдѣлается способнымъ къ самостоятельной жизни. А потому у высшихъ организмовъ по сравненію съ низшими дѣло мѣняется въ томъ направленіи, что количество порождаемыхъ въ особенности женскимъ организмомъ самостоятельныхъ клѣточекъ уменьшается, а питаніе и развитіе этихъ клѣточекъ внутри органазма т. е. ихъ приспособленіе къ самостоятельной жизни увеличивается. Мы видѣли, что рыба производитъ массу икры, по сравненію съ нею птица производитъ уже ничтожное количество яицъ, но за то же она сначала раститъ это яйцо и накопляетъ въ немъ питательный матеріялъ, на счетъ котораго зародышъ могъ бы развиваться. Болѣе медленный упадокъ органической солидарности между организмомъ птицы и ея зародыша обнаруживается тутъ въ томъ, что вмѣсто множества самостоятельныхъ зародышей, которые, выходя изъ организма, питаются уже самостоятельно подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, тутъ создается одинъ зародышъ, который продолжаетъ питаться и развиваться на счетъ вещества созданнаго мате-

ринскимъ организмомъ; самостоятельная клѣточка замѣнилась питательнымъ веществомъ для нея. Подъ вліяніемъ этого вещества зародышъ развивается уже не въ томъ направленіи, которое укажутъ ему внѣшнія впечатлѣнія, а тѣмъ путемъ, какимъ организмъ вырабатывалъ себѣ органы подъ вліяніемъ внутреннихъ впечатлѣній и питательной жидкости. Мало этого: та же рутина, которая заставила однѣ клѣточки птицы вырабатывать матерьялъ для развитія зародыша, приводитъ другія клѣточки въ такое положеніе, что птица для нормальнаго состоянія своего организма должна высиживать яйцо. Отсюда выходитъ такой медленный упадокъ солидарности между птицей и ея цыплятами, что они остаются вмѣстѣ и съ перваго же дня существованія образуютъ стадо. Такимъ образомъ у птицъ является стадность болѣе совершеннаго вида, чѣмъ у рыбъ, ходящихъ стадами однолѣтокъ. Тутъ стадо составляется изъ особей всѣхъ возрастовъ, начиная отъ особей мужскаго пола наиболѣе энергическихъ, наблюдательныхъ и опытныхъ, и кончая самыми молодыми и неопытными.

Тутъ уже идетъ въ ходъ особенность мужскаго организма. Солидарность свою онъ утрачиваетъ медленнѣе женскаго, почти весь вырабатываемый организмомъ питательный матерьялъ идетъ у него на питаніе органовъ, а у женскаго значительная часть вырабатывается для зародышей. Поэтому мужской организмъ вообще дѣятельнѣе и способнѣе къ развитію, чѣмъ женскій. Въ стадѣ птицъ онъ уже можетъ выполнять истинное свое назначеніе; во время миграціи птицъ успѣхъ перелетовъ зависитъ отъ хорошаго знанія мѣстъ, на которыя слѣдуетъ перелетать постепенно; наиболѣе дѣятельные старые самцы обладаютъ въ этомъ случаѣ наибольшими свѣдѣніями и помимо своего желанія служатъ учителями для другихъ. Такимъ образомъ молодые научаются отъ старыхъ вить гнѣзда и т. д. Конечно тутъ логика стоитъ на низкомъ уровнѣ, такъ же, какъ при дѣятельности клѣточекъ; въ послѣднемъ случаѣ господствуетъ эмпирическое мышленіе, а въ первомъ не раціональное обученіе, а привычка подражанія.

Связь между вновь развившимся организмомъ и его матерью значительно увеличивается у млекопитающихъ. Вмѣсто того, чтобы подобно птицѣ накоплять питательный матерьялъ въ яйцѣ, млекопитающее питаетъ его внутри своего организма посредствомъ дѣтскаго мѣста, а за тѣмъ по выходѣ изъ организма дѣтеныша продолжительное время, между тѣмъ какъ у большинства птицъ онъ питается самостоятельно. Наконецъ у человѣка такая связь достигаетъ кульминаціоннаго своего пункта и тутъ мы можемъ подмѣтить новую сторону дѣла. Человѣкъ рождается въ состояніи большей безпомощности, чѣмъ какое либо другое животное. Эта безпомощность обусловливается сложностью и совершенствомъ человѣческихъ органовъ, доведеніе которыхъ до полнаго развитія требуетъ гораздо болѣе времени, чѣмъ у другихъ организмовъ. Въ теченіе первыхъ восьми лѣтъ своей жизни онъ вовсе не можетъ существовать своимъ трудомъ, а за тѣмъ еще долго нуждается въ помощи. Черезъ это мужчина, самецъ играетъ такую роль, какую онъ ни у одного вида животныхъ не играетъ. Факты относительно семейныхъ добродѣтелей самцовъ по большей части крайне искажены и преувеличены. Собака составляетъ одно изъ самыхъ совершенныхъ млекопитающихъ, однако всякому наблюдательному охотнику извѣстно, что самка собаки отдается безъ малѣйшаго разбора всякому самцу, который явился въ моментъ, когда потребность въ ней получила полное развитіе. Отсюда вытекаетъ полное безучастіе самца къ щенятамъ и то обстоятельство, что половой подборъ по отношенію къ дворняжкамъ, гдѣ онъ производится безъ вмѣшательства человѣка, не порождаетъ и тѣни усовершенствованія породы или организаціи. Я не буду говорить о томъ, гдѣ и въ чемъ самецъ разныхъ видовъ является или невольнымъ учителемъ, или врагомъ, поѣдающимъ отъ него же зародившееся молодое поколѣніе; во всякомъ случаѣ его роль по сравненію съ ролью мужчины ничтожна.

Вслѣдствіе безпомощности дѣтей порождается многолѣтнее сожительство ихъ съ родителями. Животное питаетъ своихъ дѣтей своимъ молокомъ, медомъ и пр., а иногда и кормитъ ихъ, но все это очень не продолжительное время; въ ре-

зультатѣ привычка быть вмѣстѣ и подражать другъ другу порождаетъ стадо, учрежденіе глубоко инстинктивное. Человѣкъ не только кормитъ своего ребенка собственнымъ молокомъ, но и послѣ этого годы питаетъ его плодами своихъ трудовъ. Такое отношеніе къ своимъ дѣтямъ порождаетъ въ человчествѣ съ перваго дня его существованія привычки, идеи, чувства и потребности коммунизма. У самки молоко, у пчелы медъ вырабатываются помимо ихъ воли,— общимъ мышленіемъ создается только нормальный исходъ для этихъ продуктовъ; человѣкъ же кормитъ своимъ трудомъ своего ребенка годы вслѣдствіе вполнѣ сознательнаго коммунистическаго склада своихъ мыслей, и тутъ же научается понимать, что исконное стремленіе его организаціи побуждаетъ его не къ враждѣ, не къ эксплуатаціи и не къ преслѣдованію человѣка человѣкомъ, а къ союзу и солидарности интересовъ. Изъ привычки сожительства между дѣтьми и родителями рождается первый человѣческій союзъ — союзъ родовой. Этотъ союзъ уже съ первыхъ зачатковъ своего существованія отличается отъ стада тѣмъ, что въ основаніи у него лежитъ не инстинктивное подражаніе, а сознательное пониманіе выгодъ общей жизни и взаимнаго содѣйствія.

Чтобы понять громадную разницу въ этомъ отношеніи между стадомъ и родовымъ союзомъ стоитъ вспомнить, что человѣкъ для того, чтобы открыть своему союзу путь раціональнаго развитія, придумалъ рѣчь; этого одного достаточно, чтобы создать цѣлую бездну между стадомъ и родовымъ союзомъ. Пчела лѣпитъ свои соты вслѣдствіе потребности выдѣлять продукты своего тѣла: соты являются въ гораздо большихъ размѣрахъ продуктомъ общей потребности, чѣмъ результатомъ общаго дѣйствія. Муравейникъ созданъ уже общей работой съ употребленіемъ внѣшнихъ орудій, но онъ стоитъ гораздо ниже общаго труда нѣкоторыхъ птицъ. Возвращаясь ежегодно на тоже мѣсто, птицы создаютъ себѣ на недоступныхъ мѣстахъ по обрывамъ рѣкъ многолѣтнимъ трудомъ подземныя жилища. Если вы запустите въ одно изъ отверстій трость, которая у васъ въ рукахъ, она уйдетъ вся и не причинитъ ни малѣйшаго вреда гнѣздамъ; птица,

встревоженная ею, вылетитъ откуда нибудь изъ отдаленнаго отверстія; — и все таки тутъ ничего, кромѣ инстинктивности и подражанія нѣтъ. Сравните съ этимъ какое нибудь военное братство краснокожихъ, живущихъ въ такъ называемыхъ дворцахъ Монтезумы. Тутъ вы видите сознательную общую жизнь, общее обсужденіе каждаго шага, какъ въ работѣ, такъ и на охотѣ и на войнѣ; сознательность союза принимаетъ размѣры, не мыслимые ни у одного животнаго вида.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Окончивъ изложеніе развитія организма путемъ мыслительнаго процесса, мы можемъ дать разъясненіе, которое до этого было-бы преждевременнымъ и непонятнымъ. Человѣкъ обладаетъ способностями, далеко превосходящими способности животнаго; но животное имѣетъ надъ нимъ одно существенное преимущество. Животное мыслитъ воспоминаніями о впечатлѣніяхъ, изъ которыхъ у него создались образы и понятія, оно мыслитъ понятіями, а человѣкъ мыслитъ словами. Какъ мы видѣли выше, само слово составляетъ впечатлѣніе, полученное организмомъ отъ клѣтокъ его воспропзводящихъ. Мышленіе этимъ крайне облегчается и сокращается, но за то-же образъ и понятіе могутъ замѣниться словомъ. Основаніемъ для синтеза начинаетъ служить слово, которое заключаетъ въ себѣ нѣчто сбивчивое, противорѣчивое и неопредѣленное, а между тѣмъ принимается за ясное и опредѣленное понятіе. Къ такимъ словамъ принадлежатъ, напр. механическая сила, законъ природы и т. п.

Огюстъ Контъ начинаетъ свою позитивную философію съ закона тяготѣнія, который по его мнѣнію составляетъ самый всеобщій законъ природы, но развѣ въ природѣ существуетъ явленіе, которое можно назвать закономъ тяготѣнія. Надъ небесными тѣлами сдѣлано наблюденіе, что чѣмъ больше ихъ масса, и чѣмъ болѣе они приближаются другъ къ другу, тѣмъ съ большею стремительностью они напра-

вляются одинъ къ другому. Отсюда выведенъ законъ тяготѣнія; но если-бы было справедливо, что существуетъ сила тяготѣнія, которая увеличивается съ уменьшеніемъ разстоянія, то при соприкосновеніи она должна была-бы дѣлаться безпредѣльной, ничѣмъ не одолимой, а между тѣмъ это не только не подтверждается, а наоборотъ, наблюденіе окончательно отвергаетъ безпредѣльную силу притяженія. Мало этого, то-же наблюденіе показываетъ, что формула такъ называемаго закона тяготѣнія вѣрна все таки только въ извѣстныхъ, хотя очень широкихъ предѣлахъ, а за тѣмъ перестаетъ совпадать съ фактами. Ясно почему все это оказалось; явленіе не объяснено, законъ тяготѣнія составляетъ ошибочное предположеніе и не болѣе. Остаются выясненные наблюденіемъ факты, на повтореніе которыхъ можно съ достаточной вѣроятностью расчитывать — вотъ и все. Разсмотрите всѣ явленія сближенія и отталкиванія тѣлъ, — всѣ они не объяснены. Ученіе о свѣтѣ, теплотѣ, электричествѣ, химическомъ сродствѣ — всѣ они основаны на гипотезахъ, т. е. предположеніяхъ. Всѣ ихъ законы вѣрны только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Вездѣ остаются только отдѣльные факты, на повтореніе которыхъ можно разсчитывать и не болѣе. Всѣ законы природы составляютъ предположенія, опровергающіяся, а не подтверждающіяся наблюденіемъ, а потому и относимыя къ разряду гипотезъ. Такое-же предположеніе составляетъ и механическая сила, которая должна служить имъ всѣмъ общимъ источникомъ. Понятіе это составлено такъ-же, какъ понятіе о богѣ. Не умѣя себѣ объяснить цѣлесообразность въ природѣ, люди сдѣлали предположеніе бога, существа, которое будто-бы все это дѣлаетъ. Не умѣя себѣ объяснить, какъ можетъ дѣйствовать мертвая неорганическая природа, если ею не двигаетъ богъ, стали называть дѣятеля механической силой: хотя понятіе о существованіи механической силы неорганической матеріи родилось изъ предположенія, что этою матеріею двигаетъ богъ. Движеніе механическое, т. е. движеніе, произведенное механизмомъ, это такое движеніе, мысль и цѣлесообразность котораго принадлежитъ не двигающемуся механизму, а построившему его механику. Вотъ почему съ устраненіемъ бога въ качествѣ двигателя слово механическая сила осталось словомъ безъ смысла; оно не объясняло и не объединяло факты, факты остались отдѣльными и не понятными, какъ были; оно только придавало имъ внѣшній видъ не существующаго единства.

Такія понятія, какъ механическая сила, законъ природы, могли оставаться неприкосновенными втеченіе столь долгаго времени только потому, что старались объяснить именно то, что не подда-

валось объясненію и оставляли безъ объясненія то, что могло быть объяснено при правильной постановкѣ дѣла. Не тяготѣніе составляетъ всеобщій фактъ, обращающій на себя первостепенное вниманіе среди явленій неорганическаго міра, а то единообразное повтореніе, которое было до такой степени поразительно, что ученые, собрали изъ него необъятный матерьялъ естественныхъ наукъ. Это единообразное повтореніе было-бы окончательно необъяснимо, если-бы къ нему не присовокуплялось другого еще болѣе поразительнаго явленія. Кромѣ единообразнаго повторенія замѣчалась еще строгая послѣдовательность, которая открывала ученымъ обширное поле для предвидѣнія. При строго послѣдовательномъ логическомъ заключеніи изъ ряда извѣстныхъ фактовъ, можно было предсказать фактъ, который наступитъ при измѣнившихся обстоятельствахъ. Спрашивается, чѣмъ объясняется такое полное совпаденіе выводовъ, сдѣланныхъ путемъ логическихъ умозаключеній и построеній, съ фактами дѣйствительности?

Если тѣло, занимающее пространство, оказываетъ сопротивленіе другому, налетѣвшему на него тѣлу — спрашивается: кто оказываетъ это сопротивленіе? — Разумѣется сопротивляющееся тѣло, отвѣтитъ каждый. — Совершенно справедливо, въ этомъ можно вполнѣ убѣдиться самымъ точнымъ наблюденіемъ. Вы можете замѣнить налетающее тѣло другимъ — сопротивленіе будетъ то-же; будетъ ясно, что сопротивленіе зависитъ отъ сопротивляющагося тѣла, а не отъ налетающаго, если-же вы замѣните сопротивляющееся тѣло, то и сопротивленіе измѣнится и этимъ будетъ доказано то-же самое и т. д. А если единица матеріи двигается, кто производитъ это движеніе. Механика учитъ насъ, что движеніе матеріи есть ничто иное, какъ извѣстная форма ея сопротивленія; единица матеріи можетъ сопротивляться или создавая или нарушая условіе равновѣсія,* послѣдній видъ сопротивленія и будетъ движеніемъ. Когда вы передвигаете чашку, то вы преодолеваете рядъ моментовъ сопротивленія чашки; это сопротивленіе, уступая вашему напору и дастъ въ окончательномъ результатѣ движеніе чашки. Приметъ-ли сопротивленіе форму движенія или неподвижнаго состоянія, во всякомъ случаѣ оно будетъ актомъ единицы матеріи, которая или двигается или остается неподвижной. Единица матеріи сама двигаетъ себя, сообразуясь съ внѣшними воздѣйствіями, которыя ею воспринимаются или одновременно или разновременно отъ разныхъ внѣшнихъ предметовъ. Отсюда прямо слѣдуетъ, что если-бы единица матеріи не имѣла способности

* О движеніи по инерціи безъ нарушенія условій равновѣсія нечего говорить потому что такого движенія въ дѣйствительности не существуетъ — это фикція.

воспринимать внѣшнія воздѣйствія, то она не могла-бы производить движеній, соотвѣтствующихъ этимъ воздѣйствіямъ. Внѣшнее воздѣйствіе, способное восприниматься тѣломъ внутренно, называется впечатлѣніемъ, а способность воспринимать внѣшнія воздѣйствія — впечатлительностью. Если-бы единицы матеріи не были способны воспринимать внѣшнія воздѣйствія, т. е. если-бы онѣ не обладали впечатлительностью, то и движеніе было-бы невозможно, потому что въ этомъ случаѣ мы не имѣли-бы воздѣйствія одной единицы матеріи на другую, а имѣли-бы дѣйствіе, не имѣющее характера воздѣйствія и не способнаго вліять на двигающуюся единицу матеріи. Съ чего взяли, что неорганическая матерья отличается отъ органической тѣмъ, что первая неспособна къ впечатлительности, а вторая способна. Органическая матерья отличается отъ неорганической тѣмъ, что она живетъ, т. е, обладаетъ организмомъ, находящимся въ состояніи непрерывной утраты своей солидарности, которая приводитъ или къ смерти или къ правильному дѣленію или къ состоянію, при которомъ онъ отъ малѣйшей случайности раздѣляется и распадается въ дребезги. Неорганическая матерья не живетъ, она не обладаетъ помянутымъ свойствомъ.

Теперь слѣдуетъ вопросъ: отличается-ли органическая матерья отъ неорганической съ точки зрѣнія впечатлительности. Спенсеръ увѣренъ, что люди и животныя ходятъ механически или автоматически. Я всегда удивлялся возможности такого заблужденія. Каждый шагъ человѣка или животнаго есть результатъ мыслительнаго процесса. Неужели это требуетъ объясненія? Сдѣлайте автоматъ, механическую игрушку, заставьте ее ходить и сравните ея хожденіе съ тѣмъ какъ ходитъ животное и человѣкъ. Много-ли нужно неблюдательности, чтобы убѣдиться, что каждый шагъ человѣка и животнаго направляется къ цѣлесообразности именно потому, что онъ есть результатъ мыслительнаго процесса, а шаги игрушки не отличаются этимъ свойствомъ потому, что мыслительный процессъ самой игрушки не направляетъ шаги къ цѣлесообразности. Изъ этой и ей подобныхъ логическихъ ошибокъ Спенсеръ выводитъ заключеніе, что дѣйствіе, порожденное мышленіемъ, можетъ превращаться въ механическое или автоматическое движеніе, и заключеніе Спенсера было принято наукою. Причина заблуженія объясняется смѣшеніемъ дѣйствія, порожденнаго крайне сокращеннымъ мыслительнымъ процессомъ, съ механическимъ дженіемъ; всѣ внезапныя движенія сокращаютъ мыслительный процессъ до минимума, а потому кажутся механическими и т. п. Такое-же смѣшеніе дѣйствій, порожденныхъ мы-

слительнымъ процессомъ съ механическими и автоматическими и по такимъ-же причинамъ обнаруживается и въ другихъ случаяхъ первостепенной философской важности.

Когда мыслитель видитъ, какъ человѣкъ обѣдаетъ, онъ не сомнѣвается, что актъ принятія пищи есть результатъ мышленія, перешедшаго въ дѣйствіе; онъ настолько-же увѣренъ въ этомъ, когда видитъ, что ѣстъ собака; но когда онъ нисходитъ къ низшимъ животнымъ, то его уже начинаетъ одолѣвать сомнѣніе, не есть-ли актъ этого животнаго мышленіе, превратившееся въ автоматичность и въ механическое движеніе. Чтобы оградить себя отъ такихъ ошибокъ, онъ долженъ конечно сначала научиться понимать разницу между тѣмъ, какъ ходитъ человѣкъ и животное и какъ ходитъ деревянная кукла. Однако-же разсказывая о томъ, какъ низшее животное ловитъ, обхватываетъ или втягиваетъ предметъ, которымъ питается, ученый говоритъ такимъ языкомъ, что трудно предположить, что онъ не считаетъ это животное настолько-же мыслящимъ существомъ, насколько имъ является и человѣкъ при подобныхъ проявленіяхъ. Сомнѣніе въ этомъ случаѣ объясняется тѣмъ-же, чѣмъ объясняется мнѣніе Декарта, Лейбница и др., которые, сравнивая вполнѣ тожественныя проявленія человѣка и животнаго, все таки могли утверждать, что въ первомъ случаѣ проявляется мышленіе, а во второмъ нѣтъ. Ошибка Декарта, Лейбница и др. грубѣе ошибки Спенсера, однако-же она принадлежитъ великимъ философамъ и грубѣе только потому, что они жили раньше. Послѣ этого вовсе не удивительно, если не съумѣли усмотрѣть актъ мысли въ томъ, какъ питается клѣтка растенія. Есть животныя, которыя ѣдятъ съ помощью ножей и вилокъ и пьютъ съ помощью стакановъ, но есть и такія животныя, которыя прямо хватаютъ пищу; хватаютъ иногда просто, но иногда искуснѣе и хитрѣе, чѣмъ могъ-бы это сдѣлать человѣкъ. Есть и растенія, которыя хватаютъ пищу; но въ первыхъ случаяхъ признаютъ источникомъ дѣйствія впечатлительность и мышленіе, а въ послѣднемъ нѣтъ. Туть такая-же непослѣдовательность, какъ въ заключеніяхъ Декарта и Лейбница, не допускавшихъ мышленія въ животномъ.

Мышленія мы нигдѣ не видимъ, о его существованіи мы заключаемъ только изъ проявленій; но именно поэтому мы будемъ разсуждать логически послѣдовательно только тогда, когда мы во всѣхъ случаяхъ одинаково будемъ считать тѣже проявленія результатомъ той-же мысли, если только эти проявленія составляютъ дѣйствія извѣстной единицы матеріи. Я не имѣю никакой возможности знать, какая единица матеріи способна къ мы-

шленію и какая нѣтъ, какія проявленія единицы матеріи суть результатъ мышленія и какія нѣтъ; вотъ почему я въ этихъ случаяхъ долженъ относиться ко всѣмъ единицамъ одинаково. Я знаю, что мышленіе при питаніи проявляется тѣмъ, что дѣлается выборъ между питательными и непитательными веществами, питательныя принимаются, а непитательныя отбрасываются въ сторону; въ этомъ и заключается цѣлесообразность дѣйствія во время питанія. Поэтому каждый разъ когда я встрѣчаюсь съ такимъ-же выборомъ и съ такимъ-же дѣйствіемъ, я долженъ признать его результатомъ мышленія, если я хочу быть послѣдовательнымъ. Съ такимъ выборомъ я встрѣчаюсь и при питаніи живой растительной клѣтки, она всасываетъ и воспринимаетъ жидкости и газы, полезные для питанія и отвергаетъ другія. Въ воздухѣ, въ жидкихъ растворахъ въ землѣ много различныхъ тѣлъ и растенія не могли-бы быть здоровыми, если-бы они воспринимали ихъ случайно, а не по выбору. Одинаковость проявленія растительной клѣтки и животнаго при питаніи принуждаетъ меня къ заключенію, что и то и другое дѣйствіе есть результатъ цѣлесообразной мысли. А потому я и въ томъ и въ другомъ актѣ долженъ признавать всѣ элементы мыслительнаго процесса. Оставаясь послѣдовательнымъ я не имѣю права сказать, что источникомъ человѣческаго выбора есть общій источникъ всякаго мышленія, т. е. впечатлѣніе, а источникомъ такого-же выбора у растенія не есть впечатлѣніе, а нѣчто другое напр. раздраженіе.

Мыслителей въ этомъ случаѣ въ особенности сбивало то обстоятельство, что въ животномъ они находили произвольное дѣйствіе, а въ растеніи нѣтъ. Они считали произвольное дѣйствіе въ человѣкѣ прямымъ результатомъ его мышленія, а потому приписывали мышленіе только такимъ организмамъ, которые обладали произвольнымъ движеніемъ. Но развѣ произвольное дѣйствіе есть результатъ мышленія? Наоборотъ, дѣйствіе, вытекающее изъ мышленія и произвольное дѣйствіе противорѣчатъ другъ другу. Изъ мышленія никакимъ образомъ не можетъ произойдти произвольное дѣйствіе. Логически правильное заключеніе непзбѣжно всегда одно и то-же, дважды два четыре и ни пятью, ни шестью не можетъ быть. Мышленіе не только не порождаетъ произвольнаго дѣйствія, но противорѣчитъ ему до конца. Пропзвольное дѣйствіе указываетъ не на существованіе, а на отсутствіе мышленія. Мышленіе должно порождать не пропзвольныя дѣйствія, а именно такія, какія мы видимъ въ неорганической природѣ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ,

гдѣ человѣкъ руководствуется мышленіемъ и правильной логикой его дѣйствіе можно предвидѣть съ той-же самой точностью, съ какой можно предвидѣть хорошо изученное явленіе природы при его повтореніи или правильномъ видоизмѣненіи. Если-бы мы разсуждали логически правильно, то мышленіе мы должны были-бы отвергать въ произвольныхъ дѣйствіяхъ человѣка а не въ природѣ. Мы находимъ мышленіе въ произвольныхъ дѣйствіяхъ человѣка только потому, что мы знаемъ, что мы мыслимъ и привыкли мышленіе и произволъ или, какъ мы говоримъ, свободную волю соединять въ одно понятіе. Это ошибочное заключеніе, сдѣланное изъ самонаблюденія. Если-бы мы умѣли уяснить себѣ, что дѣйствія человѣка, порожденныя мышленіемъ, отличаются той-же неизмѣнной правильностью, какъ и дѣйствія въ природѣ, и что человѣческія дѣйствія намъ кажутся произвольными только потому, что логическая ихъ подкладка слишкомъ сложна и что въ большинствѣ случаевъ для насъ невозможно ее распутать, тогда-бы мы не имѣли такого отвращенія отъ идеи о мышленіи растеній и неорганической природы. Тогда бы мы не стали исхитрятся и придумывать разныхъ выраженій, чтобы отличить подкладку дѣйствій въ растеніяхъ и неорганической природѣ отъ той-же подкладки у человѣка. Не стали-бы у растеній замѣнять слово впечатлѣніе, словомъ раздраженіе. Для неорганической природы и раздраженіе оказалось недостаточнымъ, философы употребляли слово перцепція, но втеченіе столѣтій всѣ эти раздраженія и перцепціи ни на волосъ не выяснили дѣла. При питаніи животнаго и растенія вы видите выборъ питательныхъ веществъ и признавая выборъ животнаго порожденіемъ мыслительнаго процесса вы послѣдовательно обязаны признать его и по отношенію къ растенію. Но въ химическомъ соединеніи вы видите точно такъ-же выборъ со стороны соединяющагося химическаго тѣла и не только выборъ, но такой послѣдовательный образъ дѣйствія, который указываетъ на весьма точную логику. Это указываетъ не только на впечатлительность, но на то, что одно тѣло имѣетъ понятіе о другомъ. Но человѣкъ признаетъ мышленіе въ произвольныхъ, т. е. самыхъ аналогическихъ дѣйствіяхъ человѣка и отвергаетъ его въ самыхъ послѣдовательныхъ дѣйствіяхъ неорганической природы и это не кажется ему логической ошибкой. Въ дѣйствіяхъ неорганической природы мы понимаемъ крайнюю ихъ послѣдовательность, но не понимаемъ ихъ цѣлесообразности; однако у человѣка мы признаемъ результатами мышленія и такія дѣйствія, въ которыхъ мы ни послѣдовательности, ни цѣлесообразности не понимаемъ — и признаемъ притомъ совершенно правильно.

Разсматривая проявленія неорганическихъ тѣлъ, вы имѣете передъ собою такое-же явленіе, какое вамъ представляется, когда вы разсматриваете механизмы. То вы видите ихъ цѣлесообразность, но не понимаете ихъ устройства, т. е. того пути, которымъ эта цѣлесообразность достигается; то вы видите послѣдовательность дѣйствія и не понимаете цѣли. Въ первомъ случаѣ вы спрашиваете: какъ это сдѣлано? а во второмъ: для чего? — Вы сдѣлаете однако-же большую ошибку, если вы будете отрицать въ механическихъ орудіяхъ мысль, вмѣсто того, чтобы приписать эту мысль механику. Именно такую ошибку вы дѣлаете обсуждая дѣйствія въ неорганической природѣ. Механикъ тутъ извѣстенъ, это дѣйствующая единица матеріи, — вамъ остается понять механизмъ и его мысль. Если источникомъ дѣйствія механика есть его впечатлительность, то, послѣдовательно разсуждая, вы должны приписать тому-же и хитрые механизмы единицъ матеріи. Вы должны понять впечатлительность единицы и угадать ея мысль точно такъ-же, какъ вы стремитесь понять тѣ впечатлѣнія, изъ которыхъ произошла мысль механика, чтобы понять машину. Только тогда дѣйствія единицъ неорганической матеріи можно считать объясненными, когда мысль дѣйствія и его цѣлесообразность будетъ понята.

Чтобы добираться до этой мысли можно идти только однимъ путемъ — стараться понять путь прогресса въ неорганической матеріи. Этотъ путь долженъ существовать, иначе изъ ней не могъ-бы развиться и органическій міръ. Конечно я могу здѣсь сказать объ этомъ не болѣе нѣсколькихъ словъ. Впечатлительность къ свѣту въ неорганической матеріи, наполняющей межзвѣздное пространство, конечно такая-же впечатлительность, какъ и впечатлительность человѣка, но результаты, данныя, которыя впечатлительность человѣка даетъ мыслительному процессу, настолько-же сложнѣе, насколько организація человѣка сложнѣе организаціи межзвѣзднаго пространства. Такой сложный органъ, какъ глаза, воспринимая сразу неисчислимое множество свѣтовыхъ впечатлѣній, даетъ общему мышленію человѣка цѣлую картину окружающаго міра до отдаленныхъ звѣздъ; эта картина дополняется впечатлѣніями, полученными отъ другихъ органовъ и способствуетъ созиданію весьма совершенныхъ понятій. Отсутствіе глазъ лишаетъ единицу матеріи всякой картины внѣшняго міра. Впечатлѣніе свѣта на матерью межзвѣзднаго пространства можетъ давать ей только возможность отличать свѣтъ отъ тьмы, синій лучъ отъ краснаго, но никакихъ образовъ. За то-же детали свѣтовыхъ лучей она передаетъ, а слѣдовательно и различаетъ съ несравненно большей тонкостью и вѣрностью, чѣмъ глазъ. Свѣтовыя впечатлѣ-

нія даютъ ей только указанія на существованіе внѣшняго міра, который способенъ воздѣйствовать на нее различнымъ образомъ. Она можетъ отвѣтить на воздѣйствіе только такъ, чтобы его прекратить или дать ему исходъ. Разъ отвѣтъ удастся, она будетъ его повторять; это неизбѣжный пріемъ эмпирическаго мышленія, не имѣющаго понятія о сути дѣла. Является дѣйствіе по подражанію самому себѣ. Изъ всѣхъ проявленій единицъ неорганической матеріи мы не имѣемъ ни одного, которое-бы указывало намъ на какой нибудь другой образъ дѣйствія, кромѣ подражанія самому себѣ. Мы не имѣемъ ни одного факта, который-бы доказалъ намъ, что она можетъ прибѣгать къ другому пріему наболѣе низкой мыслительной способности, къ дѣйствію по подражанію авторитету. Этотъ глупый пріемъ, господствующій у стадныхъ животныхъ и людей, одаренныхъ самыми ограниченными способностями, составляетъ для неорганической матеріи логику, недосягаемаго для нея совершенства. Но за то-же на ея мышленіи по подражанію самому себѣ отражается общее правило мышленія; чѣмъ оно менѣе сложно, тѣмъ оно совершается однообразнѣе, быстрѣе, точнѣе и вѣрнѣе. Непрерывность повторенія одного и того-же въ размѣрахъ немыслимыхъ для человѣка дѣлается источникомъ изумительной точности.

Что касается до матеріи межзвѣзднаго пространства, то васъ прежде всего поражаетъ въ ней ея равновѣсіе. Громадныя небесныя тѣла, темныя и горящія, — звѣзды и кометы проходятъ сквозь нее и нѣтъ ни одного наблюденія, которое-бы указывало, что они разрушаютъ этимъ ее единообразное существованіе и равновѣсіе. На всякое впечатлѣніе она отвѣчаетъ всегда удачнымъ стремленіемъ возстановить это равновѣсіе. Тенденція къ стройности и равновѣсію естественный результатъ обоюднаго дѣйствія по подражанію самому себѣ, приспособляющагося къ взаимнымъ впечатлѣніямъ. Главныя, воспринимаемыя межзвѣздною матеріею, впечатлѣнія свѣта и теплоты указываютъ намъ на пріемы, которые ею употребляются для достиженія этой цѣли. И свѣтъ и теплота распространяются ею такъ, что они тѣмъ болѣе ослабѣваютъ, чѣмъ далѣе распространяются; — самое сильное возбужденіе приходитъ къ успокоенію; всесожигающій жаръ неподвижныхъ звѣздъ, доходя до земли, даетъ такое ничтожное количество теплоты, что людямъ и въ голову не приходитъ, что звѣзды могутъ грѣть. Низшіе организмы, изъ всѣхъ организмовъ самые приспособленные, могутъ существовать при наибольшемъ числѣ условій, но вмѣстѣ съ тѣмъ наименѣе способны къ развитію. Въ неорганическомъ-же мірѣ матерія межзвѣзднаго пространства такъ-же самая приспособленная и не

даетъ намъ никакого указанія на свою способность къ развитію. Она безпредѣльно дѣлима и въ этомъ отношеніи превосходитъ батибій, но не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ дѣленія въ въ межзвѣздномъ пространствѣ. Раздѣленная на части она наполняетъ на землѣ всякую пустоту и во всякой пустотѣ отвѣчаетъ на впечатлѣнія свѣта, теплоты и электричества, но лишь только впечатлѣнія прекращаются, равновѣсіе въ ней возстановляется и отъ впечатлѣній не остается никакого слѣда. Она кажется вездѣсущей, но уступающей пространство всякой другой матеріи безъ признака сопротивленія. Вѣдь пространство безконечно, изъ-за чего хлопотать. Всѣ впечатлѣнія скользятъ по ней, но ни одно не оставляетъ слѣда и ни одно не порождаетъ развитія.

Рядомъ съ безпредѣльнымъ пространствомъ, наполненнымъ межзвѣздной матеріей, мы видимъ сравнительно небольшія пространства, занятыя матеріей другого рода. Эту матерію мы можемъ изучать преимущественно на самой землѣ. Она вовсе не представляетъ намъ того единообразія, которымъ отличается матерія межзвѣздная. Напротивъ она дѣлится, насколько намъ извѣстно изъ наблюденія, на нѣсколько десятковъ простыхъ тѣлъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ свои особенныя основныя свойства. Этими свойствами обусловливается развитіе тѣлъ; при чемъ каждое развивается по особому ему свойственному плану, точно такъ-же, какъ каждая изъ клѣточекъ, изъ которыхъ развились органическіе виды, имѣла свой планъ. При этомъ нѣкоторыя изъ тѣлъ могутъ достигать очень высокой степени развитія, создавая напр. организмъ человѣка, а другія останавливаются на болѣе низкихъ ступеняхъ. Прежде всего всѣ эти тѣла отличаются отъ матеріи межзвѣзднаго пространства тѣмъ, что они представляютъ сопротивленіе тѣламъ, стремящихся наполнить собою занятое ими мѣсто. На впечатлѣніе, произведенное этимъ стремленіемъ, они отвѣчаютъ разширеніемъ, т. е. движеніемъ, направленнымъ къ тому, чтобы отбросить налетѣвшее тѣло, на что тѣло это съ своей стороны отвѣчаетъ такимъ-же движеніемъ. Ученые выражаютъ этотъ процессъ словами: движеніе переходитъ въ теплоту. Такимъ образомъ они дѣлаются источникомъ свѣта и теплоты. Впечатлѣнія, отсюда происходящія, направляются ими такъ-же, какъ межзвѣздной матеріей къ установленію равновѣсія. Понятно, что единица матеріи, встрѣчаясь съ стремленіемъ другого тѣла занять наполненное ею пространство, могла поступить только двумя способами: или уступить мѣсто безъ сопротивленія или оказать сопротивленіе. Сдѣлавшись источникомъ свѣта и теплоты эти тѣла породили всемірный обмѣнъ впечатлѣ-

ній. Стремленіе создать равновѣсіе сдѣлалось неизсякаемымъ источникомъ впечатлѣній и перемѣнъ. На нѣсколькихъ страницахъ нельзя изложить законченное ученіе о впечатлительности единицъ матеріи, а потому я перейду отъ впечатлѣній къ сознанію.

Понятіе о я и внѣшнемъ мірѣ должно предшествовать всякой впечатлительности. Нельзя воспринимать внѣшнихъ воздѣйствій и впечатлѣній не отдѣляя своего я отъ внѣшняго міра, нельзя отвѣчать съ логически безупречной точностью и послѣдовательностью на эти впечатлѣнія не сравнивая ихъ между собою и съ своими дѣйствіями. А понятіе о своемъ отдѣльномъ существованіи и своихъ дѣйствіяхъ есть самосознаніе. Разъ матерія межзвѣзднаго пространства отвѣчаетъ на внѣшнія впечатлѣнія съ безупречной логической точностью и послѣдовательностью, она этимъ проявляетъ сознаніе; — сознаніе точно такъ-же исконное свойство матеріи, какъ и впечатлительность. Я не буду здѣсь заниматься этимъ родомъ сознанія; гораздо интереснѣе то, что проявляютъ простыя химическія тѣла въ области сознанія, потому что тутъ оно дѣлается источникомъ мірового прогресса. Наиболѣе бросающуюся въ глаза особенность этихъ тѣлъ составляютъ химическія соединенія. Химическія соединенія доказываютъ намъ не только то, что простыя химическія тѣла имѣютъ понятіе о подобныхъ имъ другихъ тѣлахъ, между которыми они дѣлаютъ выборъ при своихъ соединеніяхъ и разложеніяхъ, но что у нихъ при этомъ является двойное сознаніе. Продолжая сознавать себя простымъ химическимъ тѣломъ, кислородъ или водородъ въ химическомъ соединеніи сознаетъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ углекислотой или болотнымъ газомъ. Эта способность къ сложному сознанію дѣлается главнымъ источникомъ развитія: всѣ великіе шаги химическихъ тѣлъ на пути развитія сопряжены съ усложненіемъ сознанія. Наблюденіе показываетъ намъ, что простыя химическія тѣла сами по себѣ такъ-же мало способны къ развитію, какъ и матерія межзвѣзднаго пространства. Простыя химическія тѣла выдѣляются изъ своихъ соединеній въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ вошли въ нихъ. Какъ-бы ни были совершенны тѣ тѣла, изъ которыхъ они выдѣлились, они послѣ выдѣленія проявляютъ тѣ-же самыя основныя свойства, какія въ нихъ были всегда и малѣйшей тѣни прогресса въ нихъ не оказывается отъ существованія въ болѣе совершенномъ видѣ. Кислородъ, побывавшій въ человѣческомъ тѣлѣ, остается такимъ-же кислородомъ, какимъ онъ былъ въ воздухѣ. Его способность къ развитію проявляется не въ тѣхъ свойствахъ, которыми онъ обладаетъ въ качествѣ простого тѣла, а въ способности къ соединеніямъ и къ усложненію своего сознанія. Въ жи-

вотномъ вы видите максимумъ усложненія сознанія; мы видѣли выше какъ при каждомъ усложненіи сознанія химическія тѣла, входящія въ составъ организма, могутъ совершать дѣйствія и мыслительные процессы, къ которымъ они оказываются окончательно неспособными, когда они дѣйствуютъ отдѣльно, а не въ полномъ составѣ того тѣла, которому принадлежитъ сознаніе.

Только ученіе о сложномъ сознаніи можетъ намъ дать ключъ для разъясненія цѣлесообразности дѣйствій и пути развитія въ неорганической природѣ. Въ химическихъ соединеніяхъ одинъ видъ сознанія вполнѣ поглощается другимъ; разъ тѣло находится въ химическомъ соединеніи, оно дѣйствуетъ какъ химическая молекула, какъ выражаются химики, какъ углекислота, болотный газъ, и т. д. и вовсе перестаетъ дѣйствовать какъ простое тѣло, кислородъ, углеродъ и т. д. Присутствіе въ немъ отдѣльнаго сознанія кислорода, углерода проявляется только при выдѣленіи этихъ тѣлъ и при переходѣ ихъ въ другое соединеніе или въ уединенное состояніе. Поэтому и способность къ развитію въ каждомъ изъ простыхъ тѣлъ проявляется легкостью переходовъ, т. е. непрочностью его соединеній, связанныхъ съ новыми, усложняющимися комбинаціями.

Кромѣ способности къ непрочнымъ соединеніямъ необходима еще благопріятная среда, которая образуется совершенно независимо отъ химическаго тѣла. Способность неорганизованныхъ химическихъ тѣлъ вліять на эту среду путемъ химическихъ соединеній весьма различна. Твердыя части земной коры носятъ на себѣ наибольшее количество слѣдовъ такого вліянія. Въ нихъ простыя тѣла составляютъ исключеніе и преобладаютъ сложныя, химическія соединенія; но эти соединенія могутъ оставаться въ ней безъ измѣненія втеченіе тысячелѣтій. Водородъ и кислородъ составляютъ тѣ тѣла, которыя наиболѣе вліяютъ на химическія измѣненія на землѣ. Изъ морей и водохранилищъ вода непрерывно подымается въ воздухъ и, проникая въ землю, дѣлается въ ней главнымъ источникомъ перемѣнъ. Однако-же въ той сферѣ, гдѣ химическія тѣла въ наибольшихъ размѣрахъ сохраняются или въ формѣ простыхъ тѣлъ или въ самыхъ несложныхъ соединеніяхъ, т. е. въ атмосферѣ, окружающей землю, кислородъ вмѣстѣ съ азотомъ составляютъ главную массу тѣлъ, неступившихъ въ соединенія. Вліяніе на среду дѣлается постояннымъ, соединенія наиболѣе сложными и обмѣнъ непрерывнымъ только съ появленіемъ организма, но за то-же для достиженія такого результата потребовалось не только дальнѣйшее усложненіе сознанія, но такое усложненіе, которое существенно отличается отъ усложненія неор-

ганическихъ химическихъ соединеній. Въ неорганическихъ химическихъ соединеніяхъ сознаніе такъ называемой химической молекулы поглощаетъ сознаніе простого тѣла, которое проявляется снова только при выдѣленіи, а въ органической клѣткѣ два рода сознанія дѣйствуютъ одновременно; сознаніе клѣтки производитъ физіологическія отправленія, а одновременно молекулы производятъ химическія перемѣны. Дальнѣйшее развитіе организмовъ приводитъ къ такому усложненію сознанія, при которомъ нѣсколько родовъ сознанія дѣйствуютъ одновременно. Сознаніе, которое создаетъ общее мышленіе, то, которое создаетъ отдѣльное мышленіе частей организма, отдѣльное сознаніе органической клѣтки и сознаніе химическихъ молекулъ. Химическія соединенія и сложное сознаніе разъ образовавшись облегчаютъ дальнѣйшее усложненіе соединеній и сознаній. Такимъ образомъ получается непрерывная картина развитія земной коры и организмовъ на ней живущихъ. Если-бы существовала одна матерья межзвѣзднаго пространства и если-бы въ ея средѣ установилось полное равновѣсіе, то это равнялось-бы прекращенію всякой дальнѣйшей впечатлительности, всякаго проявленія, всякаго развитія. Къ счастію намъ объ этомъ излишнее разсуждать. Матерья небесныхъ тѣлъ совсѣмъ другого свойства. Противорѣчивыя ея стремленія исконно сдѣлались источникомъ непрекращающихся впечатлѣній и не прекращающагося движенія. Равновѣсіе тутъ не мыслимо, противорѣчивыя впечатлѣнія могутъ уничтожаться только солидарностью дѣйствія. Къ этой солидарности и направляется все развитіе въ природѣ путемъ приспособленія, какъ къ единственному и неизбѣжному исходу. Простое тѣло болѣе солидарно, чѣмъ органическая клѣтка, въ немъ нѣтъ той химической борьбы, которая неизбѣжна въ органической клѣткѣ. Но чтобы могла создаться солидарность съ другимъ химическимъ тѣломъ, эти два тѣла должны сначала знать другъ друга. Они узнаютъ другъ друга, соединяются; теперь у нихъ одно сознаніе, они дѣйствуютъ какъ одно химическое тѣло, они солидарны. Но увы, эта солидарность не имѣетъ и тѣни той прочности, какую мы видимъ въ простомъ тѣлѣ. Явятся другія тѣла, произведутъ свои впечатлѣнія и разрушатъ ее. Таковъ ходъ развитія; — усложняются соединенія, усложняются сознанія, съ ними вмѣстѣ расширяется впечатлительность, расширяется способность къ мыслительнымъ процессамъ, расширяются предѣлы солидарнаго дѣйствія, но основной новый видъ сознанія и общаго дѣйствія уступаетъ предшествующему въ размѣрахъ солидарности.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. ПРИЛОЖЕНІЕ. — Борьба анархіи съ приручеміемъ (очеркъ изъ русской исторіи)—

I. Стремленіе трудящихся скрываться - - - - 1
II. Основы организаціи. Родъ и братство - - - 4
III. Собираніе земли и закрѣпощеніе - - - - 11
IV. Борьба съ закрѣпощеніемъ - - - - - 17
V. Боярство, духовенство и княжество - - - - 21
VI. Самозащита въ народѣ - - - - - - - 25
VII. Заключеніе - - - - - - - - - - 29

2. АЗБУКА СОЦІАЛЬНЫХЪ НАУКЪ. — Государства западно-европейской цивилизаціи.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. — Цивилизація бассейна средиземнаго моря:

Глава I.

Античная цивилизація - - - - - - - - - 5

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ. — Современная западно-европейская цивилизація:

Глава II.

Роль религіи въ средѣ современной цивилизаціи - - 17

Глава III.

Роль религіи (окончаніе) - - - - - - - - 37

Глава IV.

Чѣмъ отличается современная западная цивилизація отъ всѣхъ ей предшествовавшихъ. Судьба правильнаго синтеза и роль его при созданіи обобщеній и основъ міровоззрѣнія - - - - - - - - - - 49

Стр.

Глава v.

Общественный договоръ. Условіе организаціи - - - 77

Глава vi.

Мыслительный процессъ, какъ причина явленій. Происхожденіе видовъ - - - - - - - - - 97

Глава vii.

Образованіе видовъ. Происхожденіе полового размноженія. Два пути утраты органической солидарности - - 117

Глава viii.

Послѣдствія возрастающей медленности въ утратѣ органической солидарности высшими организмами. Замѣна орудій, вырабатываемыхъ организмомъ изъ себя, внѣшними орудіями. Утрата клѣточками внутренней своей солидарности въ пользу солидарности съ организмомъ. Возрастающее стремленіе организма сохранить свою солидарность съ отдѣлившимися зародышами своими - 131

3. ПРИЛОЖЕНІЕ - - - - - - - - - - - 1

Каталогъ

Фонда Вольной Русской Прессы.

1894.

Сказка Говоруха. Народное изданіе. Лондонъ 1875. ц. 2 ш. (2,50 фр.).
Сказка о кривдѣ и правдѣ. 1875. Изд. «Впередъ», ц. 4 п. (0,40).
Славянскій вопросъ. 1876. Изд. «Впередъ«. ц. 1 ш. (1,25),
Ткачевъ. Анархія мысли. Собраніе критич. очерковъ. Лондонъ 1879. ц. 3 ш. (3,75).
Флеровскій Н. На жизнь и смерть. Изображеніе идеалистовъ. Романъ. ц. 8 ш. (10,00).
Цебрикова. Письмо къ Александру III. ц. 1891. 10 п. (1,00).

в.) Малороссійскія.

Громада. № 1, 1878 г., № 1, 2, 1881 г. по 1 ш. 8 п. (2,00); № 2, 1878 г. 4 ш. (5,00); № 4, 1879 г., № 5, 1882 г. по 4 ш. (5,00).
Драгоманов. Нові украјінські пісні. 1881. 2 ш. 6 п. (3,00).
—Политичні пісні укр. народу. 1885. Розд. I 2 ш. 10 (3,50); Розд. II. 3 ш. 2 п. (4,00).
Мірній и Білік. Хиба ревуть воли, як ясла повні? 1880. 4 ш. (5,00).
Подолинскій. Життьа ј здоровја льудеј на Украјіні. 2 ш. 6 п. (3,00).
—Ремесла ј хвабрики на Украјіні. 1879. 1 ш. 8 п. (2,00).
Шевченко. Марија мати Јсусова. 1882 5 п. (0,50).
—Поезіјі. 2 ш. 6 п. (3,00).
Драгомановъ. Евангельска віра в старой Англіі. 1893. 2 п. (0,25).
Куліш. Магомет и Хадиза. Поэма. 1883. 1 ш. 8 п. (2,00).
—Хуторна поэзія. 1882. 1 ш. 8 п. (2,00).
Шекспирові творі. Поперекладав Куліш. Том I. (Отелло. Троія та Крессида. Комедія помилок.) 1882. 4 ш. (5,00).
Про богацтво да бѣдносць (бѣлорусское изд.) 1881. 4 п. (0,40).

в). Польскія.

Bard oswobodzon. Polski. 200 narodowych piesni. 1 s. 6 d. (2,00).
Emigracja Polska od 1831—1863 roku. Krotki rys historyczny. 1 s. (1,25).
Mieroslawski L. Poezje. Pierwsze wydanie zbiorowe posmiertne. 1 s. (1,25).
Mirtow. (Lawrow.) Listy historyczne. 2 s. (2,50).
Pobudka, organ polski narod.-socyalnej partyi. Paryz. po 1 d. (0,10).
Praca. Za lat 15 roczniki po 2 s. 6 d. (3,00).
Roczniki Pobudki po 2 s. (2,50).
Wolne Polskie Slowo po 3 d. (0,30).
Przeglad Emigracyjny. Dwutygodnik ekonomiczno-spoleczny. 1893. Numer pojedynczy. 4 d. (0,40).
3 Maja. W setna rocznice konstytucyi 3 Maja. 6 d. (0,60).
Z dzisiejszej doby, No. V. W 30 rocznice powstania Styczniowego. Kilka slow o polityce narodowej. 1893. 2½ d. (0,25).